

ДЖО АБЕРКРОМБИ

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИХ ПОВЕСЯТ

ПЕРВЫЙ ЗАКОН

КНИГА II

fanzon

Земной Круг

Джо Аберкромби
Прежде чем их повесят

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Аберкромби Д.

Прежде чем их повесят / Д. Аберкромби — «Эксмо»,
2008 — (Земной Круг)

ISBN 978-5-699-95096-6

Инквизитор Глокта получает невыполнимое задание – занять место пропавшего наставника в осажденной гурками Дагоске и не допустить ее падения. Первый маг Байяз вместе с прославленным воином Логеном Девятипалым, дворянином Джезалем дан Луффаром и южанкой Ферро отправляются в весьма опасное путешествие на край мира. Путь, который полон лишений и неприятных сюрпризов, но... ради чего? В Инглии продолжается война между Союзом и самозванным королем Севера Бетодом. Все пророчит победу Союзу, ведь во главе обученного войска стоит опытный маршал. Но противник хитер, и кто знает, что он успел подготовить... Куда качнется маятник рока? С кем удача сыграет злую шутку, а к кому неожиданно повернется лицом? Судьба Союза оказывается в руках совсем не тех, кто этого достоин.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-95096-6

© Аберкромби Д., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Часть I	6
Великий уравниатель	7
Тщательно построенные планы	13
Вопросы	25
Старые раны	38
Состояние городских укреплений	47
Это и есть доверие	58
Союзники	64
Костровая политика	75
Небольшие преступления	85
Дождь	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Джо Аберкромби
Первый Закон
Книга вторая: Прежде чем их повесят

Joe Abercrombie
The First Low
Book two: The Blade Itself

First published by Victor Gollancz Ltd, London

Серия «Fantasy World»

*Данное издание посвящается памяти критика и редактора Андрея Зильберштейна
(1979–2017)*

Copyright © 2008 by Joe Abercrombie
© В. Иванов, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Четырем читателям —
вы знаете, кто вы*

Часть I

*Мы должны прощать наших врагов,
Но не прежде, чем их повесят.
Генрих Гейне*

Великий уравниатель

Чертов туман. Застилает глаза, так что ничего не видишь дальше нескольких шагов. Лезет в уши, так что ничего не слышишь или не понимаешь, откуда идет звук. Забивает ноздри, так что ничего не чувствуешь, кроме влаги и испарений. Чертов туман. Сущее проклятие для разведчика.

Несколько дней назад они перешли Белую, оставили Север за спиной и оказались в Инглии. С тех пор Ищейка все время дергался. Еще бы – они шли вслепую по незнакомой земле, в самой гуще чужой войны. Парни тоже дергались. Ни один из них, за исключением Тридубы, раньше не покидал Север. Ну разве что Молчун – тот не рассказывал, где побывал.

Они миновали несколько выжженных ферм и деревню, где не встретили ни души. Большие квадратные дома, постройки Союза. Они видели следы, и людей, и лошадей; множество следов, но ни единого живого человека. Ищейка знал, что Бетод где-то рядом, что его армия рыщет по стране в поисках городов, которые надо сжечь, еды, которую надо забрать, и людей, которых надо убить. Наверняка во все концы разослали лазутчиков. Если Ищейку или кого-то из парней поймают, пленник вернется в грязь, и смерть его не будет легкой и быстрой. Много крови, кровавые кресты, головы на пике и все такое прочее, как пить дать.

Если же они попадутся в руки союзников, то, скорей всего, тоже станут покойниками. Ведь идет война, а на войне люди не склонны к рассуждениям. Ищейка сильно сомневался, что кто-то станет тратить время на то, чтобы отличить дружественного северянина от враждебного. Жизнь до краев полна опасностей.

Это хоть кого заставит нервничать, а Ищейка и в лучшие времена не отличался спокойствием.

Поэтому проклятый туман был как соль на рану, если можно так выразиться.

Пока они крались в полумраке, Ищейке захотелось пить. Он пробрался сквозь мокрый кустарник в ту сторону, откуда доносилось журчание реки, и опустился на колени у кромки воды. Берег был илистый, сплошная тина и палая листва, но Ищейка решил, что это ерунда, – на нем уже столько грязи, что грязнее некуда. Зачерпнул воды в горсть и принялся пить. Здесь, внизу, не было деревьев и тянуло легким ветерком. Туман то наползал на минуту, то рассеивался. Тут Ищейка его и заметил.

Человек лежал на животе – ноги в воде, туловище на берегу. Какое-то время они глазели друг на друга, потрясенные и застигнутые врасплох. Из спины человека торчала длинная палка. Сломанное копьё. Только увидев это копьё, Ищейка понял, что перед ним мертвец.

Он выплюнул воду и пополз прочь, настороженно озираясь, чтобы убедиться, что никто не собирается воткнуть нож ему в спину. На вид покойнику было лет двадцать пять. Соломенного цвета волосы, бурая кровь на серых губах. Одет в утепленную куртку, раздувшуюся от влаги, какие обычно носят под кольчугой. Значит, боец. Должно быть, отстал от своего отряда и угодил во вражескую засаду. Парень, конечно же, был из союзников, но не особо отличался от Ищейки или любого другого – теперь, когда был мертв. Трупы вообще мало отличаются друг от друга.

– Великий уравниатель, – прошептал Ищейка себе под нос; у него было задумчивое настроение.

Так это называли горцы – в смысле, так они называли смерть. Она уравнивает все различия. Названные и ничтожества, южане и северяне – все в итоге попадают к ней, и она со всеми обходится одинаково.

Похоже, парень пролежал здесь не больше пары дней. Если так, то его убийца мог находиться где-то поблизости, и эта мысль обеспокоила Ищейку. Теперь туман казался ему полным звуков: может, там сотня притаившихся карлов или это речка плещет о берег? Ищейка

оставил труп лежать возле воды и нырнул в лес, перебегая от одного выступавшего из серой мглы ствола к другому.

Потом он едва не споткнулся о другое тело, наполовину погребенное под кучей листьев, – оно распростерлось на спине с раскинутыми руками. Миновал еще одного мертвеца с парой стрел в боку – тот стоял на коленях лицом в грязь, задницей кверху. В смерти нет никакого достоинства, это уж точно. Ищейка торопился, ему не терпелось вернуться к своим, рассказать им о том, что видел. Поскорее убраться подальше от этих трупов.

Разумеется, на своем веку он повидал их предостаточно, больше, чем хотелось бы, однако ему всегда бывало не по себе рядом с мертвецами. Проще простого превратить живого человека в труп – Ищейка знал тысячи способов, – но после того, как дело сделано, обратного пути нет. Вот только что был человек со своими надеждами, мыслями и мечтами, имел друзей, семью, родные места – а в следующую минуту превратился в грязь. Ищейка стал вспоминать все переделки, в которых побывал, все битвы и стычки, в которых участвовал, и думать о своей удаче, позволившей ему выжить. О своей глупой удаче. О том, что удача может быстро закончиться.

Он уже почти бежал, забыв об осторожности и спотыкаясь в тумане, как неопытный мальчишка. Не выжидал, не принохивался к ветру, не прислушивался к звукам. Названный вроде него разведчик, исходивший Север вдоль и поперек, должен действовать осмотрительно, но нельзя быть все время наготове. Ищейка и не заметил, как все случилось.

Что-то ударило его в бок, и он упал лицом вперед. Ищейка тут же вскочил на ноги, но кто-то снова пинком вернул его на землю. Он боролся, но неизвестный оказался очень сильным. Через мгновение Ищейка уже лежал в грязи на спине, и виноват в этом был только он сам. Он сам, и эти трупы, и этот туман. Чья-то рука ухватила его за горло и стала душить.

– Гхх, – задыхался Ищейка.

Он цеплялся за руку душителя, понимая, что последний миг близится, что все его надежды возвращаются в грязь. Великий уравнилитель наконец пришел и за ним...

Потом сжимавшие глотку пальцы ослабели.

– Ищейка, – проговорил голос над его ухом, – ты, что ли?

– Ыхх.

Рука отпустила горло, и Ищейка втянул в себя воздух. Он почувствовал, как кто-то тащит его вверх за куртку.

– Ищейка, дерьмо собачье! Я тебя чуть не прикончил!

Теперь он узнал этот голос. Он знал его очень хорошо. Черный Доу, ублюдок. Ищейка был и зол на то, что его едва не задушили, и по-глупому счастлив оттого, что остался жив. Он слышал, как Доу смеется над ним: хриплый смех, словно ворона каркает:

– Ты в порядке?

– Бывали встречи и потеплее, – просипел Ищейка, по-прежнему с трудом глотая воздух.

– Да ты, считай, везунчик. Я мог и прохладнее встретить. Ты б совсем холодным стал. Я принял тебя за Бетодового лазутчика. Думал, ты ушел туда, вверх по долине.

– Как видишь, нет, – просипел Ищейка. – Где остальные?

– Вон, на холме, над этим сучьим туманом. Осматриваются.

Ищейка кивнул назад, в ту сторону, откуда пришел:

– Там трупы. Целая куча трупов.

– Целая куча, неужели? – переспросил Доу. Он словно сомневался, знает ли Ищейка, как выглядит куча трупов. – Ха!

– Да. Во всяком случае, их там полно. Союзники, думаю. Похоже, здесь была заварушка.

Черный Доу снова рассмеялся.

– Заварушка? Ты думаешь?

Ищейка не понял, что он имел в виду.

– Дерьмо, – проговорил он.

Они стояли на вершине холма, все пятеро. Туман расчистился, но теперь Ищейку это не радовало. Он наконец понял, о чем говорил Доу, увидел очень ясно: долина была завалена мертвецами. Трупы лежали на высоких склонах, застрявшие между скал и распластанные в кустарнике. Трупы были разбросаны на дне долины, словно высыпанные из мешка гвозди, – скорчившиеся изломанные фигурки на бурой грунтовой дороге. Трупы были свалены штабелями на берегу реки. Руки, ноги и обломки оружия торчали над последними клочьями тумана. Трупы были повсюду – наспигованные стрелами, исполосованные мечами, раскрытые секирами. Вороны с карканьем перепрыгивали от одной трапезы к следующей, для них нынче выдался хороший денек. Давно Ищейка не бывал на настоящем поле боя после сражения, и это зрелище воскресило в нем мрачные воспоминания. Очень мрачные.

– Дерьмо, – повторил он. Других слов не нашел.

– Похоже, союзники двигались по этой дороге. – Тридуба насупил тяжелые брови. – И сдается мне, торопились. Хотели застать Бетода врасплох.

– Похоже, они не слишком тщательно разведали обстановку, – пророкотал Тул Дуру. – Похоже, Бетод поймал их в ловушку.

– Может, был туман, – сказал Ищейка. – Как сегодня.

Тридуба пожал плечами.

– Возможно. В это время года много туманов. Так или иначе, они шли по дороге, колонной, усталые после длинного дневного перехода. Бетод напал на них отсюда и вон оттуда, с хребта. Сперва стрелы, чтобы сломать ряды, потом пошли карлы – сверху вниз, с воплями и мечами наготове. По-моему, союзники сломались быстро.

– Точно, быстро, – вставил Доу.

– Затем началась резня. Союзники рассеялись вдоль дороги, их прижали к воде, бежать было некуда. Кто-то стаскивал с себя панцирь, кто-то пытался переплыть речку прямо в доспехах. Люди сбились в кучу, лезли по головам, сверху на них сыпались стрелы... Кто-нибудь, конечно, мог вырваться и добежать до леса, но, как мы знаем, у Бетода в запасе всегда есть несколько всадников, чтобы закончить дело.

– Дерьмо, – снова произнес Ищейка.

Ему было очень тошно. Он побывал в подобной переделке на стороне проигравших, и вспоминать об этом было весьма неприятно.

– Все прошло как по маслу, – сказал Тридуба. – Надо отдать ему должное: Бетод знает свое дело лучше всех.

– Так что же, вождь, все кончено? – спросил Ищейка. – Бетод победил?

Тридуба покачал головой, спокойно и неторопливо.

– Есть еще южане, и их страшно много. В основном живут за морем. Говорят, их там столько, что и не сосчитаешь. Больше, чем деревьев на всем Севере. Может, они не сразу доберутся сюда, но они придут. Это лишь начало.

Ищейка глянул на мокрую долину, на всех этих мертвецов. Кто-то свернулся в клубок, кто-то раскинул руки, кто-то скрючился в нелепой позе. Теперь они пища для ворон, и только.

– Для них нет никакого начала.

Доу высунул свернутый трубочкой язык и сплюнул нарочито шумно.

– Загнали в угол и перерезали, словно стадо овец! Хочешь так умереть, Тридуба? А? Хочешь примкнуть к ним? Гребаный Союз! Они не умеют воевать!

Тридуба кивнул:

– Значит, придется их научить.

У ворот образовалась страшная давка. Изможденные женщины с голодным блеском в глазах. Оборванные и грязные дети. Мужчины, старые и молодые, согнувшиеся под тяжелыми тюками или вцепившиеся в свои пожитки. Некоторые вели в поводу мулов, другие толкали повозки с каким-то ненужным барахлом: стульями, оловянными котлами, сельскохозяйственным инструментом. Многие не имели вообще ничего, кроме груза собственного горя. Этого добра, подумал Ищейка, тут с избытком хватит на всех.

Они загромождали дорогу собой и своим скарбом. Они наполняли воздух мольбами и угрозами. Ищейка чувал их страх, его тяжелый запах забивал ноздри и был густым, как суп. Все бежали от Бетода.

Они распикивали друг друга плечами, кто-то проталкивался вперед, кого-то выталкивали назад, то здесь, то там люди падали в грязь, и все отчаянно стремились к воротам, словно к мамкиной титьке. Однако эта толпа топталась на месте. Ищейка видел поблескивавшие над головами острия копий, слышал выкрики грубых голосов: там, впереди, были солдаты, и они не пускали людей в город.

Ищейка наклонился к Тридубе.

– Похоже, им здесь и свои не нужны, – прошептал он. – Думаешь, для нас сделают исключение, вождь?

– Без нас они не обойдутся, это факт. Поговорим с ними, а потом посмотрим. Или у тебя есть предложение получше?

– Например, вернуться домой и не связываться с этим делом, – пробормотал Ищейка сквозь зубы, но все же двинулся следом за Тридубой в гущу толпы.

Южане устали на них, когда они начали протискиваться к воротам. Одна маленькая девочка глядела на проходившего мимо Ищейку огромными глазами, прижимая к себе какую-то ветوشь. Ищейка попытался улыбнуться ей, но он так давно не имел дела ни с кем, кроме суровых людей и твердого металла, что улыбка получилась не особенно милой. Девочка вскрикнула, бросилась прочь, и она была не единственная, кто испугался. Толпа настороженно и молчаливо расступалась в стороны, хотя Ищейка и Тридуба не взяли с собой оружия.

До ворот добрались без затруднений, разве что пришлось пару раз подтолкнуть стоявших на пути, чтобы заставить их подвинуться. Теперь Ищейка видел солдат – дюжина бойцов выстроились в линию напротив ворот, одинаковые, как близнецы. Ему редко доводилось видеть такие тяжелые доспехи; отполированные до ослепительного блеска, они прикрывали стражников с головы до ног, а лица прятались за шлемами. Солдаты стояли неподвижно, как металлические колонны. Ищейка прикинул, как с ними сражаться, если придется. Ни стрела, ни даже меч их не возьмут, разве что повезет попасть в сочленение пластин...

– Скорее подойдет что-то вроде клевца...

– Что? – прошипел Тридуба.

– Да так, ничего.

Да, у них в Союзе очень странные представления о войне. Если бы войны выигрывала та сторона, что сильнее блесит, они бы разделали Бетода под орех, подумал Ищейка. Жаль, что дело обстояло иначе.

Командир сидел между ними за маленьким столиком, заваленным обрывками бумаг, и казался самым странным из всей компании. На нем было надето что-то вроде куртки ярко-красного цвета. Странная одежда для командира, подумал Ищейка, ведь его можно запросто снять стрелой. Да и больно молод для такого дела, борода едва пробивается. Однако, несмотря на все это, выглядел командир вполне самодовольно.

Перед ним стоял здоровяк в грязной куртке и что-то ему доказывал. Ищейка прислушался, пытаясь разобрать язык союзников.

– У меня пятеро детей, – говорил крестьянин, – а кормить их нечем. Что, по-вашему, я должен делать?

Тут же встрял какой-то старик:

– Я личный друг лорд-губернатора, и я требую, чтобы меня пропустили!..

Юнец не дал закончить ни тому ни другому:

– Мне абсолютно наплевать, чей вы друг, и меня не заботит, будь у вас хоть сотня детей! Остенгорм переполнен. Лорд-маршал Берр постановил, что в город допускается не более двухсот беженцев в день, и на сегодняшнее утро лимит исчерпан. Приходите завтра. Пораньше.

Двое мужчин не двинулись с места, уставившись на него.

– Лимит? – прорычал крестьянин.

– Но лорд-губернатор...

– Черт вас подери! – взвизгнул юнец, истерически хлопнув по столу ладонью. – Только попробуйте еще что-нибудь сказать! Вы у меня попадете в город, будьте покойны! Я прикажу втащить вас в него за шкуру и повесить как изменников!

Этого оказалось достаточно, чтобы его собеседники поспешно ретировались. Ищейка начал подумывать, не стоит ли последовать их примеру, но Тридуба уже пробирался к столу. Мальчишка посмотрел на них и скорчил гримасу, словно от пришельцев воняло хуже, чем от пары свежих коровьих лепешек. Ищейку бы это ничуть не тронуло, если бы накануне он не помылся специально для этого случая. Он не был таким чистым уже много месяцев.

– А вам какого черта здесь надо? Мы не нуждаемся ни в шпионах, ни в попрошайках!

– Это хорошо, – отозвался Тридуба спокойно и терпеливо. – Потому что мы ни те ни другие. Мое имя Рудда Тридуба, а вот этого парня зовут Ищейка. Мы хотим поговорить с тем, кто у вас командует. Мы пришли предложить нашу службу вашему королю.

– Предложить службу? – На губах юнца появилась улыбка. Ничуть не дружелюбная. – Как ты сказал – Ищейка? Интересное имя. Даже не могу представить, за что его так назвали.

Он позволил себе слегка хихикнуть над этим образчиком остроумия, и до Ищейки донеслись смешки окружающих. Настоящее сборище кретинов, решил он. Только посмотреть на них, затянутых в фасонные костюмчики и сверкающие доспехи! Да, самое настоящее сборище кретинов, но нет смысла говорить это вслух. Хорошо, что не взяли с собой Доу: тот уже выпустил бы молодому дураку кишки, и их бы всех перебили.

Юнец подался вперед и заговорил медленно-медленно, словно обращался к детям:

– Северянам не позволено входить в город. Только по особому разрешению.

А тот факт, что Бетод разгуливает по стране, громит войска и разоряет земли – это, значит, в порядке вещей, ничего особого. Тридуба стучался в дверь, но там, по мнению Ищейки, была стена.

– Мы многого не просим. Нам нужны только еда и ночлег. Нас пятеро, все названные, опытные бойцы.

– Его величество более чем хорошо обеспечен солдатами. Однако у нас не хватает мулов. Быть может, вы поможете нам тащить провиант?

Все знали, что Тридуба терпелив, но и его терпение имело предел. Ищейка подумал, что юнец опасно приблизился к этому пределу. Болван даже не представлял, во что ввязывается. Рудда Тридуба был не из тех, с кем можно шутить дурацкие шутки. На родине его имя славилось, оно вселяло страх – или отвагу, в зависимости от того, противник перед ним или соратник. Его терпение имело предел, это точно, но пока еще предел не был перейден. К счастью для всех присутствующих.

– Мулы? – прогремел Тридуба. – Мулы умеют лягаться. Смотри, сынок, как бы тебе ненароком не разбили голову копытом!

Повернувшись, он зашагал прочь тем же путем. Люди испуганно расступались перед ними, вновь смыкались за их спинами и тут же все разом принимались кричать – доказывали солдатам, почему именно их следует пропустить в город, а других оставить за воротами на холоде.

– Нас встретили не так тепло, как мы надеялись, – пробормотал Ищейка.

Тридуба не ответил. Он продолжал шагать вперед, опустив голову.

– И что теперь, командир?

Старик угрюмо глянул через плечо:

– Ты меня знаешь. Думаешь, я проглочу этот дерьмовый ответ?

Ищейка так не думал.

Тщательно построенные планы

В приемной лорда-губернатора Инглии было холодно. Гладкая холодная штукатурка высоких стен, холодные каменные плиты широкого пола, в зияющем камине – ничего, кроме холодных уголков. Единственным украшением был огромный гобелен, висевший на одной из стен: золотое солнце Союза со скрещенными молотами Инглии в центре.

Лорд-губернатор Мид безвольно сидел в жестком кресле за огромным пустым столом и глядел прямо перед собой; его правая рука обхватила ножку винного бокала. Его лицо было бледным и изможденным, парадная мантия измята и покрыта пятнами, тонкие седые волосы всклокочены. Майор Вест, родившийся и выросший в Инглии, нередко слышал, как Мида называли сильным руководителем, великим человеком, неутомимым защитником своей провинции и ее жителей. Однако сейчас перед Вестом была лишь оболочка человека, придавленная тяжелой парадной цепью, такая же пустая и холодная, как его разверстый камин.

Воздух в зале был ледяной, а царившая здесь атмосфера была еще холоднее. Лорд-маршал Берр стоял посередине, широко расставив ноги и крепко, до белизны в костяшках, сцепив большие руки за спиной. Майор Вест, прямой как палка, с опущенной головой, маячил за его плечом и жалел, что сдал при входе свою шинель. Казалось, что здесь холоднее, чем снаружи, а погода стояла зыбкая даже для осени.

– Не хотите ли вина, лорд-маршал? – пробормотал Мид, не поднимая головы.

Его голос звучал тонко и неуверенно в этом огромном пространстве. Весту показалось, что он видит дыхание старика, клубящееся у рта.

– Нет, ваша милость. Не хочу.

Берр хмурился. По наблюдению Веста, на протяжении двух последних месяцев он хмурился постоянно. Казалось, лицо его не имело других выражений: он хмурился, когда надеялся, и когда испытывал удовлетворение, и когда удивлялся. Сейчас его хмурая мина выражала сильнейший гнев. Вест нервно переступил с одной онемевшей ноги на другую, чтобы возобновить ток крови. Он желал бы оказаться сейчас где угодно, только не здесь.

– А как насчет вас, майор Вест? – прошелестел лорд-губернатор. – Может быть, вы выпьете вина?

Вест открыл рот, чтобы отказаться, но Берр поспел первым.

– Что произошло? – рявкнул он.

Резкий звук его голоса отразился от холодных стен и эхом прокатился среди промерзших стропил.

– Что произошло? – Лорд-губернатор вздрогнул и медленно перевел взгляд своих провалившихся глаз на Берра, словно видел его впервые. – Мои сыновья погибли.

Трясущейся рукой Мид схватил бокал и осушил его до дна. Вест увидел, как пальцы маршала Берра еще крепче сцепились за спиной.

– Сожалею о вашей утрате, ваша милость, но я говорю о ситуации в целом. Я говорю о Черном Колодце.

Мид слегка вздрогнул при одном упоминании этого места.

– Там было сражение.

– Там была резня! – гаркнул Берр. – Как вы это объясните? Разве вы не получили приказ короля? Собрать всех солдат до единого, обороняться, ждать подкрепления! Ни при каких обстоятельствах не рисковать, не вступать в бой с Бетодом!

– Приказ короля? – Лорд-губернатор скривил губу. – Приказ закрытого совета, вы хотите сказать? Да, я его получил. И прочел. И обдумал.

– И что же?

– Я его порвал.

Вест слышал, как лорд-маршал тяжело дышит через нос.

– Вы... его порвали?

– Вот уже сто лет члены моей семьи управляют Инглией. Когда мы пришли сюда, здесь не было ничего. – Мид горделиво поднял подбородок, выпятил грудь. – Мы освоили целину. Мы расчистили леса и проложили дороги, мы построили фермы, шахты, города, которые обогатили весь Союз! – В глазах старика появился блеск. Теперь он казался выше, отважнее, сильнее. – Люди этой страны привыкли прежде всего обращаться за защитой ко мне, а уж потом искать ее за морем! Неужели я должен был пустить северян – этих варваров, этих животных – на наши земли? Позволить им безнаказанно разрушить великое дело моих предков? Разрешить им грабить, жечь, насиловать, убивать? Мог ли я отсиживаться за стенами, пока они предают Инглию мечу? Нет, маршал Берр! Это не по мне! Я собрал всех людей до единого, вооружил их и послал встретить дикарей с боем, и трое моих сыновей пошли впереди! Как еще я мог поступить?

– Выполнить, мать вашу, приказ! – выкрикнул Берр во все горло.

Вест вздрогнул от неожиданности; громовые раскаты голоса лорда-маршала звенели у него в ушах.

Мид дернулся. Открыл рот. Потом его губы задрожали. В глазах старика набухли слезы, а тело опять обмякло.

– Я потерял сыновей, – прошептал он, уставившись на холодный пол. – Я потерял сыновей...

– Я сожалею о ваших сыновьях, а также обо всех, чьи жизни были отданы впустую, но я не жалею вас. Вы, вы сами навлекли это на себя. – Берр поморщился, сглотнул и потер ладонью живот. Медленно прошел к окну и бросил взгляд на холодный серый город. – Вы растратили всю боевую мощь Инглии, и теперь я должен ослабить собственные силы, чтобы укомплектовать гарнизоны в ваших городах и крепостях. Значит, так: тех, кто выжил после Черного Колодца, и всех остальных, имеющих оружие и способных сражаться, вы передаете под мое командование. На счету каждый человек.

– А я? – пробормотал Мид. – Полагаю, псы в закрытом совете теперь лают, требуя моей крови?

– Пускай лают. Вы нужны мне здесь. На юг течет толпа беженцев, люди бегут от Бетода или от своего страха перед ним. Вы давно не выглядывали в окно? Остенгорм переполнен беженцами. Они тысячами толпятся под стенами города, и это только начало. Вы позаботитесь о них и обеспечите их эвакуацию в Срединные земли. Тридцать лет ваши люди приходили к вам за защитой. Они по-прежнему нуждаются в вас.

Берр отошел от окна.

– Вы предоставите майору Весту список всех боеспособных подразделений. Что до беженцев, им уже сейчас требуется еда, одежда и укрытие. Приготовления к эвакуации должны начаться незамедлительно.

– Незамедлительно, – прошептал Мид. – Конечно, незамедлительно...

Берр метнул на Веста быстрый взгляд из-под тяжелых бровей, набрал в грудь воздуха и зашагал к двери. Вест последовал за ним, но оглянулся. Лорд-губернатор Инглии так и сидел в своем пустом промерзшем приемном зале, сгорбившись в кресле и обхватив руками голову.

– Это Инглия, – сказал Вест, показывая на большую карту.

Он повернулся и посмотрел на собравшихся. Лишь немногие из офицеров проявляли интерес к тому, что он намеревался сказать. Удивляться было нечему, но все-таки это раздражало.

С правой стороны длинного стола сидел генерал Крой. Он чопорно выпрямился и неподвижно замер на стуле. Генерал был высокий, сухопарый, с суровым лицом и седеющими

волосами, остриженными почти вплотную к угловатому черепу, в черном мундире, простом и безупречном. Офицеры его многочисленного штаба были в точности так же коротко стрижены, выбриты, отутюжены и суровы, как собрание плакальщиков. Напротив, с левой стороны стола, развалился генерал Поулдер – круглолицый и краснощекий, с усами устрашающего размера. Роскошный генеральский воротник, твердый от золотого шитья, доходил почти до крупных розовых ушей. Его свита сидела на стульях, словно в седлах, – малиновые мундиры расшиты водопадами галунов, верхние пуговицы небрежно расстегнуты, а пятна дорожной грязи выставлены напоказ, будто медали.

На стороне Кроя война была исключительно вопросом опрятности, самоограничения и жесткого подчинения правилам. На стороне Поулдера она всецело зависела от внешнего блеска и тщательной укладки волос. Партии взирали друг на друга через стол с надменным презрением, словно каждая из них единолично владела секретом настоящей военной службы, а другая, как ни старается, навсегда останется лишь досадной помехой.

С точки зрения Веста, помехами были обе, и вполне серьезными. Однако это было чепухой по сравнению с тем препятствием, какое представляла собой третья часть присутствующих, сгруппировавшаяся вокруг дальнего края стола. Их предводителем был не кто иной, как сам наследник престола принц Ладислав. То, что было на нем надето, походило не столько на мундир, сколько на ночной халат с эполетами. Этаким пеньюар в военном стиле – одного шитья на манжетах хватило бы на хорошую скатерть. Свита была наряжена под стать своему предводителю. Самые богатые, самые красивые, самые элегантные, самые бесполезные юноши Союза развалились на стульях вокруг принца. Если мерилom человека считать величину его шляпы, там были поистине великие люди.

Вест повернулся обратно к карте, в горле у него пересохло. Он знал, что должен сказать; ему нужно лишь сказать это как можно яснее и сесть на место. И неважно, что за его спиной сейчас сидят несколько самых могущественных людей в армии, да еще наследник трона. Эти люди, Вест знал, его презирали. Ненавидели из-за его высокого положения и низкого происхождения. Из-за самого факта, что он заслужил свое место.

– Это Инглия, – снова произнес Вест (как он надеялся, спокойно и авторитетно). – Река Кумнур, – кончик его указки черкнул поверх извилистой голубой линии реки, – делит провинцию на две части. Южная часть гораздо меньше, но там сосредоточено подавляющее большинство населения и почти все крупные города, в том числе и столица Остенгорм. Дороги здесь неплохие, местность относительно открытая. Насколько нам известно, северяне пока еще не перешли реку.

Позади Веста раздался громкий зевок, отчетливо слышный даже с дальнего конца стола. Ощувив внезапный всплеск ярости, майор резко обернулся. По крайней мере, сам принц Ладислав слушал внимательно. Нарушителем порядка стал один из офицеров его штаба – молодой лорд Смунд, обладатель безупречной родословной и безмерного состояния, молодой человек лет двадцати с небольшим, но манерами более напоминающий десятилетнего юнца. Он ссутулился и глядел в пространство перед собой, нелепо разинув рот.

Отчаянным усилием воли Вест удержал себя от того, чтобы не подскочить к лорду и огреть его указкой по голове.

– Я вас, кажется, утомил? – прошипел он.

Смунд, похоже, был очень удивлен тем, что к нему придираются. Он глянул влево, потом вправо, словно подумал, что Вест обращается к кому-нибудь из его соседей.

– Что? Меня? Нет, нет, никоим образом, майор Вест! Утомили? Да что вы! Река Кумнур делит провинцию пополам, и все такое... Захватывающий рассказ, просто захватывающий! Прошу меня простить. Ночью засиделись, сами понимаете...

Засиделись, конечно. Пьянствовали и похвалялись вместе с остальными прихвостнями принца, и теперь считают возможным отнимать у всех время. Пусть люди Кроя излишне

педантичны, а люди Поулдера слишком заносчивы, но они все-таки солдаты. Штаб же принца не обладал никакими талантами – кроме, разумеется, умения раздражать. В этом все они были мастера. Вест заскрежетал зубами от ярости, повернувшись обратно к карте.

– С северной частью провинции дело обстоит иначе! – прорычал он. – Неблагоприятный ландшафт, густые леса, непроходимые болота и скалистые обрывы. Местность малонаселенная. Там расположены шахты, поселки лесорубов, деревни, несколько штрафных колоний, находящихся в ведении инквизиции, и все они разбросаны далеко друг от друга. Есть лишь две дороги, пригодные для перемещения большого количества людей и крупных партий провианта. К тому же надо учесть, что на носу зима. – Вест прошелся указкой вдоль двух пунктирных линий, прочертивших лесные массивы с севера на юг. – Западная дорога, связывающая между собой шахтерские поселения, проходит вплотную к горам. Восточная следует вдоль линии берега. Оба пути соединяются возле крепости Дунбрек на Белой реке, северной границе Инглии. Эта крепость, как мы знаем, уже в руках неприятеля.

Вест отступил от карты и сел на свое место. Он старался дышать глубоко и размеренно, чтобы подавить гнев и прогнать головную боль, которая уже пульсировала позади глазных яблок.

– Благодарю вас, майор Вест, – проговорил Берр, поднимаясь на ноги и поворачиваясь к собранию.

Присутствующие в зале зашевелились; только теперь люди вышли из сонного оцепенения. Лорд-маршал прошелся взад и вперед перед картой, собираясь с мыслями, затем постучал собственной указкой по точке далеко к северу от Кумнура.

– Деревня Черный Колодец. Ничем не примечательное поселение милях в десяти от прибрежной дороги. Всего лишь кучка домов, где сейчас никто не живет. Она даже не отмечена на карте. Место, совершенно не заслуживающее внимания. Не считая того, что именно там северяне недавно перебили наши войска.

– Придурки-ингличане, – проворчал кто-то.

– Им следовало дожидаться нас, – проговорил Поулдер с самодовольной усмешкой.

– Совершенно верно, следовало, – отрезал Берр. – Но они были уверены в себе, и их можно понять. Несколько тысяч хорошо снаряженных людей плюс кавалерия. Многие из них были профессиональными солдатами – возможно, не столь хороши, как Собственные Королевские, но опытные и решительные. Более чем достойные соперники для дикарей, казалось бы!

– Однако, – перебил принц Ладислав, – они неплохо сражались, не так ли, маршал?

Берр бросил сердитый взгляд в тот конец стола.

– Неплохо сражаться – это когда вы выигрываете, ваше высочество. А они разгромлены. Спаслись только те, у кого были очень хорошие лошади и кому очень крупно повезло. Кроме того, что мы понесли весьма прискорбные потери в живой силе, мы лишились также снаряжения и припасов – значительные количества того и другого перешли в руки наших противников. Хуже всего, что этот разгром породил панику среди населения. Дороги, необходимые для нашей армии, сейчас забиты беженцами. Люди уверены, что Бетод в любую минуту может напасть на их фермы, деревни, дома. Несомненно, это полнейшая катастрофа, возможно, наихудшая из тех, что выпадали на долю Союза в последнее время. Однако и из катастрофы можно вынести свои уроки. – Лорд-маршал тяжело уперся большими ладонями в столешницу и наклонился вперед. – Бетод осмотрителен, умен и безжалостен. У него много пехотинцев, конников и лучников, его армия достаточно организована, чтобы обеспечить их слаженные действия. У него превосходные разведчики, и его силы весьма мобильны – даже более, чем наши, особенно в такой сложной местности, как северная часть провинции. Он приготовил ингличанам ловушку, и они в нее попались. Мы должны этого избежать.

Генерал Крой невесело усмехнулся.

– То есть нам следует бояться этих варваров, лорд-маршал? Таков ваш совет?

– Помните, как писал Столикус, генерал Крой? «Никогда не бойся своего врага, но всегда уважай его». Таков был бы мой совет, если бы я давал советы. – Берр нахмурился, глядя поверх стола. – Но я не даю советов. Я отдаю приказы.

Крой недовольно поморщился, услышав эту отповедь, но на какое-то время заткнулся. Вест знал, что это ненадолго. Крой не мог долго молчать.

– Мы должны действовать осторожно, – продолжал Берр, обращаясь уже ко всему собранию. – Численный перевес пока на нашей стороне. У нас имеется двенадцать полков Собственных Королевских, по меньшей мере столько же рекрутов от дворян, а также некоторое количество англичан, избежавших резни у Черного Колодца. Судя по донесениям, мы численно превосходим противника в пропорции пять к одному, если не больше. У нас преимущество в снаряжении, в тактике и в организации. И северяне, похоже, об этом знают. Несмотря на все свои успехи, они остаются на прежнем месте, к северу от Кумнура, и довольствуются тем, что снаряжают отдельные рейды. Похоже, они не торопятся переходить реку и рисковать, вступая с нами в открытый бой.

– И вряд ли их можно винить, этих грязных трусов! – хохотнул Поулдер, поддержанный согласным бормотанием своего штаба. – Должно быть, уже пожалели, что вообще перешли границу!

– Может быть, – буркнул Берр. – В любом случае, раз они к нам не идут, мы должны сами пересечь реку и выследить их. Для этого основные силы нашей армии будут разделены на две части: левое крыло под командованием генерала Кроя и правое под командованием генерала Поулдера. – (Оба генерала уставились друг на друга через стол с выражением глубочайшей неприязни.) – Мы сделаем быстрый бросок по восточной дороге от наших здешних лагерей в Остенгорме, а за рекой Кумнур рассредоточимся, чтобы установить местонахождение армии Бетода и навязать ему решающее сражение.

– С моим глубочайшим уважением, – прервал его генерал Крой тоном, подразумевавшим, что он не испытывает ничего подобного, – но разве не лучше отправить одну часть армии по западной дороге?

– На западе есть только железо, а это единственное, чем северяне вполне обеспечены. Прибрежная дорога сулит больше поживы, и она ближе к их собственным маршрутам снабжения и путям отступления. Кроме того, я не хотел бы слишком сильно рассредоточивать наши силы. У нас по-прежнему нет точных сведений о реальной мощи Бетода. Если нам удастся заставить его принять бой, я хочу, чтобы мы могли быстро сгруппировать войска и подавить противника.

– Однако, лорд-маршал! – Крой говорил таким тоном, словно обращался к слабоумному родителю, который, увы, все еще держит управление делами в своих руках. – Вы уверены, что западную дорогу можно оставить без присмотра?

– Я как раз подходил к этому, – проворчал Берр, снова поворачиваясь к карте. – Третьему отряду под командованием кронпринца Ладислава поручается занять позиции перед Кумнуром и охранять западную дорогу. Их задачей будет проследить, чтобы северяне не проскользнули мимо нас и не зашли нам в тыл. Они останутся там, к югу от реки, пока наши основные силы, разделенные на два крыла, выбивают неприятеля из страны.

– О, разумеется, милорд маршал.

Крой откинулся на спинку своего стула с громовым вздохом, словно он и не ожидал ничего лучшего, но все же должен был сделать попытку ради блага всех присутствующих. Офицеры его штаба разразились восклицаниями, выражавшими досаду и недовольство предложенным планом.

– Ну что ж, мне кажется, план превосходный, – горячо провозгласил Поулдер. Он самодовольно ухмыльнулся Крою через стол. – Я полностью удовлетворен, лорд-маршал. Я всецело в вашем распоряжении. Мои люди будут готовы к маршу через десять дней.

Его штаб закивал и загудел, выражая согласие.

– Лучше через пять, – сказал Берр.

Пухлое лицо Поулдера скривилось, выдавая раздражение, но он быстро овладел собой.

– Пусть будет пять, лорд-маршал!

Теперь, однако, самодовольным выглядел Крой.

Тем временем кронпринц Ладислав щурился, разглядывая карту, и на его щедро припудренной физиономии вырисовывалось озадаченное выражение.

– Лорд-маршал Берр, – медленно начал он, – моему отряду предписывается проследовать вдоль западной дороги до реки, верно?

– Вы совершенно правы, ваше высочество.

– Но за реку нам продвигаться не следует?

– Совершенно верно, не следует, ваше высочество.

– Наша роль в таком случае, – принц с уязвленным видом поднял глаза на Берра, – должна быть чисто оборонительной?

– Совершенно верно. Чисто оборонительной.

Ладислав нахмурился.

– Эта задача кажется довольно ограниченной.

Его нелепые офицеры заерзали на стульях, отпуская недовольные реплики по поводу задания, не стоящего их великих талантов.

– Ограниченной? Простите меня, ваше высочество, но это не так! Англия – весьма обширная и сильно пересеченная страна. Если северяне от нас ускользнут, все наши надежды будут возложены только на вас. Ваша задача – не дать неприятелю переправиться через реку, иначе он сможет угрожать нашим путям снабжения или, еще хуже, двинуться прямо на Остенгорм. – Берр наклонился вперед, глядя принцу прямо в глаза, и внушительно потряс сжатым кулаком. – Вы станете нашей скалой, ваше высочество, нашим столпом, нашим фундаментом! Вы станете стержнем, на который мы навесим наши ворота – ворота, что захлопнутся перед лицом захватчиков и вышвырнут их вон из Англии!

Вест был впечатлен. Задача перед принцем стояла и в самом деле весьма ограниченная, однако в изложении лорда-маршала даже чистка сортиров могла показаться благородным занятием.

– Превосходно! – воскликнул Ладислав; перо на его шляпе взметнулось. – Стержнем, ну разумеется! Превосходно!

– Ну что же, господа, если вопросов больше нет, у нас сегодня еще множество дел. – Берр оглядел полукруг недовольных лиц. Никто не отозвался. – Все свободны.

Люди Поулдера и люди Кроя, обмениваясь ледяными взглядами, поспешили к выходу. Они торопились обогнать друг друга. Сами великие генералы столкнулись в дверном проеме: ширины там более чем хватало для обоих, однако ни один не хотел пропустить другого или оставить его за спиной. Наконец они боком пролезли в коридор и, оцетинившись, повернулись друг к другу.

– Генерал Крой, – фыркнул Поулдер, высокомерно вскинув голову.

– Генерал Поулдер, – прошипел Крой, одергивая свой безупречный мундир.

И они величаво зашагали в противоположные стороны.

Последние из офицеров принца неспешно удалились, громко обсуждая, кто больше заплатил за свои доспехи. Вест поднялся, тоже собираясь идти. Его ждала сотня срочных дел, оставаться здесь дольше не было смысла. Однако не успел он добраться до двери, как лорд-маршал Берр заговорил:

– Вот такая у нас армия, Вест! Честное слово, порой я ощущаю себя незадачливым отцом, у которого куча вздорных сыновей и нет жены, чтобы помочь с ними управиться. Поулдер, Крой и Ладислав. – Он покачал головой. – Мои полководцы! Похоже, каждый из них считает, что цель нашего предприятия заключается в его личном возвышении. Во всем Союзе не найти трех более спесивых индюков! Удивительно, что они согласились собраться вместе в одном зале. – Берр внезапно рыгнул. – Чертов желудок!

Вест задумался, пытаясь найти хоть что-то позитивное.

– Генерал Поулдер, кажется, во всем подчинился вам, сэр.

Берр фыркнул.

– Да, кажется, но я доверяю ему еще меньше, чем Крою, если такое возможно. Крой хотя бы предсказуем: можно не сомневаться, что он будет мешать и противоречить мне на каждом шагу. А с Поулдером ни в чем нельзя быть уверенным. Сейчас он улыбается во весь рот, угождает и поддакивает каждому слову, но стоит ему найти для себя какое-то преимущество – попомните мои слова, он тут же развернется кругом и с удвоенной яростью набросится на меня. Сделать так, чтобы они оба остались довольны, попросту невозможно. – Он сморщился и проглотил слюну, массируя живот. – Но пока они оба недовольны, у нас есть шанс. Благодарение судьбе, друг друга они ненавидят больше, чем меня! – Берр еще сильнее нахмурился. – И тот и другой стояли впереди меня в очереди на мою должность. Генерал Поулдер, как вы знаете, старый друг архилектора. Крой – кузен верховного судьи Маровии. Когда пост лорда-маршала освободился, закрытый совет долго не мог решить, кого из них предпочесть, и в итоге выбрал меня в качестве вынужденного компромисса. Олух из провинции, понимаете, Вест? Вот кто я для них. Несомненно, знающий свое дело, но все-таки олух. Осмелюсь предположить, что, если один из них, Поулдер или Крой, завтра умрет, уже на следующий день меня заменят оставшимся. Трудно вообразить более нелепую ситуацию для лорда-маршала – ну, пока мы не добавим кронпринца.

Вест еле удержался от болезненной гримасы. Как превратить этот кошмар в нечто полезное?

– Однако принц Ладислав... очень увлечен? – робко проговорил он.

– Что бы я делал без вашего оптимизма! – Берр невесело хохотнул. – Увлечен? Да он грезит наяву! Ему потворствуют, с ним нянчатся и тем окончательно губят его жизнь! Этот мальчик абсолютно не знаком с реальным миром!

– А он непременно должен командовать собственным отрядом, сэр?

Лорд-маршал потер глаза толстыми пальцами.

– К несчастью, да. На этот счет закрытый совет высказался ясно и недвусмысленно. Их беспокоит то, что здоровье короля ухудшается, а наследник при этом выглядит полным идиотом и бездельником. Они надеются, что мы одержим здесь великую победу, которую они смогут приписать принцу. Тогда он поплывет обратно в Аду в сиянии боевой славы и будет готов стать королем, которого полюбит простой народ. – Берр мгновение помолчал, глядя в пол. – Я сделал все, что мог, чтобы оградить Ладислава от неприятностей. Я отправил его туда, где, насколько я знаю, нет северян и куда они никогда не доберутся, если нам повезет. Но это война, а на войне ничего нельзя предсказать заранее. Может так случиться, что Ладиславу все же придется участвовать в сражении. Вот почему мне нужен человек, который за ним присмотрит. Человек, имеющий боевой опыт. Человек решительный и деятельный, в отличие от его мягкотелых и ленивых штабных шутов. Человек, способный остановить принца, прежде чем тот попадет в беду.

У Веста свело живот от ужасного предчувствия.

– Я?

– Боюсь, что да. Я был бы счастлив оставить вас при себе, но принц лично просил за вас.

– За меня, сэр? Но я же не придворный! Я даже не дворянин!

Берр хмыкнул.

– Ладислав – единственный человек в этой армии, не считая меня самого, кому наплевать, кто чей сын. Он наследник трона! Благородные или нищие, для него мы все находимся одинаково далеко внизу.

– Но почему именно я?

– Потому что вы боец. Первый, кто прошел в брешь при Ульриохе, и все такое прочее. Вы видели сражения, и немало. У вас репутация храброго воина, Вест, а принц хочет иметь такую же. Вот почему. – Берр выудил из внутреннего кармана письмо и протянул его Весту: – Может быть, это хоть немного подсластит пилюлю.

Вест сломал печать, развернул плотную бумагу и пробежал глазами несколько аккуратных строчек. Потом он перечитал письмо еще раз, словно желал убедиться, что не ошибся. Потом поднял голову.

– Это повышение!

– Знаю. Я сам его устроил. Может быть, с лишней звездочкой на мундире вас станут воспринимать более серьезно. А может быть, и нет. В любом случае вы заслужили.

– Благодарю вас, сэр, – потрясенно выговорил Вест.

– За что? За то, что подкинул вам самую поганую работу в армии? – Берр рассмеялся и отечески хлопнул его по плечу. – Мне вас будет не хватать, это точно. Я собираюсь проехаться верхом, чтобы проинспектировать первый полк. Командира должны знать в лицо, я всегда это говорил. Не хотите присоединиться, полковник?

Когда они выехали из городских ворот, пошел снег. Белые крупинки неслись по ветру и таяли, едва коснувшись поверхности земли, деревьев, лошади, на которой скакал Вест, или доспехов эскорта.

– Снег, – проворчал Берр через плечо. – Не рановато ли?

– Очень рано, сэр, но ведь уже наступили холода. – Вест отнял одну руку от поводьев, чтобы поднять повыше воротник шинели. – Холоднее обычного для конца осени.

– К северу от Кумнура будет еще холоднее, могу поручиться.

– Да, сэр, и теперь вряд ли потеплеет.

– Похоже, нас ждет суровая зима, полковник?

– Да, очень может быть, сэр.

Полковник? Полковник Вест? Это сочетание слов до сих пор звучало странно даже для него самого. И даже во сне не могло присниться, что сын простолюдина способен подняться так высоко.

– Долгая суровая зима, – раздумывал вслух Берр. – Бетода нужно поймать быстро. Поймать и разделаться с ним, прежде чем мы тут замерзнем.

Он хмурился, глядя на деревья вдоль дороги, хмурился, поднимая голову к кружащимся снежинкам, хмурился, поглядывая искоса на Веста.

– Плохие дороги, отвратительная местность, ужасная погода... Не лучшее положение, да, полковник?

– Совершенно верно, сэр, – угрюмо отозвался Вест, думая прежде всего о собственном положении.

– Ну-ну, могло быть и хуже! Вы-то окопаетесь себе к югу от реки, в тепле и уюте. Скорее всего, за всю зиму не увидите ни одного северянина. К тому же, как я слышал, принц и его штаб неплохо питаются. Это черт знает во сколько раз лучше, чем таскаться по лесам по колено в снегу в компании Поулдера и Кроя.

– Разумеется, сэр. – Однако Вест вовсе не был уверен в этом.

Берр глянул через плечо на эскорт, рысивший позади на почтительном расстоянии.

– Знаете, в молодости, еще до того, как мне была дарована сомнительная честь командовать королевской армией, я очень любил ездить верхом. Я мог скакать галопом целые мили! Появляется такое... ощущение жизни. Теперь на это нет времени. Совещания, документы, бесконечное сидение за столом – вот и все, чем я занимаюсь. Но иногда очень хочется пуститься в галоп, а, Вест?

– Несомненно, сэр, но сейчас это было бы...

– Ха!

Лорд-маршал с силой пришпорил коня, и его скакун ринулся вперед по дороге, взметая грязь из-под копыт. Вест какое-то мгновение смотрел вслед, разинув рот.

– Проклятье, – пробормотал он.

Упрямый старый осел кончит тем, что вылетит из седла и сломает свою толстую шею. Что тогда будет с армией? Принцу Ладиславу придется взять командование на себя. Такая перспектива заставила Веста поежиться – и тоже пустить лошадь галопом. Что ему оставалось делать?

Деревья так и мелькали с обеих сторон, полотно дороги разворачивалось под копытами коня. Слух наполнился оглушительным топотом, звоном сбруи. Ветер задувал в рот, бил по глазам, снежинки хлестали прямо в лицо. Вест быстро оглянулся через плечо: эскорт остался далеко позади, лошади сбились в кучу и теснили друг друга.

Самое большее, что он мог, это постараться не отстать и не вылететь из седла. В последний раз он так быстро скакал много лет назад: летел по выжженной равнине, а клин гуркской кавалерии несли за самой его спиной. Едва ли в тот раз он испытывал больший страх. Его руки до боли сжимали повод, сердце колотилось от страха и возбуждения. Внезапно Вест осознал, что улыбается. Берр был прав. Это действительно дает ощущение жизни.

Лорд-маршал замедлил темп, и Вест, поравнявшись с ним, тоже придержал свою лошадь. Он уже хохотал и слышал рядом смех Берра. Много месяцев он так не смеялся – может быть, много лет; Вест не мог вспомнить, когда это было в последний раз. Потом он заметил что-то краем глаза.

Он почувствовал болезненный рывок и сокрушительную боль в груди. Голова мотнулась вперед, поводья выпали из рук, все перевернулось вверх тормашками. Лошади под ним уже не было. Он, кувыряясь, катился по земле.

Вест попытался подняться, и мир вокруг качнулся. Деревья, белое небо, брыкающиеся ноги лошади, брызги грязи. Оступившись, Вест повалился лицом на дорогу и набрал полный рот глины. Кто-то помог ему встать, грубо рванув за одежду, и потащил в сторону леса.

– Нет, – прохрипел он, задыхаясь из-за боли в грудной клетке. В той стороне им делать было нечего.

Черная линия между деревьями. Спотыкаясь, Вест брел вперед, перегнувшись пополам, наступая на полы собственной шинели, проламываясь сквозь подлесок. Значит, это была веревка, туго натянутая поперек дороги у них на пути. Теперь кто-то наполовину вел, наполовину волок его. Голова кружилась, он не имел никакого представления о направлении. Ловушка! Вест зашарил рукой по бедру, ища свою шпагу. Прошло несколько мгновений, прежде чем он понял, что ножны пусты.

Северяне. Вест ощутил укол страха. Северяне захватили его вместе с Берром. Убийцы, подосланные Бетодом. Где-то позади, за деревьями, послышался шум – там кто-то спешно двигался. Вест постарался понять, что это за звук. Эскорт, следовавший за ними по дороге. Если бы только подать им знак...

– Сюда... – жалко прохрипел он.

Тотчас же грязная рука зажала ему рот и потянула вниз, в сырой кустарник. Вест боролся как мог, но сил у него не осталось. Он видел, как эскорт скачет между деревьями в каких-то десяти шагах от него, но не мог ничего сделать.

Он отчаянно вцепился зубами в руку, зажавшую его рот, однако она лишь сжалась крепче, стискивая челюсти и раздавливая губы. Вест почувствовал вкус крови – то ли своей собственной, то ли из руки. Шум за деревьями постепенно затих, следом навалился страх. Рука отпустила Веста, толкнув его на прощание, и он упал на спину.

В поле его зрения всплыло лицо. Суровое, изможденное, жестокое лицо. Коротко обретенные черные волосы, звериный оскал зубов, холодные пустые глаза, до краев полные ярости. Похититель повернулся и сплюнул на землю. С другой стороны у него не было уха – просто бугристый лоскут розовой плоти и дырка.

Никогда в жизни Вест не видел человека, который выглядел бы настолько зловеще. Весь его облик был воплощением насилия. Ему явно хватило бы сил, чтобы разорвать Веста пополам, и он, похоже, очень желал этого. Из раны на руке, нанесенной зубами Веста, струилась кровь. Она капала с кончиков пальцев на мягкую лесную почву. В другой руке человек держал длинную гладкую палку. Вест в ужасе глядел на его оружие: на конце было тяжелое изогнутое лезвие, отполированное до блеска. Секира.

Итак, это был северянин. Не из тех, кто в пьяном виде валялся по канавам в Адуе. Не из тех, кто приходил на ферму отца кланить работу. Северянин совсем другого рода. Такой, какими пугала Веста мать, когда он был ребенком. Человек, чьей работой, забавой и целью жизни было убийство. Онемев от ужаса, Вест переводил взгляд с безжалостного лезвия секиры на безжалостные глаза одноухого. Выхода нет. Он умрет здесь, в промерзшем лесу, в грязи, как собака.

Вест приподнялся на локте, охваченный внезапным желанием бежать. Он посмотрел через плечо, но и в той стороне спасения не было: между деревьями к ним двигался другой человек. Крупный мужчина с густой бородой, с мечом за плечами, несущий на руках ребенка. Вест заморгал, пытаясь совладать с масштабом зрелища. То был самый огромный из всех людей, каких он когда-либо видел, а ребенком на руках был лорд-маршал Берр. Гигант сбросил свою ношу на землю, как пучок хвороста. Берр гневно уставился на него снизу вверх и рыгнул.

Вест скрипнул зубами. Старый дурак, вольно же ему было вот так оторваться от всех! О чем он думал? Погубил их обоих своим идиотским «так и хочется пуститься в галоп»! Ощущение жизни? Да теперь они оба не проживут и часа!

Надо сражаться. Остался, может быть, последний шанс. Пусть даже сражаться нечем – лучше умереть в драке, чем на коленях в грязи. Вест попытался как следует разозлить себя. Обычно он легко приходил в ярость – когда не нужно; но теперь внутри было пусто. Только отчаяние и беспомощность, придавившие его к земле.

Хорош герой. Хорош боец. Все, на что он сейчас был способен, – это не обмочить штаны. Вот ударить женщину – с этим он справлялся легко. Задушить до полусмерти собственную сестру – это он мог. Воспоминание об Арди до сих пор заставляло его задыхаться от стыда и отвращения к себе. Даже сейчас, когда собственная смерть смотрела Весту в лицо. Он надеялся, что потом успеет все исправить. Только вот теперь у него не было «потом». У него было лишь «сейчас». Он почувствовал слезы на глазах.

– Прости, – прошептал он. – Прости меня...

Он закрыл глаза и стал ждать конца.

– Можешь не извиняться, друг. Думаю, его кусали и похуже.

Еще один северянин возник откуда-то из-за деревьев и присел на корточки рядом с Вестом. Сальные тускло-каштановые волосы свисали по бокам его худого лица. Глаза темные, быстрые. Умные глаза. Он раскрыл рот в неприятной ухмылке, которая совершенно не обнадеживала. Два ряда крепких, желтых, острых зубов.

– Сиди, – сказал северянин с таким сильным акцентом, что Вест едва понимал его. – Сиди и не дергайся, так будет лучше.

Четвертый возвышался над пленниками – крупный, с широкой грудью, запястья толщиной с лодыжку Веста. В бороде и спутанных волосах проглядывали седые волоски. По-видимому, это был вожак, поскольку остальные расступились, давая ему место. Он посмотрел вниз на Веста величаво и задумчиво – так человек мог бы смотреть на муравья, решая, раздавить его сапогом или не стоит.

– Который из них Берр, интересно знать? – пророкотал он на северном наречии.

– Я Берр, – сказал Вест.

Он должен защитить лорда-маршала. Обязан. Вест неуклюже попытался встать, но это было опрометчиво: голова еще кружилась после падения, и ему пришлось схватиться за ветку, чтобы не шлепнуться обратно.

– Я Берр, – повторил он.

Старый воин оглядел его сверху донизу, внимательно и неторопливо.

– Ты? – Северянин разразился громовым хохотом, мощным и грозным, как отдаленная буря. – Мне это нравится! Здорово!

Он повернулся к своему зловещему напарнику.

– Ну-ка? Ты вроде говорил, что они слабы в коленках, эти южане?

– Я говорил, что они слабы головой. – Одноухий посмотрел на Веста, как голодная кошка на птицу. – И пока вижу, что так и есть.

– Думаю, Берр вот этот. – Вожак смотрел вниз на маршала. – Ты Берр? – спросил он на общем наречии.

Лорд-маршал взглянул на Веста, поднял глаза на высящегося над ним северянина, потом медленно поднялся на ноги. Он выпрямился и отряхнул мундир, как человек, приготовившийся умереть с достоинством.

– Я Берр, и я не собираюсь вас забавлять. Если вы задумали нас убить, лучше сделайте это прямо сейчас.

Вест остался на земле. Забота о сохранении достоинства казалась ему сейчас напрасной тратой сил. Он уже чувствовал, как секира врезается в его череп.

Однако северянин с седой бородой лишь улыбнулся.

– Понимаю, любой на вашем месте подумал бы точно так же. Просим прощения, если заставили вас малость понервничать, но мы пришли не для того, чтобы вас убивать. Мы пришли помочь вам.

Вест изо всех сил пытался понять смысл того, что он слышит. Берр, по-видимому, тоже.

– Помочь нам?

– На Севере полно тех, кто ненавидит Бетода. Они встали на колени не по своей воле. А есть и такие, кто вообще не стал ему кланяться. Это мы. У нас давние счеты с этим ублюдком, и мы решили разобраться с ним или хотя бы умереть при попытке. Выйти против него в одиночку мы не можем, но мы слышали, что у вас с ним война, и решили присоединиться к вам.

– Присоединиться к нам?

– Мы проделали долгий путь, и, судя по тому, что увидели по дороге, наша помощь вам бы не помешала. Однако когда мы дошли, ваши люди не особенно нам обрадовались.

– Они вели себя грубовато, – вставил худощавый, сидевший на корточках рядом с Вестом.

– Вот именно, Ищейка, вот именно. Но мы не из тех, кто отступает, если ему слегка нагубили. И я решил поговорить с тобой – как вождь с вождем, можно сказать.

Берр уставился на Веста.

– Они хотят сражаться вместе с нами! – проговорил он.

Вест ответил ему потрясенным взглядом. Он еще не свыкся с мыслью, что, может быть, все-таки доживет до конца дня. Тот, кого называли Ищейкой, с широкой ухмылкой протянул

ему шпагу эфесом вперед. Весту потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: это его собственная шпага.

– Благодарю, – пробормотал он, трясущимися руками берясь за рукоятку.

– На здоровье.

– Нас пятеро, – продолжал вожак, – все мы названные и опытные бойцы. Мы дрались и против Бетода, и за Бетода по всему Северу. Мы знаем его манеру воевать, как мало кто другой. Мы умеем разведывать обстановку, умеем сражаться – умеем устраивать засады, как видите. Мы не откажемся ни от какой стоящей работы, а все, что идет во вред Бетоду, – стоящая работа для нас. Ну как, что скажете?

– Ну, э-э... – пробормотал Берр, потирая большим пальцем подбородок. – Вы, несомненно, весьма... – Он переводил взгляд с одного сурового, грязного, покрытого шрамами лица на другое. – Весьма полезные люди. Разве я могу отказаться от предложения, сделанного столь любезно?

– Тогда, наверное, стоит познакомиться. Вот это Ищейка.

– Это я, – проворчал худощавый малый с острыми зубами, снова сверкнув своей неприятной улыбкой. – Рад встрече.

Он схватил руку Веста и стиснул ее так, что хрустнули костяшки. Их вожак ткнул большим пальцем вбок, в сторону зловещего типа с секирой и отрубленным ухом.

– Вон тот дружелюбный парень – Черный Доу. Хотелось бы сказать, что со временем он станет любезнее, но это не так.

Доу отвернулся и вновь сплюнул на землю.

– Этот здоровяк – Тул Дуру, его называют Громовой Тучей. Ну и еще Хардинг Молчун. Он там, в лесу, держит ваших лошадей, чтобы не выбежали на дорогу. Впрочем, он бы все равно ни слова не произнес.

– А как зовут вас?

– Рудда Тридуба. Командую этим маленьким отрядом, поскольку наш предыдущий вождь вернулся в грязь.

– Вернулся в грязь. Понимаю. – Берр глубоко вздохнул. – Ну ладно. Вы поступите в распоряжение полковника Веста. Уверен, он найдет для вас провизию и жилье, а тем более работу.

– Я? – переспросил Вест, в руке которого все еще свободно болталась шпага.

– Совершенно верно. – В уголках губ лорда-маршала пряталась скупая улыбка. – Наши новые союзники как нельзя лучше подойдут к свите принца Ладислава.

Вест не знал, смеяться ему или плакать. Только что он думал, что более усложнить его положение невозможно, как вдруг на его попечении оказываются еще пятеро дикарей!

Однако Тридуба, похоже, был вполне удовлетворен таким исходом.

– Ну и отлично, – сказал он, одобрительно кивая. – Значит, решено.

– Решено, – отозвался Ищейка, и его злорадная усмешка расплылась еще шире.

Тот, кого называли Черным Доу, окинул Веста долгим холодным взглядом.

– Гребанный Союз, – проворчал он.

Вопросы

«Занду дан Глокте, наставнику Дагоски, лично, секретно.

Вам предписывается незамедлительно сесть на корабль и возглавить инквизицию города Дагоски. Выясните, что произошло с вашим предшественником, наставником Давустом. Расследуйте его подозрения относительно заговора, который зреет, возможно, в самом городском совете. Внимательно изучите членов этого совета и искорените любую и всяческую измену. Неверность карайте без пощады, но позаботьтесь о том, чтобы у вас были надежные доказательства. Мы не можем позволить себе новые промахи.

В настоящий момент к полуострову отовсюду стекаются гуркские солдаты, готовые воспользоваться любой нашей слабостью. Королевские полки сосредоточены в Инглии, так что вы едва ли можете ожидать помощи, если гурки атакуют. Поэтому вам поручается проследить за тем, чтобы оборонительные сооружения города были крепки, а запасов продовольствия хватило для противостояния любой осаде. Регулярно информируйте меня о ваших достижениях письмами. Ваша главная задача – обеспечить, чтобы Дагоска ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не попала в руки гурков.

Не подведите меня.

*Сульт,
архилектор инквизиции его величества».*

Глокта аккуратно сложил письмо и сунул его обратно в карман, заодно еще раз удостоверившись, что королевский указ покоится рядом в полной сохранности.

«Черт бы его побрал!»

Пространный документ тяжелым грузом лежал в кармане плаща с тех самых пор, как Глокта получил его от архилектора. Он вытащил указ и повертел в руках: золотой листок на большой красной печати сверкнул в ярком солнечном свете.

«Одна-единственная бумага, но она дороже золота. Она бесценна. С ней я могу говорить от имени короля. Я самый могущественный человек в Дагоске, я сильнее лорда-губернатора. Все должны слушать и повиноваться. Пока я еще жив».

Путешествие вышло не самым приятным. Корабль был невелик, а на Круглом море всю дорогу стояла бурная погода. Глокте отвели крошечную каюту, жаркую и тесную, как печь.

«К тому же эта печь безумно раскачивалась сутки напролет».

Он то пытался есть свою овсянку из пляшущей миски, то извергал те мизерные порции, какие сумел проглотить. Но в трюме хотя бы не было опасности, что его искалеченная нога подвернется и он вывалится за борт в открытое море.

«Да, это путешествие нельзя назвать приятным».

Но теперь все позади. Корабль подплывал к причалу на переполненной пристани. Матросы уже сражались с якорем и кидали концы на пристань. Вот и сходни скользнули с палубы на пыльный берег.

– Отлично, – произнес практик Секутор. – Я собираюсь пойти выпить.

– Пей сколько угодно, но не забудь потом найти меня. Завтра нас ждет работа. Уйма работы.

Секутор кивнул, жидкие пряди волос качнулись по сторонам узкого лица.

– Как же, я ведь живу, чтобы служить.

«Не знаю, для чего ты живешь, но сомневаюсь, что ради этого».

Фальшиво насвистывая, практик неторопливо двинулся прочь, с грохотом сбежал по сходням, спустился на причал и исчез между пыльных бурых строений.

Глокта тревожно смерил взглядом узкие мостки, покрепче ухватился за трость и облизал беззубые десны, собираясь с духом для первого шага.

«Вот уж поистине акт беззаветного героизма».

На мгновение он засомневался: не благоразумнее ли будет переползти по сходням на животе.

«Это уменьшило бы вероятность сорваться в воду, но вряд ли выглядело бы уместно. Грозный наставник городской инквизиции, вползающий в свои новые владения на брюхе!»

– Дать вам руку?

Практик Витари искоса глядела на него, опираясь спиной на корабельные поручни; ее рыжие волосы торчали во все стороны, как колючки чертополоха. Во время путешествия она, словно ящерица, почти постоянно нежилась на палубе, совершенно равнодушная к качке, и наслаждалась убийственным зноем настолько же, насколько Глокта ненавидел его. О выражении ее лица было трудно судить – его скрывала черная маска практика.

«Но могу поспорить на что угодно, что она улыбается. Наверняка готовит в уме первый рапорт архилектору: „Большую часть дороги калека блевал в трюме. Когда мы прибыли в Дагоску, его пришлось выгрузить на берег вместе с поклажей. Он успел стать всеобщим посмешищем...“»

– Разумеется, нет! – отрезал Глокта.

Он взгромоздился на сходни с таким видом, словно привык рисковать жизнью каждое утро. Доски угрожающе закачались, когда он утвердил на них правую ногу, и он с болезненной ясностью увидел, как серо-зеленая вода плещется об осклизлые камни набережной далеко-далеко внизу.

«Тело обнаружат в порту...»

Однако ему удалось без происшествий доковылять до конца сходней, волоча за собой высохшую ногу. Он ощутил абсурдный прилив гордости, когда добрался до пыльных камней причала и снова оказался на твердой земле.

«Смех, да и только. Можно подумать, я уже разбил гурков и спас город, а не проковылял каких-то три шага».

В качестве оскорбительного дополнения к увечью теперь, когда Глокта привык к постоянной качке на корабле, незыблемость суши вызвала у него головокружение и тошноту, а тухлая соленая вонь от палимого солнцем порта отнюдь не помогала исправить положение. Он заставил себя проглотить комок едкой слюны, закрыл глаза и обратил лицо к безоблачному небу.

«Черт, до чего жарко!»

Глокта уже забыл, как жарко бывает на Юге. Стояла осень, но солнце заливало землю яростным светом, и он истекал потом под своим длинным черным пальто.

«Одеяния инквизиции, быть может, отлично подходят для устрашения подозреваемых, но боюсь, они плохо приспособлены для жаркого климата».

Практику Инею было еще хуже. Гигант-альбинос постарался закрыть каждый дюйм своей молочно-белой кожи, даже надел черные перчатки и широкополую шляпу. Он смотрел вверх, на ослепительное небо, подозрительно и страдальчески щури розовые глаза, и его широкое белое лицо вокруг черной маски усеяли капли пота.

Витари поглядывала на них сбоку.

– Вам двоим стоило бы почаще бывать на воздухе, – пробормотала она.

Человек в черной инквизиторской одежде ожидал их в дальнем конце причала. Он держался в тени, вплотную к осыпающейся стене, но все равно обильно потел. Это был высокий костлявый человек с выпуклыми глазами и крючковатым носом, красным и облезлым.

«Нас встречает делегация? Судя по ее масштабу, меня здесь не слишком хотят видеть».

– Я Харкер, старший инквизитор города.

– Были. До моего прибытия, – отрезал Глокта. – Сколько у вас людей?

Инквизитор насупился.

– Четыре инквизитора и около двадцати практиков.

– Не так уж много, чтобы оберегать такой большой город от измены.

Хмурая мина Харкера стала еще более угрюмой.

– До сих пор мы справлялись.

«О да, еще бы. Правда, умудрились потерять своего наставника».

– Это ваш первый визит в Дагоску? – осведомился Харкер.

– Мне довелось провести на Юге некоторое время. – «Лучшие дни моей жизни. И худшие дни моей жизни». – Я был в Гуркхуле во время войны. Видел Ульриох. – «В руинах после того, как мы сожгли город». – Два года провел в Шаффе. – «Если принимать в расчет императорские тюрьмы. Два года в кипящей жаре и убийственной тьме. Два года в аду». – Но в Дагоске я еще не был.

– Хм, – пробормотал Харкер, на которого эти новости не произвели впечатления. – Ваши покои расположены в Цитадели.

Он кивнул в сторону огромного утеса, высившегося над городом.

«Ну конечно, как же иначе. На самом верху самого высокого здания, могу поручиться».

– Я провожу вас, – продолжал Харкер. – Лорду-губернатору Вюрмсу и его совету наверняка не терпится встретить нашего нового наставника.

В его словах прозвучала некоторая горечь.

«По-твоему, эту работу следовало поручить тебе? Я счастлив, что могу тебя разочаровать».

Харкер быстрым шагом двинулся к городу, практик Иней трусил рядом, вжав толстую шею в могучие плечи и прилипая к каждой тени, как будто солнце метало в него крошечные дротики. Витари двигалась по пыльной улице зигзагом, словно в танцевальном зале, заглядывала в окна и в узенькие боковые улочки. Глокта упорно сопел позади. Его левая нога от напряжения уже пылала.

«Калека не успел проковылять и трех шагов по городу, как свалился на землю; остаток пути его пришлось нести на носилках, он визжал как недорезанная свинья и просил воды, а те самые горожане, которых он был прислан устрашить, в остоленении взирали на это...»

Он сжал губы, вонзил остатки зубов в пустые десны и заставил себя двигаться быстрее, чтобы не отставать от других. Рукоять трости врезалась в его ладонь, позвоночник на каждом шагу пронизывала мучительная боль.

– Это Нижний город, – буркнул Харкер через плечо. – Здесь размещается коренное население.

«Огромная, душная, пыльная, вонючая помойка».

Ветхие дома нуждались в ремонте: шаткие одноэтажные лачуги, покосившиеся здания из полусырого глинобитного кирпича. Все люди были смуглокожие, плохо одетые, с голодными глазами. Костлявая женщина выглянула из дверного проема, чтобы посмотреть на них. Мимо на кривых костылях проковылял одноногий старик. В другом конце узенькой улочки между грудями отбросов шныряли оборванные детишки. Воздух был тяжелым от зловония гниющего мусора и плохих сточных труб.

«Не исключено, что сточных труб вообще нет».

Повсюду жужжали мухи, жирные и злые.

«Единственные существа, которые здесь процветают».

– Если бы я знал, какое это очаровательное место, я бы приехал пораньше, – заметил Глокта. – Похоже, присоединение к Союзу принесло жителям Дагоски немало пользы.

Харкер не уловил иронии.

– О да. Пока городом недолгое время управляли гурки, они угнали в рабство многих выдающихся горожан. Теперь же, под властью Союза, жители получили полную свободу работать и жить по собственному усмотрению.

– Полную свободу, вот как?

«Так вот на что похожа свобода».

Глокта поглядел на группу хмурых туземцев, столпившихся у лотка с полусгнившими плодами и несвежей требухой.

– Да, по большей части. – Харкер нахмурился. – Инквизиции пришлось вычистить нескольких нарушителей спокойствия, когда мы только прибыли. Потом, три года назад, эти неблагодарные свиньи подняли восстание.

«После того как им дали полную свободу жить как животным в их собственном городе? Поразительно».

– Разумеется, мы подавили бунт, но ущерб мятежники нанесли серьезный. После восстания туземцам было запрещено носить оружие или входить в Верхний город, где живет большинство белых. С тех пор все тихо. Это доказывает, что твердая рука – самое действенное средство, когда речь идет о дикарях.

– Для дикарей они возвели весьма впечатляющие укрепления.

Высокая стена прорезала город впереди них, отбрасывая длинную тень на убогие трущобные постройки. Перед стеной имелась широкая канава, вырытая недавно и обнесенная заостренными кольями. Через нее был перекинут узкий мост, ведущий к высоким воротам между двумя стройными башнями. Тяжелые створки были распахнуты, но перед ними стояла дюжина людей: потеющие союзные солдаты в стальных касках и проклепанных кожаных куртках. На их мечях и копьях сверкало яростное солнце.

– Ворота хорошо охраняются, – задумчиво проговорила Витари. – Учитывая, что они внутри города.

Харкер насупился.

– После восстания туземцам позволяется входить в Верхний город, только если у них есть разрешение.

– И кто же имеет такое разрешение? – поинтересовался Глокта.

– Несколько мастеров-ремесленников плюс те, кто все еще состоит на службе в гильдии торговцев пряностями, но в основном это слуги, работающие в Верхнем городе и в Цитадели. Многие живущие здесь граждане Союза держат слуг-туземцев, кое-кто даже нескольких.

– Но ведь туземцы, разумеется, тоже являются гражданами Союза?

Харкер поморщился.

– Если вам угодно, наставник. Но им нельзя доверять, это уж точно. Они мыслят по-другому, не так, как мы.

– Да неужели?

«Если они вообще мыслят, это большой прогресс по сравнению с таким дикарем, как ты».

– Они же сплошь ничтожества, эти коричневые. Гурки, дагосканцы, все едино. Убийцы и воры. Лучшее, что с ними можно сделать, это прижать как следует и не отпускать. – Харкер мрачно взглянул в сторону спекшихся на жаре трущоб. – Если что-то пахнет дерьмом и по цвету как дерьмо, скорей всего, это и есть дерьмо.

Он повернулся и зашагал через мост.

– Какой милый и просвещенный господин, – пробормотала Витари.

«Ты читаешь мои мысли».

За воротами открывался совершенно другой мир. Величественные купола, изящные башни, мозаики из цветного стекла и беломраморные колонны сияли на ослепительном солнце. Улицы были широкими и чистыми, дома – ухоженными. На опрятных площадях росло даже несколько худосочных пальм. Здесь расхаживали холеные, хорошо одетые люди со светлой кожей.

«Разве что очень загорелые».

Между ними можно было заметить несколько темных лиц, державшихся в сторонке и глядевших в землю.

«Это счастливы, которым дозволено здесь служить? Они, должно быть, очень рады, что у нас в Союзе не терпят такого явления, как рабство!»

Над всеми остальными звуками слышался какой-то гомон, грохот, словно шум отдаленной битвы. Он становился все громче по мере того, как Глокта волок свою ноющую ногу через Верхний город, и достиг яростного накала, когда они вышли на широкую площадь, от края до края забитую разношерстной толпой. Здесь были люди из Срединных земель, из Гуркхула, из Стирии, узкоглазые уроженцы Сулджука, рыжеволосые граждане Старой империи и даже бородатые северяне, забредшие сюда далеко от своего дома.

– Купцы, – буркнул Харкер.

«Можно подумать, здесь собрались все купцы мира».

Они толпились вокруг заваленных продуктами прилавков с огромными весами и грифельными досками, где мелом записывались названия и цены. Они кричали, торговались и менялись на тысяче различных наречий, вскидывали вверх руки в странных жестах, толкали и хватали друг друга, показывали друг на друга пальцами. Они нюхали коробочки со специями и палочки благовоний, щупали ткани и образцы редкой древесины, тискали фрукты, пробовали на зуб монеты, разглядывали в увеличительные стекла поблескивающие драгоценные камни. В давке пробирались туземные носильщики, сгибавшиеся под тяжелыми ношами.

– Торговцы пряностями имеют долю во всем этом, – пробормотал Харкер, нетерпеливо проталкиваясь сквозь гомонящую толпу.

– Должно быть, большой куш, – вполголоса сказала Витари.

«Очень большой куш, могу себе представить. Хватает, чтобы противостоять гуркам. Хватает, чтобы держать в плену целый город. Многие люди готовы убить за меньшее, гораздо меньшее».

Гримасничая и огрызаясь, Глокта прокладывал себе путь через площадь; его теснили и толкали, больно задевали на каждом мучительно дававшемся шагу. И лишь выбравшись из людского водоворота на другую сторону площади, он осознал, что стоит в тени огромного прекрасного здания, вздымавшегося – арка над аркой, купол над куполом – высоко над толпой. От каждого из углов в воздух взмывали изящные шпили, стройные и хрупкие.

– Великолепно, – пробормотал Глокта, выпрямляя ноющую спину и прищуриваясь. В полуденном сиянии на безупречно белый камень было почти больно смотреть. – При виде такого можно почти поверить в Бога.

«Правда, я не настолько глуп».

– Ха! – насмешливо фыркнул Харкер. – Туземцы раньше тысячами молились здесь, отравляли воздух своими чертовыми песнопениями и идолопоклонством. До тех пор, разумеется, пока не было подавлено восстание.

– А теперь?

– Наставник Давуст запретил им доступ в храм, как и во все остальные здания в Верхнем городе. Торговцы пряностями используют его как дополнение к рыночной площади, для купли-продажи и прочего.

– Хм.

«Какая удачная мысль! Храм во имя делания денег. Наша собственная маленькая религия».

– Кроме того, если не ошибаюсь, какой-то банк занял часть помещения под свои конторы.

– Банк? Какой именно?

– Этими вещами занимаются торговцы пряностями, – раздраженно отозвался Харкер. – Валинт и кто-то там, я не помню точно.

– Балк. Валинт и Балк.

«Итак, кое-кто из старых знакомых добрался сюда прежде меня. Я должен был сразу догадаться. Эти ублюдки пролезут куда угодно. Куда угодно, где есть деньги».

Глокта обвел взглядом кишашую людьми рыночную площадь.

«А здесь денег уйма».

Они начали подъем на гору, и дорога сделалась круче; дома здесь были выстроены на террасах, врезанных в иссохший склон. Глокта упрямо тащился по жаре, наваливаясь на трость и закусив губу, чтобы совладать с болью в ноге. Его томила жажда, из каждой поры сочился пот. Харкер не собирался сбавлять темп, чтобы подождать еле поспевавшего за ним Глоктору.

«И будь я проклят, если попрошу его об этом».

– Вот это, над нами, и есть Цитадель. – Инквизитор махнул рукой, указывая на массив зданий, куполов и башен с мощными стенами на самой макушке бурой скалы высоко над городом. – Когда-то там стоял трон туземного короля, а теперь она служит административным центром Дагоски и жилищем самых значительных людей города. Там находится здание гильдии торговцев пряностями и городской Допросный дом.

– Отличный вид, – пробормотала Витари.

Глокта повернулся и затенил глаза ладонью. Перед ними расстилалась Дагоска – почти остров. Верхний город начинался прямо у них под ногами и уходил вдаль: аккуратные кварталы аккуратных домов, разделенные длинными прямыми улицами; то здесь, то там мелькали желтые верхушки пальм и широкие прогалины площадей. По другую сторону окаймлявшей его длинной изогнутой стены виднелась пыльная бурая мешанина трущоб. Еще дальше, за трущобами, Глокта рассмотрел расплывающиеся от зноя очертания могучих городских стен. Они перегораживали узкий скалистый перешеек, соединявший город с материком – голубое море с одной стороны, голубая гавань с другой.

«Говорят, здесь самые мощные защитные укрепления в мире. Не придется ли нам скоро проверить это хвастливое заявление на деле, хотел бы я знать?»

– Наставник Глокта? – Харкер откашлялся. – Лорд-губернатор и его совет ждут вас.

– Ничего, пусть подождут еще немного. Мне не терпится выяснить, каких успехов вы добились в расследовании исчезновения вашего наставника Давуста.

«Ведь будет весьма прискорбно, если нового наставника постигнет та же участь».

Харкер нахмурился.

– Э-э... определенные успехи имеются. У меня нет сомнений, что виноваты туземцы. Они постоянно плетут заговоры. Несмотря на меры, принятые Давустом после восстания, многие из них до сих пор не знают своего места.

– Поразительно.

– Поверьте мне, именно так. В ту ночь, когда наставник исчез, в его покоях находилось трое слуг-дагосканцев. Я допросил их.

- И что же вы обнаружили?
- Пока ничего, к несчастью. Они исключительно упрямые.
- Так давайте допросим их вместе.
- Вместе? – Харкер облизнул губы. – Меня не уведомили, наставник, что вы захотите лично провести допрос.
- Теперь уведомили.

«Вообще-то здесь, в толще скалы, могло бы быть и прохладнее».

Однако здесь стояла та же жара, что и снаружи, на пропеченных солнцем улицах, без малейшего дуновения милосердного ветерка. В коридоре было тихо, безжизненно и душно, как в склепе. Факел Витари отбрасывал по углам пляшущие тени, но за спинами идущих тут же вновь смыкалась темнота.

Харкер помедлил перед окованной железом дверью, утирая с лица крупные капли пота.

– Только я должен предупредить вас, наставник, что нам пришлось обойтись с ними довольно... жестко. Твердая рука – наилучшее средство, вы понимаете.

– О, я и сам бываю довольно жестким, когда ситуация того требует. Меня не так-то легко шокировать.

– Отлично, отлично.

Ключ повернулся в замке, дверь распахнулась, и в коридор выплыла волна отвратительного запаха.

«Вонь, как от переполненной выгребной ямы и кучи гниющих отбросов».

Открывшаяся за порогом камера была крошечной, без окон, потолок такой низкий, что едва возможно выпрямиться во весь рост. Жара подавляла, зловоние внушало омерзение. Глокте вспомнилась другая камера – еще дальше к югу отсюда, в Шатфе. Глубоко под императорским дворцом.

«Камера, где я два года задыхался в собственных нечистотах, скулил в темноту и царапал стены ногтями».

Его глаз задергался, и Глокта заботливо потер его указательным пальцем.

Один из узников лежал лицом к стене, вытянувшись, его кожа была черной от кровоподтеков, обе ноги сломаны. Другой свисал с потолка, привязанный за запястья – колени едва касаются пола, голова бессильно свесилась, спина исхлестана до сырого мяса. Витари наклонилась над первым и потыкала его пальцем.

– Мертв, – констатировала она. Потом подошла ко второму. – Этот тоже. Умерли довольно давно.

Колеблющийся свет упал на третьего узника – точнее, узницу. Она была еще жива.

«Едва жива».

Руки и ноги скованы цепями, лицо осунулось от голода, губы потрескались от жажды; она прижимала к себе какие-то грязные окровавленные тряпки. Ее пятки скребли по полу, когда она попыталась забиться еще дальше в угол, слабо лопоча что-то по-кантийски и заслоняясь рукой от света.

«Это я помню. Единственное, что еще хуже темноты, это когда появляется свет. Свет всегда означает допрос».

Глокта нахмурился и перевел взгляд своих судорожно подергивавшихся глаз с двух изувеченных трупов на съежившуюся в углу девочку. Голова кружилась от напряжения, жары и вони.

– Ну что же, здесь очень уютно. И что они вам сказали? Харкер прикрыл ладонью нос и рот и неохотно вступил в камеру. За его плечом маячила огромная фигура Инея.

– Пока ничего, но я...

– От этих двоих вы уже ничего не добьетесь, это точно. Надеюсь, они подписали признание?

– Э-э... не совсем. Наставник Давуст не особенно интересовался признаниями коричневых. Мы просто, вы понимаете...

– И вы не смогли позаботиться даже о том, чтобы они оставались живы, пока не признаются?

Харкер сердито насупился.

«Как ребенок, несправедливо наказанный школьным учителем».

– У нас осталась девчонка, – резко ответил он.

Глокта посмотрел на нее сверху вниз, посасывая языком то место, где у него когда-то были передние зубы.

«Ни метода. Ни цели. Жестокость ради жестокости. Наверное, меня бы стошнило, если бы я сегодня что-нибудь ел».

– Сколько ей лет?

– Наверное, около четырнадцати, наставник, но я не понимаю, какое это имеет значение.

– Значение, инквизитор Харкер, такое, что четырнадцатилетние девчонки редко устраивают заговоры.

– Я полагал, что лучше подойти к делу досконально.

– Досконально? Вы хотя бы задали им какие-либо вопросы?

– Ну, я...

Трость Глокты хлестнула Харкера по лицу. Резкое движение отозвалось острой болью в боку, хромая нога подвернулась, и Глокта был вынужден ухватиться за руку Иней, чтобы не упасть. Инквизитор взвыл от боли и неожиданности, врезался в стену и сполз на загаженный пол.

– Вы не инквизитор, – прошипел Глокта, – вы гребаный мясник! Посмотрите, в каком состоянии камера! И вы угробили двоих свидетелей! Какая от них теперь польза, идиот? – Глокта наклонился вперед. – Или, может быть, таково и было ваше намерение? Может быть, Давуст убит завистливым подчиненным? Мелкой сошкой, которая потом заткнула рот свидетелям, а, Харкер? Может быть, мне стоит начать расследование с самой инквизиции?

Харкер попытался подняться на ноги, но на него надвинулся практик Иней, и он снова сжегился по полу у стены. Из носа у него закапала кровь.

– Нет! Нет, прошу вас! Это вышло случайно! Я не хотел их убивать! Я хотел узнать, что произошло!

– Случайно? Вы либо предатель, либо полная бездарь, а мне не нужны ни те ни другие! – Глокта наклонился еще ниже, не обращая внимания на боль, простреливающую позвоночник снизу доверху. Его губы растянулись в улыбке, обнажив беззубые десны. – Я уже понял, что твердая рука – самое действенное средство, когда имеешь дело с дикарями, инквизитор. И вы сами убедитесь, что нет руки тверже, чем моя. Ни здесь, ни где-либо еще. Уберите от меня этого слизняка!

Иней ухватил Харкера за одежду и поволок его к двери по грязному осклизлому полу.

– Подождите! – вопил инквизитор, цепляясь за дверной косяк. – Прошу вас! Вы не можете так поступить!

Его крики стихли в глубине коридора. В глазах Витари плясала легкая усмешка, словно эта сцена доставила ей большое удовольствие.

– Что будем делать с этим бардаком?

– Распорядитесь, чтобы здесь прибрали. – Глокта прислонился к стене, ощущая, как в боку все еще пульсирует боль, дрожащей рукой вытер пот с лица. – Помещение вымыть. Тела похоронить.

Витари кивнула в сторону единственной выжившей:

– А куда ее?

– В ванну. Одеть. Покормить. И пусть идет куда хочет.

– Вряд ли стоит ее мыть, если потом она вернется в Нижний город.

«Тут она права».

– Хорошо. Она была служанкой Давуста, значит, может служить и мне. Пускай возвращается к работе! – крикнул он через плечо, уже ковыляя к двери.

Нужно было поскорее выйти отсюда. Он задыхался в этой камере.

– Не хочу вас разочаровывать, однако наши стены трудно назвать неприступными в их теперешнем плачевном состоянии... – Оратор запнулся при виде Глокты, который, подволакивая ногу, переступил порог кабинета для совещаний правящего совета Дагоски.

Кабинет являл собой полную противоположность камере внизу.

«Я бы сказал, что это самая прекрасная комната, какую я видел в жизни».

Стены и потолок сплошь украшала тончайшая резьба. Изогранные геометрические узоры вились вокруг сцен из кантийских легенд, изображенных в натуральную величину; картины сверкали золотом и серебром, сияли яркими красными и синими красками. Пол был украшен изумительно сложной мозаикой, длинный стол, инкрустированный спиралями темного дерева и светлыми кусочками слоновой кости, отполирован до блеска. Из высоких окон открывался великолепный вид на пыльные унылые городские просторы и сверкающий залив за ними.

Женщина, поднявшаяся с места, чтобы приветствовать вошедшего Глокту, выглядела под стать великолепному убранству кабинета.

«В высшей степени».

– Я Карлота дан Эйдер, – сказала она, непринужденно улыбаясь и протягивая гостю обе руки, словно старому другу, – магистр гильдии торговцев пряностями.

Глокта должен был признать, что она произвела на него впечатление.

«Хотя бы своей выдержкой. Ни малейших признаков отвращения. Она приветствует меня так, словно я вовсе не дергающийся кособокий урод и развалина. Она приветствует меня так, словно я выгляжу не хуже ее самой».

На Карлоте было длинное платье в южном стиле – голубой шелк с серебряной отделкой; оно мерцало и переливалось вокруг ее тела под прохладным ветерком, долетавшим из высоких окон. Украшения потрясающей ценности поблескивали на ее пальцах, запястьях, шее. Глокта уловил странный аромат, когда она подошла ближе.

«Сладко. Как те самые пряности, что создали ее богатство».

И все это, как оказалось, действовало на него.

«Я, в конце концов, мужчина. Просто немного меньше, чем прежде».

– Мне следует извиниться за свой наряд, но в жару кантийская одежда так удобна! Я очень привыкла к ней за эти годы.

«Она извиняется за свой внешний вид, как гений мог бы просить прощения за свою глупость».

– Ничего страшного. – Глокта поклонился низко, как только смог с учетом бесполезной ноги и острой боли в спине. – Наставник Глокта, к вашим услугам.

– Мы страшно рады видеть вас. Нас очень обеспокоило исчезновение вашего предшественника, наставника Давуста.

«Хотя некоторые из вас, подозреваю, обеспокоены меньше других».

– Я надеюсь пролить свет на эту историю, – сказал Глокта.

– Мы все на это надеемся. – Она взяла Глокту под локоть с непринужденной уверенностью. – Позвольте, я представлю вам собравшихся.

Глокта не дал сдвинуть себя с места.

– Благодарю вас, магистр, но я полагаю, что справлюсь сам. – Он дотащился до стола собственными силами, насколько они у него были. – Вы, должно быть, генерал Виссбрук – тот самый, на кого возложена защита города.

Генералу было около сорока пяти, у него уже намечалась небольшая лысина, он обильно потел в своем вычурном мундире, застегнутом, несмотря на жару, до самого подбородка.

«Я помню тебя. Ты воевал в Гуркхуле. Майор Собственных Королевских, широко известный осел. Похоже, с тех пор твои дела шли по меньшей мере неплохо – как обычно и получается у ослов».

– Рад знакомству, – промолвил Виссбрук, едва потрудившись оторвать глаза от своих бумаг.

– Еще бы, всегда приятно возобновить старое знакомство.

– Мы встречались?

– Мы вместе сражались в Гуркхуле.

– Правда? – Потное лицо Виссбрука передернулось от потрясения. – Что?.. Так вы... тот самый Глокта?

– Да, я действительно, как вы выразились, тот самый Глокта.

Генерал заморгал.

– Э-э, ну что ж... э-э... как вы поживаете?

– В ужасных страданиях, спасибо, что спросили. Зато вы, как я вижу, процветаете, и это является для меня огромным утешением.

Виссбрук снова заморгал, но Глокта не дал ему времени ответить.

– А это, очевидно, лорд-губернатор Вюрмс. Огромная честь, ваша милость.

Старик был карикатурно дряхлым: фигура, съежившаяся под роскошной парадной мантией, словно сушеная слива в ворсистой коже. Его руки зябко дрожали, несмотря на жару, а на голове сияла лысина в обрамлении нескольких белых прядок. Он прищурил на Глоку слабые слезящиеся глаза.

– Что он сказал? – Лорд-губернатор растерянно повел взглядом вокруг себя. – Кто этот человек?

Генерал Виссбрук наклонился к нему так близко, что его губы почти коснулись уха старика.

– Наставник Глокта, ваша милость! Прислали взамен Давуста!

– Глокта? Глокта? А куда, черт побери, подевался Давуст?

Никто не потрудился ему ответить.

– Я Корстен дан Вюрмс. – Сын лорда-губернатора выговорил собственное имя, словно магическое заклинание, и протянул Глоку руку так, будто она была бесценным даром.

Он небрежно раскинулся на стуле – светловолосый и красивый, загорелый, сияющий здоровьем, настолько же атлетически гибкий и сильный, насколько его отец был дряхлым и немощным.

«Я уже презираю его».

– Как я понимаю, вы когда-то были неплохим фехтовальщиком. – Вюрмс с глумливой ухмылкой оглядел Глоку сверху донизу. – Я тоже фехтую, но здесь нет никого, кто мог бы стать моим партнером. Может, как-нибудь устроим встречу?

«Я бы с радостью, ублюдок. Если бы была цела моя нога, я бы выпотрошил тебя так, что ты и глазом не успел бы моргнуть».

– Да, я действительно раньше фехтовал, но, увы, пришлось бросить. Здоровье не позволяет. – Глокта ответил Вюрмсу своей беззубой улыбкой. – Впрочем, смею предположить,

я мог бы дать вам несколько подсказок, если вы так горите желанием усовершенствовать ваше искусство.

Услышав это, Вюрмс нахмурился, но Глокта уже двигался дальше.

– А вы, должно быть, хаддиш Кадия?

Хаддиш был высокий и стройный мужчина с длинной шеей и усталыми глазами. На нем было свободное белое одеяние и простой белый тюрбан на голове.

«На вид он не богаче любого другого туземца из Нижнего города, но в нем явно чувствуется величие».

– Я Кадия, и я был избран народом Дагоски, чтобы говорить от их имени. Но я больше не зову себя хаддишем. Жрец без храма – не жрец.

– Сколько можно слушать про этот ваш храм? – заныл Вюрмс.

– Боюсь, вам придется об этом слушать, пока я сижу в этом совете. – Кадия снова перевел взгляд на Глокту. – Так, значит, у нас в городе новый инквизитор? Новый демон. Новый вестник смертей. Ваши дела меня нисколько не интересуют, палач.

Глокта улыбнулся.

«Сам признается, что ненавидит инквизицию, даже не увидев моих инструментов. С другой стороны, от его народа вряд ли можно ожидать любви к Союзу, ведь дагосканцы живут почти как рабы в собственном городе. Может быть, это и есть наш предатель? Или генерал?»

Генерал Виссбрук выглядел настоящим верноподданным, человеком, которому слишком сильное чувство долга и слишком слабое воображение не позволяют плести интриги.

«Однако немногие становятся генералами, не преследуя собственной выгоды, не подмазывая кого-то взятками, не скрывая каких-то секретов».

Корстен дан Вюрмс смотрел на Глокту с брезгливой усмешкой – как на грязный стульчак уборной, которым он вынужден воспользоваться.

«А может быть, он? Я видел тысячи таких заносчивых щенков. Он сын лорда-губернатора, но совершенно ясно, что он не верен никому, кроме самого себя».

Магистр Эйдер вся состояла из милых улыбок и любезности, однако ее глаза были тверды, словно алмазы.

«Или она? Взвешивает меня, как торговка неопытного покупателя. Она больше, чем просто женщина с хорошими манерами и слабостью к иноземным нарядам. Гораздо больше».

Даже старый лорда-губернатор теперь казался подозрительным.

«Не он ли? Так ли он слеп и глух, как пытается представить? Нет ли наигранности в том, как он щурится, как требует объяснить ему, что происходит? Может быть, он знает больше, чем все остальные?»

Глокта повернулся и захромал к окну. Прислонился к великолепной резной колонне, обвел взглядом изумительный вид, почувствовал тепло вечернего солнца на своем лице. Он уже чувствовал, как члены совета беспокойно ерзают в нетерпении избавиться от него.

«Интересно, много ли времени пройдет, прежде чем они прикажут калеке убираться из их замечательного кабинета? Я не верю ни одному из них. Ни одному. – Он мысленно ухмыльнулся. – Как и должно быть».

Корстен дан Вюрмс потерял терпение первым.

– Наставник Глокта, – резко произнес он, – мы ценим основательность, приведшую вас к нам, чтобы представиться, но я уверен, что у вас есть и другие неотложные дела. У нас они, несомненно, есть.

– Разумеется. – Глокта заковылял обратно к столу с преувеличенной медлительностью, с таким видом, словно собирался выйти из комнаты. Затем внезапно выдвинул стул и опу-

стился на него, морщась от боли в ноге. – Я постараюсь свести свои комментарии к минимуму, по крайней мере на первых порах.

– Что? – произнес Виссбрук.

– Кто этот человек? – требовательно спросил лорд-губернатор, вытягивая вперед голову и щура подслеповатые глаза. – Что здесь происходит?

Его сын был более прямолинеен.

– Что вы, черт возьми, творите? – воскликнул он. – Вы спятили?

Хаддиш Кадия тихо посмеивался себе под нос – над Глоктой или над негодованием остальных, трудно было сказать.

– Прошу вас, господа, прошу вас! – Магистр Эйдер говорила мягко и терпеливо. – Наставник только что прибыл, он еще не осведомлен, как у нас в Дагоске принято вести дела... Вы должны понять, наставник, ваш предшественник не присутствовал на этих собраниях. Мы на протяжении многих лет успешно управляли городом, и...

– Закрытый совет с этим не согласен.

Глокта поднял вверх королевский указ, зажав его двумя пальцами. Он позволил членам совета поглядеть на него несколько мгновений, чтобы все увидели тяжелую красную с золотом печать, и перебросил бумагу через стол к магистру.

Все подозрительно наблюдали, как Карлота дан Эйдер взяла документ, развернула и начала читать. Она нахмурилась, затем подняла одну аккуратно выщипанную бровь:

– Похоже, это мы были не вполне осведомлены.

– Дайте мне посмотреть!

Корстен дан Вюрмс выхватил бумагу у нее из рук и погрузился в чтение.

– Этого не может быть, – бормотал он. – Этого не может быть!

– Боюсь, может. – Глокта угостил собрание своей беззубой усмешкой. – Архитектор Сульт чрезвычайно обеспокоен. Он просил меня расследовать исчезновение наставника Давуста, а также проинспектировать оборонительные сооружения города. Тщательно проинспектировать и гарантировать, что гурки останутся по ту сторону. Он уполномочил меня принимать любые меры, какие я сочту необходимыми. – Глокта сделал значительную паузу. – Любые... меры.

– Что там такое? – ворчливо спросил лорд-губернатор. – Я требую объяснить мне, что происходит!

Бумага уже перешла к Виссбруку.

– Королевский указ, – выдохнул он, промокнув потный лоб тыльной стороной рукава, – подписанный всеми двенадцатью членами закрытого совета. Он дает все полномочия! – Генерал осторожно положил документ на инкрустированную столешницу, словно боялся, что бумага может внезапно вспыхнуть. – Но это же...

– Мы все знаем, что это такое. – Магистр Эйдер задумчиво разглядывала Глокту, трогая кончиком пальца свою гладкую щеку.

«Как торговка, которая неожиданно поняла, что не она надула неопытного покупателя, а совсем наоборот».

– Похоже, что наставник Глокта принимает бразды правления.

– Ну, едва ли я назвал бы это так, но я буду присутствовать на всех дальнейших заседаниях совета. Вы можете рассматривать это как первую из очень большого количества грядущих перемен.

С удовлетворенным вздохом Глокта устроился получше на прекрасном стуле, вытянул вперед ноющую ногу, расслабил больную спину.

«Почти удобно».

Он бросил взгляд на хмурые лица членов городского правящего совета.

«За исключением, разумеется, того, что один из этих очаровательных людей, скорее всего, является опасным предателем. Предателем, который уже организовал исчезновение одного наставника инквизиции, а теперь обдумывает, как устранить второго...»

Глокта откашлялся.

– Итак, генерал Виссбрук, о чем вы говорили, когда я вошел? Что-то насчет стен?

Старые раны

– Ошибки прошлого, – провозгласил Байяз с чрезвычайно напыщенным видом, – не следует повторять заново. А значит, любое стоящее обучение должно опираться на здоровое понимание истории.

Джезаль дал выход чувствам прерывистым вздохом. Он не постигал, с чего это вдруг старик взял на себя задачу просвещать его. Возможно, виной тому было непомерное самомнение мага. В любом случае, Джезаль оставался непоколебим в своей решимости не учиться ровным счетом ничему.

– Да, история... – задумчиво продолжал старик. – Халцис наполнен историей.

Джезаль огляделся вокруг, и увиденное не произвело на него ни малейшего впечатления. Если допустить, что история означает просто древность, то Халцис, старинный город-порт Старой империи, был богат ею, без сомнений. Если же считать, что история предполагает нечто большее – величие, славу, нечто такое, что волнует кровь, – то она здесь начисто отсутствовала.

Да, действительно, город был тщательно спланирован, его широкие прямые улицы располагались так, чтобы открыть путешественникам свои великолепные виды. Однако за долгие века эти горделивые виды превратились в панораму разрушения. Повсюду стояли покинутые дома, пустые оконные и дверные проемы печально глядели на изборожденные колеями площади. Боковые улочки заросли сорняками, их завалило мусором и гниющими досками. Половина мостов через неторопливо текущую реку обрушились, да так и не были отремонтированы; половина деревьев на широких проспектах высохли, задущенные плющом.

Здесь не было и намека на ту бурную жизнь, что затопляла Адую от порта и трущоб до самого Агрионта. Родина Джезали порой казалась слишком суетливой, беспокойной, лопающейся по швам от огромного количества людей; но сейчас, когда он смотрел на немногочисленных оборванных жителей Халциса, бродивших по разлагающимся руинам своего города, у него не возникало сомнений насчет того, какую атмосферу он предпочтет.

– ...На протяжении нашего путешествия у вас будет множество возможностей усовершенствовать свои знания, мой юный друг, и я бы предложил вам воспользоваться этим. Мастер Девятипалый в особенности заслуживает вашего внимания. Мне кажется, у него вы научились бы очень многому...

Джезаль едва не задохнулся от удивления.

– Что? У этой обезьяны?

– Эта, как вы выражаетесь, обезьяна, отлично известна всему Северу. Его там зовут Девять Смертей, и это имя внушает сильнейшим мужам страх или отвагу, в зависимости от того, на чьей они стороне. Он воин и тактик, обладающий величайшим умением и несравненным опытом. Кроме всего прочего, он постиг науку говорить гораздо меньше, чем он знает. – Байяз покосился на молодого человека. – Что прямо противоположно некоторым моим знакомым.

Джезаль насупил и сторбил плечи. Он не понимал, чему можно научиться у Девятипалого. Разве что есть руками и не умываться.

Они вышли на широкое открытое пространство.

– Великий форум, пульсирующее сердце города, – пробормотал Байяз. Даже он, судя по голосу, был разочарован. – Жители Халциса приходили сюда, чтобы покупать и продавать товары, смотреть спектакли и слушать судебные дела, спорить о философии и политике. В Старые времена форум был заполнен людьми до позднего вечера.

Сейчас места на форуме было предостаточно. Обширная мощеная площадь с легкостью могла бы вместить и в пятьдесят раз больше, чем жалкая горстка людей, которые здесь собрались. Величественные статуи по краям площади были перепачканы и разбиты, грязные пьедесталы перекошились под разными углами. В центре без всякого порядка стояли несколько прилавков, сбившихся вместе, как овцы в холодную погоду.

– Да, это лишь тень его прежней славы... Впрочем, – Байяз указал на перекошенные скульптуры, – вот единственные жители этого города, интересующие нас сегодня.

– Да неужели? И кто же это?

– Императоры далекого прошлого, мой мальчик, и у каждого есть что нам рассказать.

Джезаль мысленно застонал. Он и к истории собственной страны испытывал не более чем преходящий интерес, что уж говорить о каком-то застоявшемся болоте на западных задворках мира.

– Их здесь много, – буркнул он.

– И это еще далеко не все! История Старой империи простирается в глубину времен на многие столетия.

– Должно быть, поэтому ее и называли Старой?

– Не пытайтесь умничать со мной, капитан Луфар, вы для этого недостаточно подготовлены. В те времена, когда ваши предки на землях Союза бегали голышом, общались жестами и поклонялись грязи, здесь мой наставник Иувин направлял рождение могучей нации, не знающей себе равных по масштабу и богатству, мудрости и славе. Адуа, Талин, Шаффа – все это лишь тени изумительных городов, что когда-то процветали в долине великой реки Аос. Здесь находится колыбель цивилизации, мой юный друг.

Джезаль обвел взглядом жалкие статуи, высохшие деревья, грязные, запущенные, блеклые улицы.

– И что же пошло не так?

– Падение великих никогда не имеет простых объяснений. Славе и успеху сопутствуют ошибки и позор. А там, где они пересекаются, неизбежно закипает зависть. Ревность друг к другу и гордыня шаг за шагом привели к сварам, затем к междоусобицам, затем к войнам. К двум великим войнам, которые закончились ужасными разрушениями. – Байяз быстро шагнул в сторону ближайшей из статуй. – Но и катастрофы учат нас, мой мальчик.

Джезаль поморщился. Новые уроки были нужны ему не больше, чем отсохший член, к тому же он вовсе не желал быть ничьим «мальчиком». Однако старика его недовольство несколько не смутило.

– Великий правитель должен быть безжалостным, – поучал Байяз. – Когда возникает угроза ему лично или его авторитету, он должен действовать быстро и не оставлять в себе места для сожалений. За примером далеко ходить не надо – вот перед нами император Шилла.

Маг поднял голову, разглядывая высившуюся над ними скульптуру, чьи черты были почти полностью стерты временем.

– Однажды он заподозрил своего камергера в том, что тот вынашивает планы захватить трон. Тогда он немедленно приказал предать смерти самого камергера, задушить его жену и всех детей, а его огромный дворец сровнять с землей. – Байяз пожал плечами. – Все это без малейшего намека на доказательства. Чрезмерное и жестокое деяние, но лучше действовать слишком сильно, чем слишком слабо. Лучше пусть тебя боятся, чем презирают. Шилла знал это. В политике нет места сантиментам, вы это понимаете?

«Я понимаю, что, куда бы я ни направился, везде найдется какой-нибудь вонючий старый болван, пытающийся читать мне наставления».

Так Джезаль подумал; но он не собирался произносить это вслух. Память об инквизиторском практике, разлетевшемся на клочки перед его глазами, была еще до ужаса свежа.

Тот хлюпающий звук, который издала лопнувшая плоть. Капли горячей крови, брызнувшие ему в лицо... Джезаль сглотнул и уставился на свои сапоги.

– Понимаю, – пробормотал он.

– Я не хочу сказать, разумеется, что великий король обязательно должен быть тираном, – продолжал бубнить Байяз. – Завоевать любовь простого народа всегда должно быть первым устремлением правителя, ибо это может быть достигнуто малыми средствами, и притом продлится до конца жизни.

Такого Джезаль никак не мог пропустить, сколь бы опасен ни был старый маг. Байяз явно не имел практического опыта на политической арене.

– Какой прок от любви простонародья? И деньги, и солдаты, и власть – все у дворян!

Байяз закатил глаза.

– Слова ребенка, легко поддающегося на уловки и балаганные фокусы! Откуда берутся у дворян деньги, как не от налогов с крестьян? Кто их солдаты, как не сыновья и мужья простых людей? Откуда лорды черпают свою власть? Лишь из покорности вассалов, и ниоткуда больше. Когда крестьян охватывает серьезное недовольство, власть может исчезнуть в мгновение ока! Возьмем хотя бы случай императора Дантуса.

Байяз указал на одну из многочисленных статуй: одна рука ее была отломлена у локтя, а другая протягивала вперед пригоршню мусора, уже увенчавшуюся пышной шапкой из мха. На месте носа зияла грязная впадина, придававшая лицу императора Дантуса выражение вечного изумленного замешательства, как у человека, застигнутого врасплох при отправлении естественной нужды.

– Ни одного из правителей подданные не любили больше, чем его, – продолжал Байяз. – Дантус привечал любого как равного себе, он всегда отдавал беднякам половину своих доходов. Однако дворяне устроили против него заговор, нашли императору замену и бросили его в тюрьму.

– Да неужели? – буркнул Джезаль, уставившись на полупустую площадь.

– Однако народ не покинул любимого монарха в беде. Люди вышли на улицы и восстали, их невозможно было усмирить. Кого-то из заговорщиков схватили и повесили, тогда другие устремились и сами вернули Дантуса на трон. Так что вы видите, мой мальчик: любовь народа – надежнейший щит правителя.

Джезаль вздохнул.

– По мне, постоянной поддержки лордов вполне достаточно.

– Ха! Их любовь дорого обходится и ненадежна, как переменчивый ветер! Разве вам, капитан Луфар, не доводилось бывать в Круге лордов на заседании открытого совета?

Джезаль нахмурился. Возможно, в болтовне старика было какое-то зерно истины.

– Ха! – снова фыркнул Байяз. – Такова любовь благородных. Лучшее, что с ними можно сделать, – это разделять их и извлекать выгоду из их соперничества, заставлять их соревноваться за мелкие знаки твоей благосклонности, присваивать себе их успехи и прежде всего следить за тем, чтобы никто из них не стал слишком могущественным и не бросил вызов твоему величию.

– А это кто? – спросил Джезаль.

Одна из статуй была заметно выше всех прочих. Внушительного вида человек, в зрелых годах, с густой бородой и вьющимися волосами. Его лицо было привлекательным, но возле губ залегла суровая складка, а лоб пересекали морщины, говорившие о гордости и гневливости. С таким человеком лучше не шутить.

– Это мой учитель Иувин. Не император, но первый и единственный советник многих из них. Это он построил империю, и он же стал главным виновником ее падения. Великий человек, однако великие люди совершают великие ошибки. – Байяз задумчиво крутил в руке свой истертый посох. – Уроки истории следует знать. Ошибки прошлого должны совер-

шаться лишь единожды. – Он мгновение помедлил. – За исключением тех случаев, когда нет другого выбора.

Джезаль потер глаза и окинул взглядом форум. Кронпринцу Ладиславу, возможно, подобная лекция и принесла бы какую-то пользу, хотя Джезаль сильно сомневался. Неужели ради этого его оторвали от друзей, лишили тяжким трудом заработанной возможности добиться славы и возвышения? Чтобы выслушивать здесь тоскливые рассуждения какого-то чокнутого лысого бродяги?

Он нахмурился: через площадь в их направлении двигалась группа из трех солдат. Вначале Джезаль следил за ними без интереса. Затем осознал, что солдаты глядят на него и на Байяза и идут прямо к ним. Он заметил и другую троицу, и еще одну – они подходили с разных сторон.

У Джезала перехватило дыхание. Их оружие и доспехи старинного образца выглядели вполне готовыми к бою, что вселяло беспокойство. Фехтование – одно, но настоящая схватка, в которой можно получить серьезную рану или погибнуть, это совсем другое. Конечно же, тут нет никакой трусости – любой встревожится, когда девять вооруженных людей совершенно явно направляются к тебе и нет никаких путей для отступления. Байяз тоже заметил их.

– Похоже, нам приготовили встречу.

Девять солдат с суровыми лицами подошли вплотную, крепко сжимая в руках оружие. Джезаль расправил плечи и приложил все усилия, чтобы выглядеть грозным, но не встречаться ни с кем глазами, держа руки подальше от эфеса своей рапиры. Ему совершенно не хотелось, чтобы кто-то из воинов занервничал и проткнул его клинком, подчиняясь порыву.

– Вы Байяз, – произнес их предводитель, коренастый мужчина с грязным красным пером на шлеме.

– Это вопрос?

– Нет. Наш господин, наместник императора Саламо Нарба, правитель Халциса, приглашает вас на аудиенцию.

– Приглашает? Да неужели? – Байяз окинул взглядом отряд солдат, затем посмотрел на Джезала, приподняв бровь. – Полагаю, с нашей стороны было бы неучтиво отказываться, тем более что наместник взял на себя заботу организовать для нас почетный эскорт. Ну что ж, ведите.

Хочешь сказать про Логена Девятипалого – скажи, что ему было больно. Он тащился по разбитым булыжным мостовым и каждый раз, когда вес тела перемещался на разбитую лодыжку, морщился, хромал, охал и взмахивал руками, чтобы удержать равновесие.

Брат Длинноногий ухмылялся через плечо, глядя на это жалостное зрелище.

– Как твои раны сегодня, мой друг?

– Болят, – пропыхтел Логен сквозь сжатые зубы.

– И все же, как я подозреваю, тебе доставалось и больше.

– Хм...

Старых ран у него хватало. Большую часть жизни он провел, испытывая боль, пока выздоравливал, всегда слишком медленно, после очередной схватки. Логен вспомнил свою первую настоящую рану: порез через все лицо, полученный от шанка. Тогда он был стройным пятнадцатилетним юношей с нежной кожей, девушки из их деревни засматривались на него. Логен прикоснулся к лицу большим пальцем и нащупал старый шрам. Он помнил, как отец прижимал повязку к его щеке в задымленном зале, как было больно и как хотелось кричать, но он лишь закусывал губу. Мужчины терпят молча.

Если могут. Логен вспомнил, как лежал на брюхе в вонючей палатке, по которой барабанил холодный дождь; как он впился зубами в обрывок кожи, чтобы не кричать, но выплю-

нул его и все же закричал, когда из его спины стали вырезать застрявший наконечник стрелы. Целый день его кромсали, чтобы найти чертову штуковину. Логен вздрогнул и передернул плечами от одного воспоминания об этом. Потом целую неделю он не мог говорить, так наорался.

А после поединка с Тридубой он не мог говорить гораздо дольше, чем неделю. И заодно и ходить, и есть, и даже видеть мог с трудом. Сломанная челюсть, сломанная скула, бесчисленные сломанные ребра. Его кости были так перебиты, что он представлял собой какое-то вопящее от боли, хнычущее от жалости к себе месиво; плакал как ребенок при каждом движении носилок, а старая женщина кормила его с ложечки – и он был за это благодарен.

Таких воспоминаний было множество, они теснились в памяти и снова терзали его. Как после битвы под Карлеоном у него мучительно болел обрубок пальца – прямо огнем горел, так что Логен чуть не спятил. Как он вдруг очнулся, пролежав целый день в беспомощности после удара по голове там, в горах. Как он мочился кровью после того, как Хардинг Молчун проткнул ему брюхо копьем. Внезапно Логен почувствовал все эти шрамы на своей искромсанной шкуре. Он обхватил руками ноющее тело.

Старых ран у него хватало, ничего не скажешь, но от этого свежие болели не меньше. Разрубленное плечо не давало покоя, жгло, словно раскаленный уголь. Логен однажды видел, как человек потерял руку из-за какой-то царапины, полученной в бою.

Сначала пришлось отрезать ему кисть, потом предплечье, потом всю руку до самого плеча. После этого он стал уставать, потом начал заговариваться, а потом просто умер. Логену не хотелось бы вернуться в грязь таким путем.

Он допрыгал до подножия обвалившейся стены и прислонился к нему. Мучительно двигая плечами, стянул с себя куртку, одной непослушной рукой расстегнул пуговицы на рубашке, вытащил булавку, которой была скреплена повязка, и осторожно отодрал ткань от раны.

– Как она выглядит? – спросил он у Длинноногого.

– Как прародитель всех струпьев, – пробормотал тот, глядя в его плечо.

– Пахнет нормально?

– Ты хочешь, чтобы я ее понюхал?

– Просто скажи мне, воняет или нет.

Навигатор склонился вперед и изящно потянул носом воздух возле Логенова плеча.

– Отчетливый запах пота, но это, должно быть, из подмышки. Боюсь, среди моих выдающихся талантов медицина не числится. Для меня все раны пахнут более или менее одинаково.

И он снова заколол повязку булавкой. Логен с трудом натянул рубашку.

– Если бы она загнила, ты бы это понял, можешь мне поверить. Такая рана воняет, как разрытая могила, а стоит гнили забраться в тебя, как от нее уже не избавиться, разве что вырезать ножом. Мерзко, когда так получается.

Он поежился и осторожно приложил ладонь к пульсирующему плечу.

– Э-э, да, – отозвался Длинноногий, уже шагая прочь по почти пустынной улице. – Тебе повезло, что с нами эта женщина, Малджин. Ее умение вести беседу крайне ограничено, но что касается врачевания ран – я видел это собственными глазами и не откажусь засвидетельствовать, что она способна зашивать кожу спокойно и невозмутимо, как искусный сапожник. Воистину так! Она обращается с иглой проворно и аккуратно, словно портниха самой королевы! Весьма полезное умение в этих краях. Я ничуть не удивлюсь, если ее талант еще пригодится нам, прежде чем мы доберемся до цели.

– Так это опасное путешествие? – спросил Логен, стараясь влезть обратно в свою куртку.

– Ха! На Севере всегда царили дикость и беззаконие, сплошные кровавые распри и безжалостные разбойники. Все ходят вооруженные до зубов и готовы убить за один взгляд. В Гуркхуле иноземные путешественники рискуют в любой момент попасть в рабство и остаются свободными лишь по прихоти местного правителя. В городах Стирии головорезы и воры поджидают на каждом углу, если городские власти не ограбят тебя сразу, прямо на входе в городские ворота. Воды Тысячи островов кишат пиратами, и порой кажется, что их там столько же, сколько купцов. А в далеком Сулджук чужестранцев боятся и презирают – тебя вполне могут подвесить за ноги и перерезать тебе глотку после того, как ты спросишь дорогу. Земной круг полон опасностей, мой девятипалый друг, но если тебе этого недостаточно и хочется более рискованных приключений, я бы предложил посетить Старую империю.

Логен чувствовал, что брат Длинноногий наслаждается своей речью.

– Все так плохо?

– Еще хуже, воистину! Особенно в том случае, если вместо краткого визита ты собираешься пересечь всю страну от края до края.

Логен сморщился.

– А план именно такой?

– Да, план именно такой! Старую империю с незапамятных времен раздирают на части междоусобицы. Некогда это была единая нация, управляемая императором, чьи законы опирались на могучую армию и преданную администрацию. Но с течением времени она распалась в бурлящем котле мелких княжеств, республик, городов-государств, крошечных поместий, и теперь мало кто признает над собой хоть какого-то правителя, если он в настоящую минуту не держит меч у него над головой. Границы между сбором налогов и разбоем, между справедливой войной и кровавым побоищем, между обоснованными притязаниями и фантазией расплылись и исчезли. И года не проходит без того, чтобы очередной жадный до власти бандит не провозгласил себя королем. Насколько мне известно, однажды, лет пятьдесят назад, в стране было шестнадцать императоров одновременно!

– Хм. На пятнадцать больше, чем нужно.

– На шестнадцать, как считают некоторые. И ни один из них не испытывал дружеских чувств к путешественникам. Что касается способов убийства, то Старая империя может предложить жертве ошеломляюще богатый выбор! И совершенно не обязательно, чтобы тебя убили люди.

– Вот как?

– Да, боже мой! Сама природа устроила множество грозных препятствий на нашем пути, в особенности если учесть, что зима приближается. К западу от Халциса лежит широкая и плоская травянистая равнина, простирающаяся на много сотен миль. Конечно, в Старые времена большая ее часть была заселена и распаханна, а во всех направлениях ее пересекали дороги, вымощенные крепким камнем. Но теперь почти все города лежат в руинах, поля превратились в орошаемые лишь дождями пустоши, а дороги – в тропы из разбитого булыжника, заманивающие неосторожных в предательские топи.

– Топи, – повторил Логен, качая головой.

– А дальше еще хуже. Эти пустынные земли прорезает глубокая и извилистая долина реки Аос, величайшей из рек Земного круга. Нам необходимо перейти через нее, но там остались только два моста: один в Дармиуме, и это лучше всего для нас, а другой в Аостуме, в сотне с лишним миль к западу. Есть еще броды, но Аос – река сильная и быстрая, а долина обширна и чревата опасностями. – Длинноногий прищелкнул языком. – И все это – пока не доберемся до Изломанных гор.

– Высокие горы, наверное?

– О, необычайно! Очень высокие и очень опасные. Их назвали Изломанными из-за отвесных обрывов, глубоких ущелий, внезапных перепадов высоты. По слухам, там есть проходы, однако все карты давным-давно утеряны, если они вообще были. А когда мы справимся с горами, нам нужно будет сесть на корабль...

– Ты что, собираешься тащить корабль через горы?

– Наш наниматель заверил меня, что сможет раздобыть его на той стороне. Каким образом, мне неизвестно, поскольку та земля почти совершенно не изучена... Мы поплывем на запад, к острову Шабульян, который, по слухам, поднимается из океана на самом краю мира.

– По слухам?

– Об этом месте нет других сведений, кроме слухов. Даже среди членов прославленного ордена навигаторов никто не решался утверждать, будто побывал на острове, а братья моего ордена хорошо известны своими... не вполне обоснованными утверждениями, скажем так.

Логен почесал голову, жалея, что не расспросил Байяза о его планах заранее.

– Сдается мне, это долгий путь.

– Собственно, более отдаленную цель едва ли можно себе представить.

– И что там?

Длинноногий пожал плечами.

– Тебе придется спросить об этом нашего нанимателя. Я прокладываю маршруты, а не выискиваю причины. Пожалуйста, следуй за мной, мастер Девятипалый, и заклинаю тебя, не медли! Нам надо сделать еще множество дел, если мы хотим сойти за торговцев.

– Торговцев?

– Таков план Байяза. Купцы часто идут на риск, чтобы отправиться из Халциса в Дармиум и даже дальше, в Аостум. Это крупные города, но они почти отрезаны от внешнего мира. Если привозить туда чужеземные предметы роскоши – пряности из Гуркхула, шелка из Сулджук, чаггу с Севера, – прибыль получается астрономическая. Можно за месяц утроить свои капиталы, если останешься в живых! Такие караваны отправляются нередко, хорошо вооруженные и охраняемые, разумеется.

– А как насчет грабителей и разбойников, бродящих по равнине? Разве они охотятся не за купцами?

– Несомненно, – ответил Длинноногий. – Значит, есть другая угроза, от которой нас призвана защитить эта маскировка. Угроза, направленная непосредственно против нас.

– Против нас? Другая угроза? Нам что, мало этой?

Но Длинноногий уже шагнул вперед и не слышал его.

По крайней мере в одной части Халциса величие прошлого не полностью угасло. Зал, куда они вошли вместе со своими охранниками – или похитителями, – был поистине великолепен.

По обе стороны огромного гулкого пространства выстроились два ряда длинных колонн, как деревья в лесу. Они были высечены из полированного зеленого камня, пронизанного блестящими серебряными прожилками. Высокий потолок, выкрашенный в густой сине-черный цвет, усеивали плеяды сияющих звезд; контуры созвездий были намечены золотыми линиями. От самых дверей начинался глубокий бассейн, наполненный темной водой – гладкая, абсолютно не пропускающая света поверхность. Еще один сумрачный зал у них под ногами. Еще одно сумрачное ночное небо в глубине.

Наместник императора полулежал на ложе, установленном на возвышении в дальнем конце зала, стол перед ним ломился от всевозможных лакомств. Это был крупный мужчина, круглолицый и тучный. Пальцами, унизанными золотыми перстнями, он выбирал самые

лакомые кусочки и отправлял их в свой раскрытый рот, но глаза его ни на мгновение не отрывались от двоих гостей – или пленников.

– Я Саламо Нарба, наместник императора и правитель города Халциса. – Наместник пожевал губами и выплюнул оливковую косточку, звонко ударившую в блюдо. – А вы тот, кого называют первым из магов?

Байяз склонил лысую голову.

Нарба поднял бокал, зажав ножку между толстым указательным и еще более толстым большим пальцами, отхлебнул вина, задумчиво побулькал им во рту, разглядывая их, и наконец проглотил.

– Байяз?

– Он самый.

– Хмм... Не хочу никого обидеть, – наместник ухватил крошечную вилочку, нанизал на нее устрицу и вытащил из раковины, – но ваше присутствие в городе беспокоит меня. Политическая ситуация в империи... очень шаткая. – Он снова поднял бокал. – Еще более шаткая, чем обычно. – Отхлебнул вина, подержал во рту, проглотил. – Меньше всего мне сейчас нужно, чтобы кто-нибудь... нарушил равновесие.

– Еще более шаткая, чем обычно? – переспросил Байяз. – Но мне казалось, что Сабарбус в конце концов сумел всех успокоить.

– Успокоить на время, прижав каблуком. – Наместник оторвал от грозди кисточку темного винограда и откинулся назад на подушки, кидая ягоды в рот одну за другой. – Однако Сабарбус... мертв. Говорят, его отравили. Его сыновья, Скарио... и Голтус... передрались из-за наследства... и затеяли войну. Чрезвычайно кровавую войну, даже для этой истрадавшейся земли.

Он сплюнул косточки на стол и продолжил:

– Голтус засел в Дармиуме, посреди великой равнины. Скарио призвал Кабриана, лучшего из генералов своего отца, и поручил ему осадить город. Не так давно, после пяти месяцев блокады, когда кончились все запасы и всякая надежда... город сдался.

Нарба впился зубами в спелую сливу, по его подбородку потек сок.

– Так значит, Скарио близок к победе?

– Ха! – Наместник вытер подбородок мизинцем и небрежно бросил недоеденный фрукт обратно на стол. – Как только Кабриан взял Дармиум, захватил его сокровища и отдал город на беспощадное разграбление своим солдатам, он сам обосновался в древнем дворце и провозгласил себя императором.

– Вот как... Кажется, вас это не трогает?

– Я плачу в сердце своем, но я уже видел такое прежде. Скарио, Голтус, а вот теперь Кабриан. Три самозванных императора сошлись в смертельной схватке, их солдаты опустошают страну, а немногие города, сохранившие независимость, в ужасе смотрят на это и прикладывают все усилия, чтобы уцелеть в этом кошмаре.

Байяз нахмурился.

– Я предполагал идти на запад. Мне нужно переправиться через Аос, а мост в Дармиуме ближе всех.

Наместник покачал головой.

– Говорят, что Кабриан, который всегда был эксцентричным, окончательно потерял разум. Будто бы он убил жену, взял в жены трех своих дочерей и объявил себя богом во плоти. Городские ворота закрыты, а он очищает город от ведьм, демонов и предателей. На каждом углу поставлены виселицы, на которых ежедневно появляются новые тела. Не разрешается ни входить в город, ни выходить из него. Таковы новости из Дармиума.

Джезаль не ощутил ни малейшего облегчения, когда Байяз ответил:

– Что ж, тогда придется идти в Аостум.

– Никто больше не сможет перейти через реку в Аостуме. Скарио, убегая от жаждущих мести войск своего брата, перешел мост и приказал разрушить его за своей спиной.

– Он уничтожил мост?

– Вот именно. От чудесного сооружения, сохранившегося со Старых времен и простоявшего две тысячи лет, ничего не осталось. В дополнение к вашим горестям скажу, что в последнее время шли сильные дожди и великая река сейчас быстра и полноводна. Вброд не перейти. Боюсь, в этом году вам не удастся переправиться через Аос.

– Это необходимо.

– Но невозможно. Если хотите моего совета, я бы на вашем месте оставил империю оплакивать свои беды и вернулся туда, откуда вы пришли. Мы здесь, в Халцисе, всегда старались вести борозду посередине поля – не принимать ничью сторону и держаться подальше от несчастий, что постигли другие земли нашей страны, одно тяжелее другого. Мы по-прежнему блюдем уклад наших отцов. – Он показал на себя. – Городом управляет наместник императора, как в Старые времена. Власть не попала в руки какому-нибудь бандиту, мелкому вождю, фальшивому императору! – Он вяло повел рукой, указывая на роскошный зал вокруг. – Вопреки всему мы сумели сохранить частицу бывшего величия, и я не стану этим рисковать... Ваш друг Захарус был у нас не более месяца назад.

– Был здесь?

– Он сказал мне, что Голтус – законный император, и потребовал, чтобы я поддержал его. Я прогнал Захаруса, ответив ему так же, как отвечаю вам: мы в Халцисе довольны тем, как мы живем. Мы не хотим участвовать в ваших своекорыстных замыслах. Перестаньте лезть в чужие дела и убирайтесь отсюда, маг. Я даю вам три дня на то, чтобы покинуть город.

Последние отголоски речи Нарбы затихли, и повисла долгая звенящая пауза. Миг тишины затягивался, а лицо Байяза становилось все мрачнее и мрачнее. Это было долгое, выжидающее молчание, но в нем не было пустоты – оно наполнилось нарастающим страхом.

– Ты, кажется, перепутал меня с кем-то? – прорычал Байяз, и Джезаль ощутил настоятельную потребность отодвинуться от него подальше, спрятаться за одной из этих замечательных колонн. – Я первый из магов! Первый ученик самого великого Иувина!

Его гнев, словно огромный камень, давил на грудь Джезала, выжимая воздух из легких и лишая сил. Маг поднял увесистый кулак.

– Эта рука низвергла Канедиаса! Эта рука короновала Гарода! И ты осмеливаешься мне угрожать? Что ты называешь сохранением бывшего величия? Город, который прячется за полуразрушенными стенами, как старый немощный вояка в непомерно больших доспехах, оставшихся со времен молодости?

Нарба съежился за своей серебряной утварью, и Джезаль содрогнулся. Он в ужасе представил, что наместник в любую минуту может взорваться, окропив зал своей кровью.

– Ты думаешь, мне нужен этот треснутый ночной горшок, этот твой город? – гремел Байяз. – Ты даешь мне три дня? Мне хватит и одного!

Он развернулся на каблуках и зашагал по отполированному полу к выходу, а гулкие раскаты его голоса все еще разносились эхом по сияющим стенам и сверкающему потолку.

Джезаль мгновение помедлил в нерешительности, ощущая слабость и дрожь во всем теле. Потом наконец сдвинулся с места и виновато побрел вслед за первым из магов мимо онемевшей от страха стражи наместника к свету дня.

Состояние городских укреплений

«Архилектору Сульту, главе инквизиции его величества.

Ваше преосвященство!

Я ознакомил членов правящего совета Дагоски со своей миссией. Вряд ли вас удивит, что они не пришли в восторг, узнав о внезапном ограничении своей власти. Я уже начал расследование исчезновения наставника Давуста и уверен, что результаты вскоре последуют. Оценку состояния городских укреплений я произведу при первой же возможности и предприму все необходимые меры, чтобы обеспечить неприступность Дагоски.

Ждите вестей. А пока – служу и повинуюсь.

*Занд дан Глокта,
наставник Дагоски».*

Солнце налегало на осыпающиеся зубчатые стены словно огромный груз. Оно давило на склоненную голову Глокты сквозь шляпу. Оно наваливалось на его согнутые плечи сквозь черное пальто. Оно грозило выжать из него досуха все соки, высосать всю жизнь, сокрушить его, поставить на колени.

«Прохладное осеннее утро в восхитительной Дагоске».

Солнце атаковало сверху, а соленый ветер тем временем набрасывался прямым курсом. Он прилетал с пустынных просторов моря и беспрепятственно несся над полуостровом, горячий и полный удушающей пыли; ударялся в городские стены и драил соленым песком все, что попадалось на пути. Он стегал потную кожу Глокты, иссушал губы, терзал глаза, заставляя проливать жгучие слезы.

«Кажется, даже погода хочет избавиться от меня».

Практик Витари шла по парапету сбоку от него, раскинув руки в стороны, как цирковой акробат на канате. Глокта снизу хмуро поглядывал на нее – высокую черную фигуру на фоне сверкающего неба.

«Она вполне могла бы просто идти вниз и не устраивать представления. Но так, по крайней мере, есть надежда, что она свалится».

Городская стена была не меньше двадцати шагов в высоту. Глокта позволил себе едва заметную улыбку, представив себе, как любимица архилектора споткнется, поскользнется и полетит вниз со стены, хватая руками пустоту.

«Издаст ли она отчаянный крик, когда будет падать навстречу смерти?»

Однако она не падала.

«Стерва. Конечно же, сочиняет очередное донесение архилектору: „Калека по-прежнему барахтается, словно выброшенная на берег рыба. Он до сих пор не обнаружил ни малейшего следа Давуста или предполагаемого предателя и, видимо, не обнаружит, хотя опросил полгорода. Единственный, кого он пока что арестовал, – это человек из его собственной инквизиции...“»

Глокта заслонил глаза рукой, щурясь на ослепительном солнце. Перед ним лежал скалистый перешеек, соединявший Дагоску с материком: не более нескольких сотен шагов в ширину в самом узком месте. По обе стороны сверкало море. Дорога от городских ворот тянулась коричневой лентой через желтый низкорослый кустарник, пересекая местность в южном направлении, вплоть до высохших холмов на материке. Несколько морских птиц, пронзительно крича, с унылым видом кружили над дорогой, но других признаков жизни не было видно.

– Не могли бы вы одолжить мне вашу подзорную трубу, генерал?

Виссбрук раздвинул трубу и неохотно сунул ее в протянутую руку Глокты.

«Он явно считает, что у него полно более интересных дел, чем устраивать мне экскурсию по оборонительным укреплениям».

Генерал задыхался в своем безупречном мундире, его пухлое лицо блестело от пота.

«Прикладывает все усилия, чтобы сохранить профессиональную выправку. Выправка – едва ли не единственное, что есть профессионального у этого идиота. Однако, как выразился архитектор, мы должны работать с теми орудиями, которые у нас есть».

Глокта поднес медную трубку к глазу.

Гурки соорудили у подножия холмов частокол. Высокая изгородь из деревянных кольев отрезала Дагоску от материка. По другую ее сторону виднелась россыпь палаток, над кухонными кострами здесь и там поднимались тонкие струйки дыма. Глокта едва различал двигавшиеся там крошечные фигурки и отблески солнца на полированном металле.

«Оружие и доспехи. Того и другого предостаточно».

– Раньше с материка приходили караваны, – пробормотал Виссбрук. – В прошлом году – по сотне каждый день. Потом начали прибывать солдаты императора, и торговцев стало меньше. Частокол закончили пару месяцев назад, и после этого с той стороны не появилось ничего, даже ни одного осла. Теперь приходится все завозить морем.

Глокта обвел взглядом частокол и лагерь позади него, простирающийся от моря до моря.

«Что это, простое поигрывание мускулами, демонстрация силы? Или все совершенно серьезно? Гурки любят устраивать спектакли, но и против хорошей драки ничего не имеют – именно так они завоевали весь Юг, не считая нескольких клочков земли».

Он опустил подзорную трубу.

– Сколько там гурков, как вы думаете?

Виссбрук пожал плечами.

– Невозможно сказать. Я бы предположил, что, самое малое, пять тысяч, но может быть и гораздо больше – вон там, за холмами. Мы не имеем возможности это выяснить.

«Пять тысяч. Самое малое. Если спектакль, то весьма впечатляющий».

– А сколько людей у нас?

Виссбрук помедлил.

– Под моим командованием находится около шестисот солдат Союза.

«Около шестисот? Около? Ах ты безмозглый болван! Когда я служил в армии, я поименно знал всех людей в своем подразделении, а также кто для каких задач наиболее пригоден!»

– Шестьсот? И это все?

– В городе есть наемники, но им нельзя доверять, они сами могут стать источником неприятностей. По моему мнению, они более чем бесполезны.

«Мне нужны цифры, а не твое мнение!»

– Сколько наемников?

– Сейчас, наверное, около тысячи; может быть, больше.

– Кто их предводитель?

– Один стириец – Коска, так он себя называет.

– Никомо Коска? – Витари глядела на них сверху, с парашюта, приподняв ярко-рыжую бровь.

– Вы его знаете?

– Можно сказать и так. Я думала, он мертв, но, похоже, в мире нет справедливости.

«В этом она права».

Глокта повернулся к Виссбруку.

– Этот Коска отчитывается перед вами?

– Не совсем. Ему платят торговцы пряностями, так что он отчитывается перед магистром Эйдер. Предполагается, что он должен подчиняться моим приказам...

– Но он подчиняется лишь своим собственным?

По лицу генерала Глокта понял, что так и есть.

«Наемники... Обоюдоострый меч, если вообще считать их мечом. Этот клинок разит, только пока ты в состоянии платить, и о надежности его говорить сложно».

– И у Коски вдвое больше людей, чем у вас... – продолжал размышлять Глокта.

«Если так, то оборону города мне надо обсуждать с другим человеком. Впрочем, есть один пункт, по которому он все же может меня просветить».

– Вы не знаете, что случилось с моим предшественником, наставником Давустом?

Генерал Виссбрук раздраженно поморщился.

– Не имею понятия. Действия этого человека не вызывают у меня никакого интереса.

– Хмм... – задумчиво протянул Глокта, придерживая шляпу, чтоб ее не сорвал с головы новый порыв ветра с песком, перелетевшего через стену. – Исчез наставник городской инквизиции – и совершенно никакого интереса?

– Никакого, – отрезал генерал. – У нас почти не было поводов для встреч. Давуст был известен как совершенно невыносимый человек. По моему скромному мнению, у инквизиции своя область ответственности, а у меня своя.

«Ах, какие мы чувствительные! Но здесь все такие, с тех самых пор, как я прибыл в город. Кто бы мог подумать – им неприятно меня видеть».

– У вас, значит, своя область ответственности? – Глокта проковылял к парапету, поднял свою трость и ткнул ею в угол осыпающейся кладки, рядом с каблуком Витари. От стены откололась каменная глыба и рухнула в пустоту на той стороне. Несколько секунд позже она с грохотом ударилась о днище рва далеко внизу. Глокта повернулся к Виссбруку. – А как вы считаете, забота о состоянии стен входит в область ответственности командующего обороной города?

– Я сделал все возможное! – ошетинился Виссбрук.

Глокта принялся считать на пальцах свободной руки:

– Городские стены разрушаются, людей для их защиты не хватает. Ров настолько забит грязью, что почти сровнялся с землей. Ворота не ремонтировались годами и разваливаются на части под собственной тяжестью. Если завтра гуркам вздумается атаковать, осмелюсь предположить, что мы окажемся в весьма печальном положении.

– Но не из-за недосмотра с моей стороны, уверяю вас! Эта жара, ветер и морская соль мгновенно разъедают дерево и металл, да и камень держится не лучше! Вы понимаете, какая это сложная задача? – Генерал указал на величественный изгиб высокой стены, плавно уходящей к морю с обеих сторон. Даже здесь, на самой вершине, парапет был достаточно широк, чтобы по нему могла проехать повозка, а у основания стена была намного толще. – У меня почти нет хороших каменщиков, а материалов еще меньше! Того, что выделил мне закрытый совет, едва хватает на ремонт Цитадели! А деньги торговцев пряностями еле-еле покрывают расходы на содержание стен Верхнего города...

«Глупец! Можно подумать, он вообще не думает серьезно о защите города».

– Если Нижний город окажется в руках гурков, провизию в Цитадель не доставить даже с моря, верно?

Виссбрук моргнул.

– Э-э, да, но...

– Стена Верхнего города, возможно, достаточно крепка, чтобы удерживать на месте туземцев, но она слишком длинная, слишком низкая и слишком тонкая, чтобы долгое время противостоять мощной атаке, вы со мной согласны?

– Полагаю, что так, но...

– По сути, любой план, в котором Цитадель или Верхний город рассматриваются как главная линия обороны, рассчитан лишь на то, чтобы выиграть время. Пока не пришла помощь. А помощь – учитывая, что наша армия сосредоточена в Инглии, во многих сотнях лиг отсюда, – может появиться очень нескоро. – «А может и вообще не появиться». – Если городская стена падет, город обречен.

Глокта постучал тростью по пыльным каменным плитам под своими ногами.

– Здесь, на этом самом месте, – вот где мы должны сражаться с гурками. И здесь мы должны их удержать! Все остальное несущественно.

– Несущественно! – пропела Витари, перепрыгивая через пролом в парапете.

Генерал нахмурился.

– Я могу делать только то, что указывает мне лорд-губернатор и его совет. Всегда считалось, что Нижним городом в случае чего можно пожертвовать. Я не отвечаю за общую политику...

– Зато я отвечаю. – Глокта поглядел Виссбруку в глаза и долго не отводил взгляда. – С настоящего момента все ресурсы будут направляться на восстановление и укрепление городских стен. Новые парапеты, новые ворота; каждый шатающийся камень должен быть заменен. Я не желаю видеть ни одной трещины, куда смог бы проползти муравей, не говоря уж о гуркской армии!

– Но кто возьмется за такую работу?

– Разве не туземцы когда-то построили эту чертову штуковину? Значит, среди них должны быть искусные мастера. Разыщите их и наймите. Что касается рва, я хочу, чтобы его отрыли до уровня моря. Если придут гурки, мы затопим его, и город окажется на острове.

– Но это может занять несколько месяцев!

– У вас есть две недели – в лучшем случае. Заставьте работать каждого лентяя! Женщин, детей – всех, кто способен держать лопату.

Виссбрук, хмурясь, покосился на Витари.

– А как насчет ваших людей из инквизиции?

– О, они слишком заняты расследованием – пытаются выяснить, что случилось с прежним наставником, или же сутки напролет следят за мной, моими апартаментами и воротами Цитадели, чтобы та же судьба не постигла и нового. Будет жаль, если я внезапно исчезну, прежде чем укрепления будут готовы. Не правда ли, Виссбрук?

– Разумеется, наставник, – пробормотал генерал.

«Но, как мне кажется, без особого энтузиазма».

– Однако все остальные должны быть привлечены к работе, включая ваших солдат.

– Не хотите же вы, чтобы мои люди...

– Я хочу, чтобы каждый из жителей внес свой вклад. Любой, кому это не нравится, может отправляться обратно в Адую. И объясняться с архилектором. – Глокта ухмыльнулся генералу своей беззубой улыбкой. – Незаменимых нет, генерал. Кто бы они ни были.

Розовое лицо Виссбрука взмокло от пота, проступавшего огромными каплями. Жесткий воротничок его мундира потемнел от влаги.

– Разумеется, каждый должен внести свой вклад! Работы во рву начнутся немедленно! – Он сделал неуверенную попытку улыбнуться. – Я разыщу всех, кто может работать, но мне потребуются деньги, наставник. Если люди работают, им надо платить, даже туземцам. Кроме того, нам нужны материалы, и их придется завозить морем...

– Займите столько, сколько вам нужно, чтобы начать работу. В кредит. Обещайте все, что угодно, и не давайте пока ничего. Его преосвященство все оплатит. – «Надеюсь». – Я хочу слышать доклад о ваших успехах каждое утро.

– Каждое утро, понимаю.

– У вас куча работы, генерал. Советую уже приступить.

Виссбрук мгновение помедлил, словно колебался, отдавать Глокте честь или нет. В конце концов он просто развернулся на каблуках и зашагал прочь.

«Что это, уязвленная гордость профессионального военного, вынужденного выполнять распоряжения штатского, или нечто большее? Может быть, я разрушил его тщательно выстроенные планы? Например, планы продать город гуркам?»

Витари прыгнула с парапета на дорожку.

– Его преосвященство оплатит? Вам повезет, если так!

Она не спеша двинулась прочь. Глокта хмуро поглядел ей вслед, затем так же хмуро – в сторону холмов на материке, и не менее хмуро – наверх, на Цитадель.

«Опасности со всех сторон. Я в ловушке между архилектором и гурками, в компании с неизвестным предателем. Если продержусь хотя бы день, это будет чудом».

Убежденный оптимист назвал бы это место захудалой забегаловкой.

«Хотя оно вряд ли заслуживает такого наименования».

Провонявшая мочой лачуга с разношерстной мебелью; все покрыто застарелыми пятнами пота и недавними следами пролитых напитков.

«Выгребная яма, из которой выгребли лишь половину содержимого».

Клиентов и службу было не отличить друг от друга: пьяные и грязные туземцы, лежащие вповалку в духоте. Никомо Коска, прославленный солдат удачи, был погружен в крепкий сон посреди этой картины всеобщего разгула.

Стириец откинулся назад на обшарпанном стуле, который стоял на задних ножках, спинкой опираясь о замызганную стену; одну ногу в сапоге он положил на стол перед собой. Должно быть, когда-то этот сапог был таким красивым и щегольским, каким только может быть сапог черной стирийской кожи с позолоченными пряжками и шпорой.

«Но это время прошло».

Голенище за долгие годы носки обвисло и истерлось, так что стало серым. Шпора обломилась почти у каблука, позолота на пряжках облупилась, и под ней виднелось железное основание, усеянное бурыми пятнышками ржавчины. Розовая кожа, натертая до волдырей, виднелась сквозь дыру в подметке.

«И едва ли найдется сапог, более подходящий своему хозяину».

Длинные усы Коски, которые явно должны были быть натерты воском и загнуты по моде стирийских франтов, вяло и безжизненно свисали по бокам полуоткрытого рта. Шею и подбородок покрывала недельная поросль – нечто среднее между щетиной и короткой бородкой, – а над воротничком проступала шершавая шелушащаяся сыпь. Сальные волосы торчали на голове со всех сторон, кроме широкой плечи на макушке, ярко-красной от загара. По дряблой коже стекали капли пота, ленивая муха ползла поперек припухшего лица. На столе лежала на боку пустая бутылка. Еще одна, полупустая, покоилась на коленях Коски.

Витари разглядывала эту картину пьяного пренебрежения к себе, и на ее лице, несмотря на маску, ясно угадывалась презрительная гримаса.

– Так значит, это правда, ты еще жив.

«Едва жив».

Коска с трудом раскрыл один заплывший глаз, мигнул, сощурился, и его губы начали медленно расплываться в улыбке.

– Шайло Витари, клянусь всеми богами! Мир еще способен меня удивить!

Он сморщился, задвигал губами, потом взглянул вниз, увидел у себя на коленях бутылку, поднес ее ко рту и глубоко и жадно приложился. Он пил большими глотками, словно в бутылке была вода.

«Сразу виден бывалый пьяница, если у кого-то были сомнения. Едва ли такому человеку доверят защиту города, по крайней мере, на первый взгляд».

– Никак не ожидал, что снова тебя увижу, – продолжал Коска. – Почему бы тебе не снять маску? Она лишает меня твоей красоты.

– Оставь любезности для шлюх, Коска. Я не хочу подцепить то, что уже подцепил ты. Наемник издал булькающий звук – наполовину смех, наполовину кашель.

– А у тебя по-прежнему манеры принцессы, – просипел он.

– В таком случае, этот гадюшник – настоящий дворец.

Коска пожал плечами.

– Если выпить достаточно, то разницы нет.

– Ты думаешь, тебе когда-нибудь удастся выпить достаточно?

– Нет. Но попробовать стоит. – И словно в подтверждение своей мысли он снова присосался к бутылке.

Витари присела на край стола.

– Итак, что же привело тебя в эти края? Я-то думала, ты занят распространением половых болезней в Стирии.

– Моя популярность дома несколько угасла.

– Слишком часто сражался за обе стороны, я угадала?

– Вроде того.

– А дагосканцы встретили тебя с распростертыми объятиями?

– Я бы предпочел, чтобы меня встретила ты с раздвинутыми ногами, но нельзя получить все, чего хочется. Кто твой друг?

Глокта ноющей ногой пододвинул к себе шаткий стул и опустился на него, надеясь, что сиденье выдержит его вес.

«Если я сейчас рухну на пол в куче обломков, это вряд ли произведет нужное впечатление».

– Мое имя Глокта. – Он вытянул потную шею в одну сторону, потом в другую. – Наставник Глокта.

Коска долго смотрел на него. Глаза наемника были красные, запавшие, с набрякшими веками.

«Тем не менее в них видна работа мысли. Возможно, он совсем не так пьян, как приотворяется».

– Тот самый, кто сражался в Гуркхуле? Полковник кавалерии?

Глокта почувствовал, как у него задрожало веко.

«Вряд ли можно сказать, что тот самый. Тем не менее удивительно, что меня так хорошо помнят».

– Я оставил службу несколько лет назад. Странно, что вы обо мне слышали.

– Солдат должен знать своих врагов, а наемный солдат никогда не знает, кем окажется его следующий враг. Так что имеет смысл примечать, кто есть кто в военных кругах. Какое-то время назад о вас упоминали как о человеке, которого стоит взять на заметку. Храбрый и умный, так говорили, но безрассудный. Это последнее, что я про вас слышал. И вот теперь вы здесь, передо мной, и занимаетесь совсем другим делом. Задаете вопросы.

– Безрассудность в конце концов сослужила мне плохую службу, – пожал плечами Глокта. – А человеку надо чем-то занять свое время.

– Несомненно. Я всегда говорю: не подвергай сомнению выбор другого человека, ты не знаешь его причин. Вы пришли сюда выпить, наставник? Боюсь, здесь не держат ничего, кроме этой мочи. – Коска взмахнул бутылкой. – Или у вас есть ко мне вопросы?

«Есть, и немало».

– Имеете ли вы опыт в осаде городов?

– Опыт? – поперхнулся Коска. – Опыт, говорите? Ха! Опыта у меня хватает...

– Точно. Не хватает дисциплины и верности, – бросила Витари через плечо.

– Ну да, – Коска хмуро глянул ей в спину, – смотря кого спрашивать. Однако я был при Этрине и при Мурисе. Серьезные были осады, что одна, что другая. И я сам командовал осадой Виссерина в течение нескольких месяцев. Я почти взял его, но эта демоница Меркатто застала меня врасплох. Налетела на нас со своей кавалерией перед самым рассветом, против солнца – мерзкие приемы у этой суки...

– Я слышала, ты тогда валялся пьяный, – перебила Витари.

– Э-э, ну да... Еще я шесть месяцев удерживал Борлетту против великого герцога Орсо...

Витари фыркнула:

– Пока он не заплатил тебе и ты не открыл ворота!

Коска скромно пожал плечами:

– Там была огромная куча денег. Но ему так и не удалось взять нас силой! Этого-то у меня не отнимешь, а, Шайло?

– Да с тобой не надо сражаться, если есть кошелек.

– Я такой, какой есть, я никогда не притворялся, – широко улыбнулся наемник.

– То есть были случаи, когда вы предавали своих нанимателей? – спросил Глокта.

Стириец замер, не донеся бутылку до рта.

– Я ужасно оскорблен, наставник. Никомо Коска, может быть, и наемник, но у него есть свои правила. Я могу повернуться спиной к нанимателю только в одном-единственном случае.

– В каком же?

Коска широко улыбнулся:

– Если кто-то другой предложит мне больше!

«Ох уж этот кодекс наемников! Некоторые люди ради денег готовы на все. Большинство сделают все, что угодно, если им достаточно заплатить. Возможно, даже заставят исчезнуть наставника инквизиции».

– Вы не знаете, что произошло с моим предшественником, наставником Давустом?

– А, загадка палача-невидимки! – Коска задумчиво поскреб потную щетину, поковырял струпья у себя на шее и внимательно исследовал то, что осталось в итоге под ногтями. – Кто знает и кому интересно это знать? Это был не человек, а сущая скотина. Я его почти не знал, но то, что я видел, мне не понравилось. У него имелось много врагов – если вы еще не заметили, тут настоящее змеиное гнездо. Если вы хотите знать, какая именно змея его укусила... что ж, это ваша работа. Сам я в тот момент находился здесь и занимался своим делом. То есть пил.

«В это нетрудно поверить».

– Что вы скажете о нашем общем друге, генерале Виссбруке?

Коска ссутулился и еще сильнее развалился на стуле.

– Он просто ребенок. Играет в солдатики. Пытается подлатать свою игрушечную крепость и игрушечную оградку, хотя важна только большая стена. Потеряешь ее, и игра проиграна, так бы я сказал.

– У меня сложилось в точности такое же мнение. – «Может быть, это все же не самые плохие руки, в каких может оказаться защита города». – На городской стене уже начаты работы, равно как и внизу, во рву. Я предполагаю его затопить.

Коска приподнял бровь.

– Затопить? Здорово! Гурки не особенно любят воду, они никудышные моряки. Затопить! Просто отлично. – Он запрокинул голову, высасывая из бутылки последние капли, затем швырнул ее на грязный пол, промокнул губы грязной рукой и вытер ладонь о грудь

своей пропотевшей грязной рубашки. – Ну, хоть кто-то знает, что делает. Может, когда гурки наконец нападут, мы продержимся больше нескольких дней?

«При условии, что нас не предадут раньше».

– Откуда нам знать, собираются ли гурки вообще нападать.

– О, я надеюсь, что собираются. – Коска сунул руку под стул и достал оттуда новую бутылку. Его глаза заблестели, он вытащил зубами пробку и сплюнул ее через всю комнату. – Мне должны удвоить плату, когда начнется драка.

Был вечер, и в зале для аудиенций веял милосердный ветерок. Глокта прислонился к стене у окна и наблюдал, как на город внизу наползают тени.

Лорд-губернатор заставлял себя ждать.

«Хочет показать мне, что он здесь по-прежнему главный, что бы там ни говорил закрытый совет».

Но Глокта был совсем не против того, чтобы немного побыть в одиночестве и покое. У него был трудный день. Пришлось таскаться из конца в конец города по палящей жаре, осматривать стены, ворота, войска... Задавать вопросы.

«Вопросы, на которые ни у кого нет удовлетворительных ответов».

В ноге пульсировала боль, ныла спина, горела ладонь, натертая рукояткой трости.

«Но все не хуже, чем обычно. Я еще могу стоять на ногах. В конечном счете, неплохой день».

Сияющее солнце пряталось за полосами оранжевых облаков. Под ним в последнем свете дня блестел серебром длинный клин моря. Городская стена уже накрыла густой тенью половину ветхих домишек Нижнего города, а тени стройных шпилей великого храма вытянулись поперек крыш Верхнего города и понемногу ползли вверх по скалистым склонам к Цитадели. Холмы на материке превратились в смутные темные контуры.

«И там полно гуркских солдат. Несомненно, они наблюдают за нами, как мы наблюдаем за ними. И видят, что мы копаем ров, латаем стены, укрепляем ворота. Интересно, долго ли они будут довольствоваться наблюдением? Сколько пройдет времени, прежде чем и для нас зайдет солнце?»

Дверь открылась. Глокта повернул голову и сморщился: у него щелкнул сустав в шее. Вошел сын лорда-губернатора Корстен дан Вюрмс. Он закрыл за собой дверь и целеустремленно прошел вперед, шелкая металлическими подковками по мозаичному полу.

«О, цвет молодого дворянства Союза! В воздухе веет благородством и гордостью. Или это кто-то испортил воздух?»

– Наставник Глокта! Надеюсь, я не заставил вас ждать.

– Заставили, – отозвался Глокта, пробираясь к столу. – Так всегда и бывает, когда кто-то опаздывает.

Вюрмс слегка нахмурился.

– Тогда я приношу мои извинения, – проговорил он ничуть не извиняющимся тоном. – Что вы скажете о нашем городе?

– Жарко и слишком много лестниц. – Глокта тяжело опустился на один из изящных стульев. – Где лорд-губернатор?

Лицо юноши еще более помрачнело.

– Боюсь, мой отец не очень хорошо себя чувствует и не сможет присутствовать. Вы должны понять, он старый человек, ему нужен отдых. Я буду говорить от его имени.

– Вот как? И что же вы двое имеете мне сказать?

– Мой отец очень обеспокоен теми работами, которые вы начали на городских укреплениях. Мне сказали, что королевских солдат поставили рыть канавы на полуострове, вместо

того чтобы защищать стены Верхнего города. Вы понимаете, что оставляете нас на милость туземцев?

Глокта фыркнул.

– Туземцы – граждане Союза, хоть и не по своей воле. Поверьте мне, они милосерднее, чем гурки.

«Каково милосердие гурков, я знаю из первых рук».

– Они дикари, – презрительно бросил Вюрмс, – к тому же опасные! Вы здесь человек новый и не понимаете, какую угрозу они для нас представляют! Вам следует поговорить с Харкером. У него верные представления обо всем, что касается туземцев.

– Я говорил с Харкером, и мне не понравились его представления. Думаю, ему поневоле придется пересмотреть их, пока он там внизу, в темноте. – «Думаю, он пересматривает их уже сейчас и с той быстротой, на какую только способен его мозг величиной с горошину». – Что же до вашего отца с его тревогами, ему больше нет нужды обременять себя заботой о защите города. Поскольку он стар и нуждается в отдыхе, я не сомневаюсь, что он будет счастлив передать эти обязанности мне.

Красивое лицо Вюрмса исказила гневная гримаса. Он открыл рот, чтобы выругаться, но благоразумно передумал и вовремя промолчал.

«Как ему и положено».

Молодой человек откинулся на спинку стула, задумчиво потирая пальцы. Потом он заговорил с дружелюбной улыбкой и чарующей мягкостью.

«Ага, теперь мы переходим к уговорам».

– Наставник Глокта, мне кажется, мы с вами немного сбились с правильного пути...

– Неудивительно, принимая во внимание мою хромую ногу.

Улыбка Вюрмса несколько поблекла, однако он упрямо продолжал:

– Совершенно очевидно, что в настоящее время все козыри в ваших руках, но у моего отца много друзей там, в Срединных землях. Я могу стать для вас значительным препятствием, если мне это понадобится. Значительным препятствием или большой подмогой...

– Очень рад, что вы выбрали сотрудничество. Вы можете начать с рассказа о том, что случилось с наставником Давустом.

Улыбка окончательно погасла.

– Откуда мне знать?

– Каждый что-нибудь да знает.

«И кто-то знает больше, чем остальные. Не ты ли этот кто-то, Вюрмс?»

Сын лорда-губернатора задумался.

«Что это, тупость или чувство вины? О чем он думает – как мне помочь или как замести следы?»

– Я знаю, что туземцы его ненавидели. Они постоянно устраивали заговоры, и Давуст был неутомим в преследовании изменников. У меня нет сомнений, что он пал жертвой одной из таких интриг. На вашем месте я бы задавал вопросы в Нижнем городе.

– О, я совершенно уверен, что все ответы здесь, в Цитадели.

– Только не у меня, – отрезал Вюрмс, меряя Глоку взглядом. – Поверьте мне, я был бы счастлив, если бы Давуст по-прежнему находился с нами.

«Может быть, так, а может быть, и нет. Но сегодня мы никаких ответов не получим».

– Очень хорошо. Тогда расскажите мне о городских запасах.

– О запасах?

– О запасах еды, Корстен, еды. Насколько я понимаю, с тех пор как гурки блокировали наземные пути, все приходится доставлять по морю. Несомненно, вопрос пропитания должен оставаться одной из самых главных забот губернатора.

– Мой отец заботится о нуждах своего народа при любых обстоятельствах! – отрезал Вюрмс. – Наших запасов провизии хватит на шесть месяцев.

– На шесть месяцев? Для всех жителей?

– Разумеется.

«Я ожидал худшего. Что же, уже неплохо, одной проблемой меньше. А проблем здесь море».

– Если не считать туземцев, – прибавил Вюрмс так, словно это не имело никакого значения.

Глокта выдержал паузу.

– И что же они будут есть, если гурки осадят город?

Вюрмс пожал плечами.

– Я никогда не думал об этом.

– Вот как? А что будет, по-вашему, когда они начнут умирать от голода?

– Э-э...

– Хаос! Вот что будет! Мы не сможем удержать город, если четыре пятых населения против нас! – Глокта с отвращением пососал свои беззубые десны. – Вы сейчас же пойдете к купцам и обеспечите мне запас провизии на шесть месяцев. Для всех! Я хочу иметь запас еды даже для крыс в сточных канавах!

– Да кто я вам, мальчик на побегушках? – вспыхнул Вюрмс.

– Вы тот, кем я прикажу вам быть.

На лице Вюрмса уже не оставалось и следа бывшего дружелюбия.

– Я сын лорда-губернатора! Я не позволю обращаться ко мне в таком тоне!

Ножки его стула яростно взвизгнули. Он вскочил и направился к двери.

– Прекрасно, – промурлыкал Глокта. – В Адуя ежедневно ходит корабль. Быстрый корабль, и его груз идет напрямик в Допросный дом. Там к вам станут обращаться совсем в другом тоне, поверьте. Мне не составит труда найти для вас место на борту.

Вюрмс остановился как вкопанный.

– Вы не посмеете!

Глокта улыбнулся. Своей самой отвратительной, глумливой, беззубой улыбкой.

– Нужно быть большим храбрецом, чтобы ставить свою жизнь на то, посмею я или нет. Вы храбрец?

Юноша облизнул губы, но недолго выдерживал взгляд Глокты.

«Я так и думал, что нет. Он напоминает мне моего друга капитана Луфара. Много блеска и высокомерия, но ни намека на внутренний стержень, на котором они могли бы держаться. Только кольни булавкой, и сдуются, как проколотый винный мех».

– Провизию на шесть месяцев. На шесть месяцев для всех жителей. И проследите, чтобы все было сделано немедленно.

«Мальчик на побегушках».

– Да, конечно, – буркнул Вюрмс, по-прежнему угрюмо глядя в пол.

– А потом начнем разбираться с водой. Колодцы, резервуары, насосы. Людям ведь понадобится запить плоды ваших тяжких трудов, верно? Вы будете отчитываться передо мной каждое утро.

Вюрмс сжимал и разжимал опущенные кулаки, желваки на его щеках перекачивались от ярости.

– Конечно, – с трудом выговорил он.

– Конечно. Вы можете идти.

Глокта смотрел ему вслед.

«А ведь пока что я поговорил лишь с двумя из четверых. И уже нажил себе двоих врагов. Мне понадобятся союзники, если я хочу добиться успеха. Без союзников я долго не

протяну, никакие указы не помогут. Без союзников я не смогу удержать гурков по ту сторону стены, если они решатся на штурм. Что еще хуже, я до сих пор ничего не знаю о Давусте. Наставник инквизиции растворился в воздухе! Одна надежда на то, что архилектор проявит терпение... Надежда. Архилектор. Терпение. – Глокта нахмурился. – Трудно найти другие три слова, которые так не сочетаются друг с другом».

Это и есть доверие

Колесо повозки медленно повернулось и скрипнуло. Снова повернулось и снова скрипнуло. Ферро мрачно посмотрела на него. Чертово колесо! Чертова повозка!

Затем она перенесла свое недовольство с повозки на возчика.

Чертов ученик. Она не доверяла ему ни на мизинец. Его взгляд метнулся к ней, задержался на одно оскорбительное мгновение и снова ушел в сторону. Как будто он знал про Ферро что-то такое, чего не знала она сама. Это привело ее в ярость. Она отвела взгляд от ученика и уставилась на первого из всадников.

Чертов юнец из Союза. Сидит в седле прямо, как король на троне, словно родиться смазливый – великое достижение, которым можно бесконечно гордиться! Красивый, чистый и капризный, как принцесса. Ферро угрюмо усмехнулась. Принцесса Союза – вот кто он такой. Она ненавидела красивых людей даже больше, чем безобразных. Красоте нельзя доверять.

Зато трудно представить, есть ли на земле человек более безобразный, чем здоровенный девятипалый ублюдок. Этот сидел в седле, как большой мешок с рисом. Он двигался медленно, все время почесывался, нюхал воздух и что-то жевал, будто корова. Пытался выглядеть так, будто у него внутри нет ни жажды убийства, ни безумной ярости, ни демонов. Но она-то все знала. Он кивнул ей, и она сердито насупилась в ответ. Ее не одурачишь – это демон под коровьей шкурой.

Впрочем, даже он лучше, чем проклятый навигатор, который вечно болтал, улыбался или смеялся. Ферро ненавидела болтовню, еще сильнее ненавидела улыбки, и тем более ненавидела смех. Глупый человечиска со своими глупыми баснями. Под прикрытием этой чепухи он строил какие-то планы и внимательно за всем наблюдал, она чувствовала.

Что касается первого из магов, ему Ферро доверяла еще меньше, чем остальным.

Она смотрела, как его взгляд скользит по повозке и останавливается на мешке, куда он положил свой ящик. Квадратный, серый, громоздкий, тяжелый ящик. Он думает, что никто не видел, но она-то видела. Он переполнен тайнами, этот лысый старый пердун с толстой шеей и деревянным посохом. Ведет себя так, будто всю жизнь делает только хорошее. Будто понятия не имеет, как можно заставить человека разлететься на куски.

– Гребаные розовые, – прошептала она.

Наклонившись с седла, она сплюнула на дорогу и яростно воззрилась на пять спин, покачивающихся впереди. Почему она позволила Юлвею уговорить себя, зачем ввязалась в это безумие? Путешествие в жуткую даль, на холодный запад, где у нее нет никаких дел. Ее место там, на Юге, ей следовало бы сейчас сражаться с гурками.

Чтобы заставить их заплатить за то, что они ей задолжали.

Безмолвно проклиная Юлвея, Ферро вслед за остальными подъехала к мосту. Сооружение выглядело древним: выщербленные, покрытые пятнами лишайника камни, глубокие колеи, образовавшиеся в тех местах, где катились колеса повозок. Катились тысячи лет, туда и обратно. Под одиночным пролетом арки бурлил поток – обжигающе-холодная струя стремительной воды. Возле моста стояла приземистая хижина, за долгие годы осевшая и вросшая в почву. Резкий ветер срывал с ее трубы клочья дыма, унося их куда-то вдаль.

Перед хижинкой стоял одинокий солдат. Должно быть, ему не повезло, выпал жребий караулить. Он прижимался к стене, кутаясь в плотный плащ, конский хвост на его шлеме мотался взад-вперед под порывами ветра, копьё стояло рядом. Байяз приблизился к мосту, натянул поводья своего коня и кивнул в сторону равнины:

– Мы едем туда, дальше. Хотим добраться до Дармиума.

– Я бы не советовал. В тех краях опасно.

Байяз улыбнулся.

– Опасно – значит прибыльно.

– Никакая прибыль не остановит стрелу, друг. – Солдат оглядел их одного за другим и шмыгнул носом. – А у вас пестрая компания!

– Я набираю хороших бойцов везде, где их нахожу.

– Вижу. – Он глянул на Ферро, и она ответила мрачным взглядом. – Слушай, я не сомневаюсь, что все они серьезные ребята, но вот что я тебе скажу: на равнинах нынче очень опасно, даже больше, чем раньше. Торговцы туда по-прежнему ездят, но ни один пока не вернулся. Похоже, спятивший Кабриан высылает в поле разъезды в надежде чем-нибудь поживиться. Да и Скарио с Голтусом немногим лучше. Здесь, на этом берегу реки, мы еще соблюдаем какие-то законы, но на той стороне вы окажетесь сами по себе. Если вас поймают там, на равнине, помощи не будет. – Солдат снова шмыгнул носом. – Ни от кого.

Байяз угрюмо кивнул.

– Мы ее и не просим.

Он пришпорил свою лошадь, и та затрусила через мост, к дороге на том берегу. Остальные последовали за ним – впереди Длинноногий, затем Луфар, потом Логен. Малахус Ки натянул поводья, и повозка загрохотала по мосту. Ферро замыкала процессию.

– Помощи не будет! – крикнул солдат ей в спину, снова прижимаясь к облупленной стене хижины.

Великая равнина...

По всем признакам, это должно быть хорошее место для всадников, спокойное место. Ферро могла бы увидеть приближавшегося врага за много миль, но не видела никого. Лишь просторный ковер колышущейся на ветру высокой травы, что простирался во все стороны до далекого-далекого горизонта. Этот монотонный вид перебивала только дорога – полоса более короткой и сухой травы, в проплешинах голой черной земли, прорезавшая равнину прямо, как летит стрела.

Ферро не понравилось это бесконечное однообразие. Она хмурилась, вглядываясь вдаль. В Бесплодных землях Канты голая земля была полна приметных черточек – расколотые валуны, безводные долины, сухие деревья, отбрасывающие когтистые тени; залитые тенью отдаленные овраги; горные хребты, купающиеся в свете. В Бесплодных землях Канты небо над головой было пустым и ровным: сияющая чаша, в которой нет ничего, кроме ослепительного солнца днем и ярких звезд ночью.

Здесь же все выглядело странно перевернутым.

Земля была совершенно невыразительной, зато небо наполнилось движением, там царил хаос. Над равниной нависали громоздящиеся друг на друга облака, темнота и свет свивались вместе в колоссальные спирали. Эти спирали скользили над травянистой пустошью вместе с пронзительным ветром, беспрестанно двигались, поворачивались, разрывались на части и снова сливались воедино, отбрасывая грандиозные текучие тени на притаившуюся внизу землю и угрожая обрушиться на шестерых крошечных путешественников с их крошечной повозкой чудовищный потоп, в котором захлебнется мир. И все это нависало над сгорбленными плечами Ферро – гнев Божий, ставший явью.

Это была чужая страна, и в этой стране для нее не было места. Чтобы оказаться здесь, нужны причины. Веские причины.

– Эй, Байяз! – крикнула она, приближаясь к нему. – Куда мы едем?

– Хм, – проворчал он, из-под насупленных бровей оглядывая травяное море, эту бескрайнюю пустоту. – Мы едем на запад, через равнину, затем переправимся через великую реку Аос и двинемся к Изломанным горам.

– А потом?

Она заметила, что тонкие морщинки вокруг его глаз и поперек переносицы стали глубже, губы сжались плотнее. Байяз был раздражен. Ему не нравились эти вопросы.

– Потом поедem дальше.

– Сколько времени это займет?

– Всю зиму и часть весны, – резко ответил он. – А после этого нам надо будет возвращаться.

Маг пришпорил своего коня и рысью пустился вперед, к голове отряда.

Но от Ферро не так-то легко было отделаться. Во всяком случае, этому изворотливому старому розовому. Она тоже пришпорила лошадь и снова нагнала его.

– Что такое «Первый закон»?

Байяз быстро взглянул на нее.

– Что тебе об этом известно?

– Немного. Я слышала, как ты говорил с Юлвеем. Через дверь.

– Подслушивала?

– У вас громкие голоса, а у меня чуткие уши. – Ферро пожала плечами. – Я не собираюсь напирать себе на голову ведро ради того, чтобы ваши секреты никто не услышал. Что такое «Первый закон»?

Борозды на лбу Байяза стали глубже, рот скривился уголками вниз. Гнев.

– Это ограничение, которое Эус наложил на своих сыновей. Первое правило, установленное после хаоса древних времен. Оно гласит: запрещено напрямую касаться Другой стороны. Запрещено общаться с нижним миром, запрещено вызывать демонов, запрещено открывать врата в ад. Таков Первый закон, основной принцип магии.

– Угу, – промычала Ферро. Все это ничего для нее не значило. – Кто такой Кхалюль?

Густые брови Байяза сошлись на переносице, лицо потемнело, глаза сузились.

– Много ли еще у тебя вопросов, женщина?

Ее вопросы сердили старика. Хорошо. Значит, это были правильные вопросы.

– Узнаешь, когда я перестану их задавать. Так кто такой Кхалюль?

– Кхалюль был одним из ордена магов, – прорычал Байяз. – Из моего ордена. Второй из двенадцати учеников Иувина. Он всегда завидовал моему положению, всегда искал большей силы. Чтобы получить ее, Кхалюль нарушил Второй закон. Он ел человеческую плоть и убедил других делать то же. Он стал лжепророком и обманом заставил гурков служить себе. Вот кто такой Кхалюль. Твой враг, и мой тоже.

– Что такое «Семя»?

Лицо мага неожиданно дернулось. Ярость и, возможно, легкая тень страха. Затем его черты смягчились.

– Что оно такое? – Байяз улыбнулся, и его улыбка внушила Ферро больше беспокойства, чем его гнев. Он наклонился к ней так близко, чтобы никто другой не мог его слышать. – Это орудие твоего мщения. Нашего мщения. Но эта вещь опасна. Даже говорить о ней опасно: есть те, кто постоянно слушает. С твоей стороны было бы мудро сейчас закончить со своими вопросами, пока ответы не спалили нас всех дотла.

Он снова пришпорил коня и поскакал рысью один впереди всех.

Ферро осталась позади. На сегодня она узнала достаточно. Достаточно, чтобы доверять этому первому из магов еще меньше, чем прежде.

Яма в земле, не больше четырех шагов в длину. Провал грунта, окаймленный низкой стеной влажной темной земли, пронизанной сплетением травяных корней. Лучшее место для ночевки, которое они нашли, и им еще повезло.

Это была самая крупная неровность на плоской равнине, замеченная Ферро за весь день.

Костер, разложенный Длинноногим, уже разгорелся. Яркие языки пламени жадно лизали дерево, потрескивали и отбрасывали в стороны искры под случайными порывами ветра, залетавшего в яму. Пятеро розовых кучкой сидели вокруг костра, сторбившись и обхватив себя руками в поисках тепла; огонь освещал их заострившиеся лица.

Все молчали, кроме Длинноногого. Навигатор говорил, причем исключительно о своих великих достижениях: где он побывал, как досконально изучил тот или иной предмет, какими замечательными талантами обладает. Ферро тошнило от его болтовни, и она сказала ему об этом дважды. В первый раз она, как ей казалось, высказалась достаточно ясно. Во второй раз она убедилась, что до него дошло. Длинноногий больше не заговаривал с ней о своих дурацких странствиях, однако другие по-прежнему молча страдали.

Возле огня оставалось свободное место, но она не хотела туда садиться. Ей больше нравилось сидеть выше всех, в траве на краю ямы, скрестив ноги. Здесь, на ветру, было холодно, и Ферро поплотнее запахнула одеяло на своих дрожащих плечах. Странная и пугающая вещь этот холод. Она ненавидела его.

Однако лучше холод, чем общество.

Так она сидела отдельно от всех, замкнутая и молчаливая, глядя, как свет понемногу утекает с хмурого неба и на землю наползает темнота. Теперь на далеком горизонте оставалось лишь еле заметное сияние, последний слабый отсвет по краям клубящихся облаков.

Здоровенный розовый поднялся с места и посмотрел на нее.

– Темнеет, – сказал он.

– Угу.

– Вечно вот так бывает, когда заходит солнце?

– Угу.

Он поскреб свою толстую шею.

– Надо выставить сторожей. Ночью здесь может быть опасно. Будем дежурить по очереди. Первым пойду я, потом Луфар...

– Я покараулю, – буркнула она.

– Не беспокойся, пока можешь поспать. Я разбужу тебя позже.

– Я не сплю.

Он уставился на Ферро.

– Что, никогда?

– Изредка.

– Может быть, это объясняет ее настроение, – пробормотал Длинноногий.

Он, несомненно, предполагал, что говорит тихо, однако Ферро его слышала.

– Мое настроение тебя не касается, глупец!

Навигатор ничего не ответил, завернулся в одеяло и растянулся возле костра.

– Ты хочешь идти первой? – спросил Девятипалый. – Ладно, как знаешь, только разбуди меня через пару часов. Будем дежурить по очереди.

Медленно, беззвучно, сморщившись от старания не шуметь, Ферро выбралась из повозки. Сушеное мясо. Сухари. Фляга с водой. Хватит на много дней ходьбы. Она засунула все это в холщовый мешок.

Один из коней фыркнул и рванулся в сторону, когда Ферро скользнула мимо, и она наградила животное сердитым взглядом. Она могла бы поехать верхом. Она неплохо держалась в седле, но не хотела связываться с лошадьми. Глупые здоровенные зверюги, к тому же они воняют. Конечно, скачут они быстро, но им нужно слишком много пищи и воды. Их можно увидеть и услышать за много миль, они оставляют после себя громадные следы, которые легко заметить. Стоит связаться с лошадей, и ты не сможешь бежать, когда это понадобится.

Ферро давно научилась не полагаться ни на кого и ни на что, кроме самой себя.

Она повесила мешок на одно плечо, колчан со стрелами и лук – на другое. В последний раз бросила взгляд на силуэты спящих спутников мага: темные холмики рядом с костром. Луфар закутался в одеяло до самого подбородка, его гладкое лицо с полными губами освещали тлеющие угли. Байяз расположился спиной к Ферро, но она различала тусклый отблеск его лысины, темную изнанку одного уха, слышала размеренный ритм дыхания. Одеяло Длинноногого было натянуто на голову, но его босые ступни торчали из-под противоположного края, тощие и костистые; жилы выступали под кожей, словно древесные корни из грязи. Глаза Ки были слегка приоткрыты, влажно поблескивал краешек глазного яблока. Могло показаться, что он наблюдает за ней, но его грудь медленно поднималась и опускалась, а губы были расслаблены – без сомнения, он крепко спал и видел сны.

Ферро нахмурилась. Только четверо? А где же розовый здоровяк? Его одеяло лежало по ту сторону от костра – темные и светлые складки, но человека под ними не было.

Потом она услышала его голос:

– Уже уходишь?

Сзади. Поразительно, как это ему удалось – прокрасться за ее спиной, пока она воровала пищу. Он казался слишком большим, слишком медлительным, слишком шумным, чтобы вообще уметь подкрадываться. Она вполголоса выругалась. Ей следовало бы помнить, что видимость обманчива.

Она медленно повернулась лицом к розовому и сделала шаг по направлению к лошадям. Он шагнул следом за ней, выдерживая дистанцию. Ферро видела отсвет тлеющих углей, отраженный в его глазах, линию щеки, изрытой шрамами и заросшей щетиной, неясный контур кривого носа, несколько прядок сальных волос, колыхавшихся на ветру над его головой, чуть более темных, чем темный ландшафт позади.

– Я не хочу с тобой драться, розовый. Я знаю, как ты дерешься.

Она видела, как он убил пятерых за несколько секунд, и даже у нее это вызвало удивление. Его смех, эхом отражавшийся от стен, его искаженное, безумное, жадное лицо, перепачканное кровью и слюной, растерзанные трупы, валявшиеся на каменном полу, словно ветошь, – все это четко запечатлелось в ее памяти. Она не испугалась, конечно, поскольку Ферро Малджин не знала, что такое страх.

Но она понимала, когда следует быть осторожной.

– У меня тоже нет желания драться с тобой, – ответил розовый. – Но если утром Байяз обнаружит, что тебя нет, он пошлет меня вдогонку. А я видел, как ты бегаешь, и уж лучше я буду с тобой драться, чем гоняться. Так у меня останется хоть какой-то шанс.

Он был сильнее, и она это знала. Его раны почти зажили, двигался он свободно. Теперь она жалела, что помогла ему выздороветь. Помогать людям – всегда ошибка. Драться с ним очень опасно. Она, конечно, покрепче других, но ей совсем не хотелось, чтобы ее лицо превратили в кровавую кашу, как случилось с тем великаном Камнедробителем. Или проткнули мечом, или раздробили ей колени, или оторвали голову.

Нет, все это ее нисколько не привлекало.

Однако пустить в него стрелу Ферро не могла – верзила стоял слишком близко. А если она побежит, то он поднимет остальных, а у них есть лошади. Шум драки тоже наверняка всех разбудит, но если сразу верно направить удар, может быть, она сумеет выбраться отсюда в общей неразберихе. В таком плане много изъянов, но разве у нее был выбор? Ферро медленно скинула мешок с плеча и опустила его на землю, затем освободилась от лука с колчаном. Ее ладонь легла на рукоять меча, и северянин сделал то же самое.

– Ну ладно, розовый. За дело.

– Возможно, есть другой выход.

Она с подозрением взглянула на него, готовая к какому-нибудь подвоху.

– Какой еще выход?

– Останься с нами. Подожди несколько дней. Если не передумаешь – ладно, я сам помогу тебе собрать вещи. Ты можешь мне доверять.

Доверие – слово для глупцов. Люди используют его, когда собираются тебя предать. Если бы розовый двинулся вперед хоть на полпальца, Ферро выхватила бы меч и снесла ему голову. Она была наготове.

Однако он не двинулся ни вперед, ни назад. Он стоял неподвижно – огромный безмолвный силуэт в темноте. Она нахмурилась; ее пальцы все еще сжимали рукоять изогнутого меча.

– Почему я должна тебе доверять?

Верзила пожал мощными плечами.

– Почему бы нет? Там, в городе, я помогал тебе, а ты помогала мне. Друг без друга мы, наверное, оба уже были бы покойниками.

Пожалуй, это правда: он действительно помог ей. Не так сильно, как она ему, но все же.

– Наступает такое время, когда надо за что-то держаться, понимаешь? Это и есть доверие: рано или поздно приходится на кого-то положиться, без особых причин.

– Почему?

– Иначе все кончается так, как у нас с тобой, а кому это нужно?

– Хм.

– Давай заключим сделку: ты прикрываешь мою спину, я – твою. Я держусь тебя. – Он ткнул себя большим пальцем в грудь, а потом показал на нее. – Ты держись меня. Что скажешь?

Ферро задумалась. Бегство всегда давало ей свободу, и больше ничего. Она прошла через годы страданий, добралась до самого края пустыни, и враги постоянно шли по пятам. Когда она убежала от Юлвея, ее чуть не поймали едоки. А куда бежать сейчас? Сможет ли она пересечь море, чтобы попасть в Канту? Возможно, розовый верзила был прав. Возможно, пора остановиться.

Хотя бы до тех пор, пока не представится случай сбежать незаметно.

Она убрала ладонь с рукояти меча и медленно сложила руки на груди, и он сделал то же самое. Они долго стояли так, глядя друг на друга в темноте, и молчали.

– Ну ладно, розовый, – проворчала она. – Я буду держаться тебя, как ты говоришь, и мы посмотрим, что будет. Но я, черт возьми, не даю никаких обещаний, ты меня понял?

– Я и не просил обещаний. Моя очередь сторожить. Иди отдохни.

– Мне не нужен отдых, я уже сказала!

– Дело твое. Я все равно буду сидеть здесь.

– Отлично.

Верзила осторожно опустился на землю, и она последовала его примеру. Они сели, скрестив ноги, там же, где стояли, лицом друг к другу. Угли костра тлели поодаль, слабо освещали четверых спящих, бросали отсвет на бугристое лицо розового и оведали тихим теплом лицо Ферро.

Они наблюдали друг за другом.

Союзники

«Архилектору Сульту, главе инквизиции его величества.

Ваше преосвященство!

Работа над оборонительными сооружениями города идет полным ходом. Знаменитая городская стена, какой бы она ни была мощной, находится в плачевном состоянии, и я предпринял решительные шаги для ее укрепления. Я также распорядился о доставке дополнительных припасов, провизии, оружия и доспехов, которые понадобятся, если городу придется выдержать сколько-нибудь продолжительную осаду.

К несчастью, оборонительные укрепления весьма протяженны, и перед нами стоит задача огромного масштаба. Я начал работу в кредит, однако кредита хватит ненадолго. Смирнейше прошу ваше преосвященство выслать мне средства, необходимые для работы. Без денег наши усилия неизбежно истощатся, и город будет потерян.

Войска Союза здесь малочисленны, их боевой дух невысок. В городе есть еще наемники, и я распорядился мобилизовать их, но лояльность наемных солдат сомнительна, в особенности если мы не сможем им платить. Поэтому я прошу, чтобы сюда откомандировали еще королевских солдат. Даже одна рота могла бы многое изменить.

Вскоре ждите новых вестей. До тех пор – служу и повинуюсь.

*Занд дан Глокта,
наставник Дагоски».*

– Вот это место, – сказал Глокта.

– Уф, – отозвался Иней.

Это было примитивное одноэтажное здание, кое-как сложенное из глиняных кирпичей, не просторнее большого дровяного сарая. Из щелей вокруг плохо пригнанных двери и ставней на единственном окне в ночную тьму вырывались узкие полосы света. Здание ничем не отличалось от других лачуг на улице – если это можно было назвать улицей. По виду никто бы не догадался, что здесь находится резиденция одного из членов правящего совета Дагоски.

«Но ведь Кадия вообще странный человек. Предводитель туземцев. Жрец без храма. Возможно, он тот, кому нечего терять?»

Дверь отворилась прежде, чем Глокта успел постучать. Кадия стоял на пороге, высокий и стройный в своем белом одеянии.

– Что же вы не входите?

Хаддиш повернулся, шагнул к единственному стулу и сел.

– Жди здесь, – приказал Глокта практику.

– Уф.

Внутри дом оказался не более роскошным, чем снаружи.

«Чистота, порядок и адская нищета».

Потолок был настолько низким, что Глокта едва мог выпрямиться, вместо пола голая твердая земля. В углу единственной комнаты на пустых ящиках лежал соломенный матрас, рядом стоял небольшой стул. Под окном – приземистый шкафчик, на нем небольшая стопка книг и догорающая свеча. Не считая мятого ведра для отправления естественных надобностей, этим, по-видимому, и ограничивалось все земное имущество Кадии.

«Непохоже, что тут прячут трупы наставников инквизиции, однако никогда ничего не знаешь наверняка. С телом можно разделаться очень аккуратно, если порезать его на мелкие кусочки...»

– Вы могли бы переехать куда-нибудь из трущоб.

Глокта закрыл за собой дверь на скрипучих петлях, дохромал до кровати и тяжело опустился на матрас.

– Туземцам запрещено жить в Верхнем городе, или вы еще не слышали?

– Ну, я уверен, что в вашем случае можно было бы сделать исключение. Вы могли занять покои в Цитадели. Тогда мне не пришлось бы ковылять в такую даль, чтобы поговорить с вами.

– Покои в Цитадели? Когда мои собраты гниют здесь среди отбросов? Самое малое, что может сделать вождь для своего народа, это разделить его тяготы! Кроме этого, мне почти нечем их утешить.

В Нижнем городе стояла удушающая жара, но Кадия, казалось, не чувствовал никаких неудобств. Его взгляд был спокоен, глаза глядели прямо на Глокту, темные и прохладные, как глубокая вода.

– Вы меня осуждаете? – спросил он.

Глокта потер ноющую шею.

– Ни в малейшей степени. Мученичество вам к лицу. Надеюсь, вы простите меня, если я не стану к вам присоединяться. – Он облизнул беззубые десны. – Свои жертвы я уже принес.

– Возможно, еще не все. Задавайте ваши вопросы.

«Итак, переходим прямо к делу. Нечего скрывать? Или нечего терять?»

– Вы знаете, что произошло с моим предшественником, наставником Давустом?

– Я от всей души надеюсь, что он умер в великих мучениях.

Брови Глокта поползли вверх.

«Вот уж чего не ожидал услышать, так это честного ответа. Возможно, это первый честный ответ на мой вопрос. Однако не совсем тот, который избавляет от подозрений».

– В великих мучениях, говорите?

– В самых страшных мучениях. И я не заплачу, если вы присоединитесь к нему.

Глокта улыбнулся.

– Не могу вспомнить никого, кто заплачет. Но мы сейчас говорим о Давусте. Причастны ли ваши люди к его исчезновению?

– Возможно. Давуст дал нам достаточно поводов. Многие семьи потеряли мужей, отцов, дочерей из-за его чисток, его проверок на лояльность, его желания преподать нам урок. Мои люди – их здесь тысячи, я не могу уследить за всеми. Но могу сказать одно: я ничего не знаю о том, как он исчез. Когда гибнет один демон, на его место всегда присылают другого, и вот вы здесь. Мой народ ничего не выиграл.

– Не считая молчания Давуста. Возможно, он обнаружил, что вы заключили сделку с гурками. Возможно, присоединение к Союзу оказалось не совсем тем, на что надеялся ваш народ.

Кадия фыркнул.

– Вы ничего не понимаете. Ни один дагосканец не пойдет на сделку с гурками.

– На взгляд постороннего, между вами есть много общего.

– На взгляд невежественного постороннего – может быть. И у нас, и у них темная кожа. И мы, и они молимся Богу. На этом сходство заканчивается. Мы, дагосканцы, никогда не были воинственным народом. Мы оставались здесь, на своем полуострове, под защитой своих укреплений, в то время как Гуркская империя распространялась, как раковая опухоль, по всему Кантийскому континенту. Мы считали, что их завоевания нас не касаются, и

это было глупо. К нашим воротам явились послы от императора с требованием преклонить колени и признать, что пророк Кхалюль говорит от имени Господа. Мы отвергли и то и другое, и Кхалюль поклялся нас уничтожить. Теперь он в этом преуспеет. И весь Юг станет его владением.

«И архилектора это совершенно не обрадует».

– Как знать? Может быть, Бог придет к вам на помощь.

– Бог милостив к тем, кто сам решает свои проблемы.

– Возможно, мы с вами сумели бы разрешить некоторые из них.

– Я нисколько не заинтересован в том, чтобы вам помогать.

– Даже если вы при этом поможете сами себе? Я собираюсь выпустить указ. Ворота Верхнего города будут открыты, вашим людям будет позволено свободно ходить где угодно в своем собственном городе. Торговцы пряностями освободят Великий храм, и он снова станет вашей святыней. Дагосканцам разрешат носить оружие. Собственно, мы сами предоставим вам оружие из наших арсеналов. С туземцами станут обращаться как с полноправными гражданами Союза, они вполне этого заслуживают.

– Ага. Вот как. – Кадия сомкнул ладони и откинулся на спинку своего скрипучего стула. – Теперь, когда гурки стучатся в ворота, вы приходите в Дагоску, размахивая своим жалким свитком, словно это Божье писание, и начинаете творить добро. Вы не такой, как все остальные. Вы хороший, честный, справедливый человек. И вы думаете, я в это поверю?

– Хотите откровенно? Мне глубоко наплевать, во что вы там поверите, а тем более наплевать на какое-то добро – все это зависит от точки зрения. А что касается «хорошего человека», – Глокта скривил губы, – этот корабль уплыл давным-давно, и меня даже не было на пристани, чтобы помахать ему вслед. Я заинтересован в том, чтобы отстоять Дагоску. В этом, и ни в чем другом.

– И вы считаете, что не сможете отстоять Дагоску без нашей помощи?

– Мы оба не дураки, Кадия. Не оскорбляйте меня, притворяясь таковым. Мы можем или пререкаться до тех пор, пока волна гурков не перехлестнет через городские стены, или сотрудничать. Как знать, а вдруг вместе нам удастся даже побить их? Ваши люди помогут нам выкопать ров, отремонтировать стены, обновить ворота. Вы предоставите тысячу человек для защиты города. Это для начала, потом понадобится больше.

– Я предоставляю? Вот как? А если с нашей помощью город выстоит? Выстоит ли вместе с ним и наша сделка?

«Если город выстоит, я уеду. Более чем вероятно, что после этого Вюрмс и компания снова возьмут власть в свои руки, и наша сделка рассыплется в пыль».

– Если город выстоит, даю вам слово, что я сделаю все возможное.

– Все возможное. То есть ничего.

«Ты уловил мою мысль».

– Мне необходима ваша помощь, и я предлагаю вам все, что в моих силах. Я предложил бы больше, но больше у меня ничего нет. Можете сидеть и злиться здесь, в трущобах, вместе с мухами, пока в город не заявится император. Возможно, великий Уфман-уль-Дошт предложит вам лучшую сделку. – Глокта посмотрел Кадии прямо в глаза. – Но мы оба знаем, что этого не будет.

Жрец поджал губы, погладил бороду, потом глубоко вздохнул.

– Есть пословица: заблудившийся в пустыне берет воду у того, кто ее предложит. Я согласен на ваши условия. Как только освободят храм, мы начнем копать ваши канавы, таскать ваши камни и носить ваши мечи. Кое-что лучше, чем ничего; к тому же, как вы сказали, вместе у нас есть шанс победить гурков. Чудеса порой случаются.

– Так говорят, – подтвердил Глокта, опираясь на трость и с усилием поднимаясь на ноги. Его рубашка промокла от пота и липла к спине. – Я слышал об этом.

«Но ни разу не видел».

Глокта бессильно вытянулся на подушках, запрокинул голову, приоткрыл рот, давая отдых ноющему телу.

«В этих самых покоях раньше обитал мой прославленный предшественник, наставник Давуст».

Комнаты были просторные и хорошо обставленные. Возможно, когда-то они принадлежали какому-то дагосканскому принцу, или коварному визирю, или смуглой наложнице – до того, как туземцев вышвырнули в пыль и грязь Нижнего города.

«Куда лучше моей жалкой тесной норы в Агрионте, не считая того, что отсюда бесследно исчезают наставники инквизиции».

Окна с одной стороны выходили на север, к морю, на самый крутой склон горы, а с другой – на пышущий зноем город. Все окна закрывались массивными ставнями. Снаружи была голая скала, отвесно уходящая вниз к острым камням и бурлящей соленой воде. Дверь толщиной в шесть пальцев была проклепана железом, снабжена тяжелым замком и четырьмя мощными засовами.

«Давуст принял меры предосторожности, и, похоже, не без причин. Как же убийцы сумели проникнуть внутрь? И куда они потом спрятали тело?»

Его рот искривился в усмешке.

«А куда они спрячут мое, когда явятся за мной? Врагов у меня становится все больше: высокомерный Вюрмс, педантичный Виссбрук; купцы, из-за меня теряющие прибыль; практики, служившие Харкеру и Давусту; туземцы, имеющие достаточно причин ненавидеть любого, кто носит черное; мои старые противники – гурки, разумеется. И все это при условии, что его преосвященство не занервничает из-за отсутствия результатов и не решит замечить меня кем-либо другим. Пошлют ли сюда кого-нибудь искать мой изувеченный труп, хотел бы я знать?»

– Наставник...

Чтобы открыть глаза и приподнять голову, потребовалось огромное болезненное усилие. После напряжения последних нескольких дней болело все тело. Шея при каждом движении щелкала, словно ломающийся сучок, спина окостенела и стала хрупкой как стекло, нога то мучительно болела, то немела и дрожала.

В дверях, склонив голову, стояла Шикель. Царапины и синяки на ее смуглом лице уже зажили, и от тяжких испытаний, перенесенных ею в подземельях Цитадели, не осталось и следа. Однако она никогда не смотрела в глаза Глокте – только в пол.

«Некоторые раны заживают долго или не заживают никогда. Уж я-то знаю».

– В чем дело, Шикель?

– Магистр Эйдер прислала вам приглашение пообедать с ней.

– Вот как, неужели?

Девушка кивнула.

– Ответь, что я с почтением принимаю ее приглашение.

Глокта посмотрел, как служанка выходит из комнаты, мягко ступая босыми ногами и наклонив голову, затем снова обмяк на подушках.

«Даже если завтра я исчезну – что ж, я спас хотя бы одного человека. Возможно, моя жизнь была не только пустой тратой времени. Занд дан Глокта, щит беспомощных. Может ли быть слишком поздно для того, чтобы стать... хорошим человеком?»

– Прошу вас! – визжал Харкер. – Пожалуйста! Я ничего не знаю!

Он был крепко привязан к стулу и не мог двигаться.

«Зато его глаза открыты».

Взгляд инквизитора метался взад-вперед по инструментам Глокты, поблескивавшим на изрезанной столешнице в ярком свете лампы.

«О да, ты лучше многих других понимаешь, как это работает. А ведь знание подчас спасает от страха. Но не здесь. Не сейчас».

– Я ничего не знаю! – выл Харкер.

– Это уж мне судить, что вы знаете, а чего не знаете. – Глокта вытер потное лицо. В комнате было жарко, как в кузнице, и тлеющие в жаровне угли усугубляли положение. – Если что-то пахнет ложью и по цвету похоже на ложь, разумно предположить, что это и есть ложь. Вы со мной не согласны?

– Прошу вас! Мы с вами на одной стороне!

«Так ли? Действительно ли это так?»

– Я говорил вам только правду!

– Возможно, но недостаточно.

– Пожалуйста! Мы же все здесь друзья!

– Друзья? По моему опыту, друг – это знакомый, который пока не успел тебя предать. К вам это относится, Харкер?

– Нет!

Глокта нахмурился.

– Так значит, вы наш враг?

– Что? Нет! Я просто... Я просто... Я хотел знать, что произошло! Вот и все! Я не хотел... пожалуйста!

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Я устал это слушать».

– Вы должны мне поверить!

– Я должен только одно: добиться ответа.

– Так задавайте ваши вопросы, наставник, умоляю вас! Дайте мне возможность подействовать вам!

«О, надо же, твердая рука больше не кажется нам самым действенным средством?»

– Задавайте ваши вопросы, и я сделаю все, что могу, чтобы ответить на них!

– Хорошо. – Глокта взгромоздился на край стола, вплотную к крепко связанному узнику, и посмотрел на него сверху. – Превосходно.

Лицо и руки Харкера покрывал густой загар, но все остальное тело было бледным, как у слизняка, с островками густых черных волос.

«Не слишком соблазнительное зрелище. Но могло быть и хуже».

– Что ж, тогда скажите мне вот что: для чего мужчинам соски?

Харкер моргнул. Потом сглотнул. Поднял голову и посмотрел на Инея, но не дождался помощи: альбинос молчал и смотрел неподвижным взором. Его белую кожу над маской усеивали бисеринки пота, а взгляд розовых глаз был тверже алмаза.

– Я... боюсь, я не совсем вас понял, наставник.

– Ну разве это сложный вопрос? Соски, Харкер, соски у мужчин. Для какой цели они служат? Вы никогда не задумывались над этим?

– Я... я...

Глокта вздохнул.

– В сырую погоду они болят, потому что их натирает одежда. В жару они болят, потому что высыхают. Некоторые женщины по непостижимым для меня причинам любят играть с ними в постели, словно эти прикосновения могут принести нам что-то, кроме раздражения.

Глокта потянулся к столу – расширенные глаза Харкера следили за каждым его движением – и медленно скользнул пальцами по рукоятке щипцов. Он поднял инструмент и пригляделся внимательно разглядывать; остро заточенные края сверкали в ярком свете лампы.

– Соски, – бормотал он, – для мужчины только помеха. Знаете, что я вам скажу? Если не принимать в расчет отвратительные шрамы, я о своих нисколько не жалею.

Он ухватил сосок Харкера и резко потянул к себе.

– А-а! – закричал бывший инквизитор. Стул под ним заскрежетал от его отчаянных попыток вывернуться. – Нет!

– По-твоему, это больно? Тогда вряд ли тебе понравится следующий этап.

Глокта приложил разведенные челюсти щипцов к натянутой коже и надавил на рукоятки.

– А-а! А-а-а! Пожалуйста! Наставник, умоляю вас!

– Твои мольбы мне не нужны. Только ответы. Что случилось с Давустом?

– Клянусь собственной жизнью, не знаю!

– Неверный ответ.

Глокта сжал рукоятки сильнее, и металлические лезвия начали врезаться в кожу. Харкер издал отчаянный вопль.

– Стойте! Я взял деньги! Я сознаюсь! Я взял деньги!

– Деньги? – Глокта чуть ослабил давление, и капля крови, скатившаяся со щипцов, расплзлась по белой волосатой ноге Харкера. – Какие деньги?

– Деньги, которые Давуст отобрал у туземцев! После восстания! Он велел мне собрать всех тех, кого я считал состоятельными, а потом приказал повесить их вместе с остальными. Мы конфисковали все их имущество и поделили между собой! Наставник держал свою долю в сундуке у себя в покоях, и когда он исчез... я забрал ее!

– Где сейчас эти деньги?

– Их нет! Я их потратил! На женщин... на вино и... да на что угодно!

– Так-так... – Глокта зацокал языком.

«Алчность и заговор, несправедливость и предательство, ограбление и убийство. Все ингредиенты для истории, способной пощекотать людям нервы. Пикантно, но едва ли существенно».

Его пальцы налегли на рукоять щипцов.

– Однако меня интересует сам наставник, а не его деньги. Поверьте моему слову, я уже устал задавать один и тот же вопрос. Что случилось с Давустом?

– Я... я... я не знаю!

«Возможно, это правда. Но мне нужно другое».

– Неверный ответ.

Глокта сжал руку, и металлические челюсти легко прокусили плоть, сойдясь посередине с легким щелчком. Харкер взвыл и заметался, он ревел от боли. Пузырящаяся кровь лилась из красного квадрата на том месте, где раньше был его сосок, стекала темными струйками на бледное брюхо. Глокта сморщился от острой боли в шее и повернул голову набок. Он тянул шею, пока не услышал, как она щелкнула.

«Странно, что со временем даже самые ужасные чужие страдания могут прискучить».

– Практик Иней, инквизитор истекает кровью! Будь так любезен!

– Проффифе.

Послышался скрежет – Иней вытащил железный прут из жаровни. Железо ярко светилось. Глокта ощущал его жар даже с того места, где сидел.

«Ах, раскаленное железо. Оно ничего не скрывает, никогда не лжет».

– Нет! Нет! Я...

Вопли Харкера перешли в нечленораздельный визг, когда Иней погрузил прут в рану, и комнату медленно наполнил острый запах жареного мяса. От этого запаха в пустом желудке заурчало, и Глокта почувствовал отвращение.

«Когда в последний раз я пробовал хороший кусок мяса?»

Он вытер свободной рукой бисеринки пота, снова скопившиеся на лице, и подвигал под курткой ноющими плечами.

«Мерзкое занятие, но отчего-то мы это делаем... Зачем я делаю это?»

Единственным ответом ему был тихий шорох – это Иней аккуратно сунул прут обратно в уголья, и вверх взвилось облачко оранжевых искр. Харкер корчился и всхлипывал, его тело содрогалось, полные слез глаза выпучились, струйка дыма еще вилась над обугленной плотью на его груди.

«Поистине мерзкое занятие. Он, конечно, заслужил, но это ничего не меняет. Может быть, он понятия не имеет, что случилось с Давустом, но и это ничего не меняет. Вопросы должны быть заданы, и заданы именно так, как будто он знает ответы».

– Почему ты так упорно противишься мне, Харкер? Неужели ты решил, что, когда я закончу с твоими сосками, у меня закончатся идеи? Ты так думаешь? Думаешь, на этом я остановлюсь?

Харкер уставился на него, на его губах вздувались и лопались пузыри слюны. Глокта наклонился ближе.

– О нет. Нет, нет, нет. Это только начало! И это начало только началось! Время лежит перед нами в безжалостном избытке – дни, недели, целые месяцы, если понадобится. Неужели ты серьезно веришь, что сможешь так долго хранить свои тайны? Теперь ты принадлежишь мне. Мне и этой комнате. И это не кончится, пока я не узнаю то, что мне нужно знать. – Он ухватил второй сосок Харкера, зажав его между большим и указательным пальцами. Другой рукой взял щипцы и растворил их окровавленные челюсти. – Неужели это так трудно понять?

Обеденный зал магистра Эйдер представлял собой сказочное зрелище. Роскошные ткани – малиновые с серебром, пурпурные с золотом, зеленые, голубые и ярко-желтые – колыхались под легким ветерком, залетающим в узкие окна. Стены украшали панели из ажурного прорезного мрамора, по углам стояли огромные вазы высотой в человеческий рост. Горы девственно-чистых подушек лежали на полу, словно приглашали случайного гостя раскинуться на них и предаться порочным удовольствиям. В высоких стеклянных кувшинах горели разноцветные свечи, отбрасывавшие во все углы теплый свет и наполнявшие воздух благоуханием. В конце мраморного зала находился небольшой бассейн в форме звезды, где тихо струилась проточная вода. Во всем этом было нечто весьма театральное.

«Похоже на будуар королевы из кантийской легенды».

Магистр Эйдер, глава гильдии торговцев пряностями, являла собой главное украшение комнаты.

«Истинная королева торговцев».

Она сидела во главе стола в девственно-белом платье из мерцающего шелка с легчайшим, головокружительным намеком на прозрачность. На загорелой коже сияли драгоценности, которых хватило бы на небольшое состояние, волосы были подобраны вверх и закреплены гребнями слоновой кости, а несколько прядок художественно вились по сторонам лица. Казалось, что она готовилась к этому моменту весь день.

«И ни одно мгновение не было потрачено впустую».

Глокта, сгорбившийся на стуле напротив нее над тарелкой исходящего паром супа, чувствовал себя так, словно попал на страницы книги сказок.

«Или какого-то страшного романа. Действие происходит на экзотическом юге, магистр Эйдер в роли главной героини, а я – отвратительный, хромой, жестокосердный злодей... Чем кончится эта история, хотел бы я знать?»

– Итак, скажите мне, магистр, чему я обязан этой честью?

– Насколько я поняла, вы уже поговорили со всеми остальными членами совета. Я удивлена и даже слегка уязвлена тем, что вы до сих пор не нашли времени встретиться со мной.

– Прошу меня простить, если заставил вас чувствовать себя обойденной. Я всего лишь считал, что будет правильно оставить самую могущественную фигуру напоследок.

Она подняла голову с видом оскорбленной невинности.

«Идеально сыграно».

– Могущественную фигуру? Это вы обо мне? Вюрмс распоряжается финансами и выпускает указы, Виссбрук командует войсками и отвечает за укрепления. Кадия говорит от имени большей части горожан. Вряд ли я вообще «фигура» рядом с ними.

– Ну-ну, бросьте. – Глокта обнажил в улыбке беззубые десны. – Вы, несомненно, блистательны, но меня не так легко ослепить. Деньги Вюрмса – жалкие гроши по сравнению с прибылями торговцев пряностями. Народ Кадии доведен до почти беспомощного состояния. Благодаря вашему приятелю-пьянице Коске в вашем распоряжении есть силы, больше чем вдвое превосходящие войска Виссбрука. Союз заинтересован в здешней бесплодной земле по единственной причине: это торговля, которую контролирует ваша гильдия.

– Что ж, не люблю хвастаться, – магистр простодушно пожала плечами, – но я действительно имею в городе некоторое влияние. Как вижу, вы уже успели кое-что разузнать.

– Это мое основное занятие. – Глокта поднес ложку ко рту, очень стараясь не прихлебывать, чему мешал недостаток зубов. – Кстати, суп у вас просто восхитительный.

«И, будем надеяться, не отравленный».

– Я так и думала, что вы оцените. Как видите, я тоже задавала вопросы.

Вода плескалась и журчала в фонтане, ткани на стенах шелестели, серебряные приборы с тихим звоном касались тонкого фарфора.

«Я бы сказал, что первый раунд закончился вничью».

Карлота дан Эйдер первая прервала молчание.

– Разумеется, я понимаю, что вы приехали с заданием от самого архилектора и это задание величайшей важности. И я понимаю, что вы не из тех, кто привык ходить вокруг да около, но все же вам стоило бы действовать чуть более осторожно.

– Признаю, хожу я действительно неуклюже. Боевое ранение, да еще два года пыток... Чудо, что мне удалось сохранить ногу.

Она широко улыбнулась, открыв два ряда безупречных зубов.

– Я в восхищении, но мои коллеги, боюсь, иного мнения. И Вюрмс, и Виссбрук возымили к вам решительную неприязнь. «Зарвавшийся» – так, кажется, они говорили о вас. А другие слова я предпочту не повторять.

Глокта пожал плечами.

– Я приехал не для того, чтобы заводить друзей.

Он осушил бокал вина – как и ожидалось, превосходного.

– Но друзья бы вамгодились. В конце концов, один друг – это на одного врага меньше. Давуст предпочитал доставлять неприятности всем и каждому, и результаты не были для него благоприятны.

– Давуст не имел удовольствия пользоваться поддержкой закрытого совета.

– Верно. Однако никакие бумаги не остановят удара кинжала.

– Это угроза?

Карлота дан Эйдер рассмеялась. Это был непринужденный, легкий, дружелюбный смех. Невозможно поверить, что человек, который так смеется, может быть предателем или угрожать кому-то. Ведь она просто очаровательная идеальная хозяйка, принимающая гостей.

«Однако я все еще сомневаюсь».

– Это совет. Совет, рожденный горьким опытом. Я бы предпочла, чтобы вы пока никуда не исчезали.

– В самом деле? Не ожидал, что я настолько желанный гость.

– Вы немногословны, вы любите противоречить, в вас есть что-то пугающее, а еще с вами приходится жестко ограничивать меню... Но дело в том, что вы мне нужнее здесь, чем там, – она махнула рукой, – куда делся Давуст. Куда бы он ни делся. Не хотите ли еще вина?

– С удовольствием.

Она поднялась со стула и скользнула к нему, словно танцовщица, мягко ступая по прохладному мраморному полу.

«Босиком, по кантийской моде».

Когда она наклонилась вперед, чтобы наполнить бокал гостя, легкий ветерок всколыхнул ее струящееся одеяние и дохнул в лицо Глокты пряным ароматом ее тела.

«Как раз такая женщина, какую выбрала бы мне в жены моя мать: прекрасная, умная и очень, очень богатая. Как раз такая женщина, какую выбрал бы в жены я сам, если уж на то пошло, когда был моложе. Когда был другим человеком».

Колеблющиеся огоньки свечей отражались в сиянии ее волос, сверкали в драгоценных камнях на длинной шее, мерцали в вине, льющемся из горлышка бутылки.

«Интересно, она пытается очаровать меня только потому, что в моих руках указ закрытого совета? Деловые интересы, не более того, – завязать хорошие отношения с влиятельным человеком. Или она надеется одурачить меня, отвлечь, заманить подальше от неприглядной правды?»

Их глаза на мгновение встретились. Карлота улыбнулась скупой понимающей улыбкой и снова перевела взгляд на его бокал.

«Я должен смотреть на нее, как бездомный мальчишка, что прижался грязным лицом к окну булочной и пускает слюни при виде сладостей, которых никогда не сможет себе позволить? Вряд ли».

– Куда делся Давуст?

Магистр Эйдер секунду помедлила, затем аккуратно поставила бутылку. Опустилась на ближайший стул, поставила локти на столешницу, оперла подбородок о ладони и посмотрела Глокте прямо в глаза.

– Я подозреваю, что он убит каким-то изменником внутри города. Скорее всего, агентом гурков. Возможно, я скажу вам то, что вы уже знаете, но Давуст подозревал, что внутри правящего совета города зреет заговор. Он доверил мне эту тайну незадолго до исчезновения.

«В самом деле?»

– Заговор внутри правящего совета? – Глокта покачал головой в притворном ужасе. – Неужели такое возможно?

– Давайте будем откровенны друг с другом, наставник. Я знаю, чего вы хотите. Мы, торговцы пряностями, потратили на этот город слишком много времени и денег, чтобы отдать его гуркам. И мне кажется, у вас больше шансов удержать его, чем у этих идиотов, Вюрмса и Виссбрука. Если в городе действительно есть изменник, я хочу, чтобы вы его нашли.

– Его... или ее.

Магистр Эйдер приподняла изящную бровь.

– От вашего внимания не могло ускользнуть, что я единственная женщина в совете?

– Не могло и не ускользнуло. – Глокта шумно втянул еще одну ложку супа. – Однако простите меня, если я пока не стану сбрасывать вас со счетов. Нужно нечто большее, чем вкусный суп и приятная беседа, чтобы убедить меня в чьей-то невинности.

«Хотя, черт возьми, это уже гораздо больше, чем мне предлагали остальные».

Магистр Эйдер улыбнулась и подняла бокал.

– Что же мне нужно, чтобы убедить вас?

– Честно? Мне нужны деньги.

– Ах, деньги. Все неизбежно возвращается к ним. Выколачивать деньги из моей гильдии – все равно что копать колодец в пустыне: работа утомительная, грязная и почти всегда напрасная.

«Как допрос инквизитора Харкера».

– А какую сумму вы имели в виду?

– Ну, скажем, мы могли бы начать с сотни тысяч марок.

Эйдер чуть не поперхнулась вином.

«Скорее это похоже на тихое бульканье».

Она осторожно поставила свой бокал, деликатно откашлялась, промокнула губы уголком салфетки и, наконец, посмотрела на Глокту, приподняв бровь.

– Вы отлично знаете, что такая сумма нам не по силам.

– Тогда пока я ограничусь тем, сколько вы сможете мне дать.

– Хорошо, мы посмотрим, что можно сделать. Ваши запросы ограничиваются сотней тысяч марок, или я могу сделать для вас что-то еще?

– Да, есть еще кое-что. Мне нужно, чтобы торговцев убрали из храма.

Эйдер мягко потерла виски, словно требования Глокты вызвали у нее головную боль.

– Он хочет убрать торговцев из храма, – пробормотала она.

– Это необходимо, чтобы обеспечить поддержку Кадии. Если он будет против нас, мы не сможем долго удерживать город.

– Я годами твердила об этом нашим самонадеянным болванам. Но им так нравится топтать туземцев, это их любимое развлечение. Очень хорошо. Когда торговцы должны уйти?

– Завтра. Самое позднее.

– И они называли вас зарвавшимся! – Она покачала головой. – Ну хорошо. К завтрашнему утру я стану самым непопулярным магистром за всю историю, если мне вообще удастся удержать за собой мою должность. Но я попытаюсь продать вашу идею гильдии.

Глокта усмехнулся.

– Я совершенно уверен, что вы сумеете продать что угодно и где угодно.

– Вы хорошо торгуетесь, наставник. Если вам когда-нибудь надоеет задавать вопросы, вас ждет ослепительное будущее в качестве купца.

– Купца? О нет, я не настолько беспощаден. – Глокта положил ложку в свою опустевшую тарелку и облизнул десны. – Не хочу показаться бесцеремонным, но как случилось, что во главе самой могущественной гильдии Союза оказалась женщина?

Эйдер помолчала, словно сомневалась, стоит ли отвечать на его вопрос.

«Или взвешивала, насколько откровенной можно быть».

Она смотрела на свой бокал, держа его за ножку и медленно поворачивая в руке.

– До меня магистром был мой муж. Когда мы поженились, мне было двадцать два, а ему около шестидесяти. Мой отец задолжал ему огромную сумму и предложил мою руку в качестве возмещения за невыплаченный долг.

«Ага, значит, и у нас есть свои горести».

Ее губы изогнулись в легкой презрительной усмешке.

– У моего мужа всегда был хороший нюх на сделки. Вскоре после нашей свадьбы его здоровье ухудшилось, и я начала все более активно заниматься его делами, а также делами гильдии. Ко времени его смерти я уже была магистром во всем, кроме титула, и мои коллеги оказались достаточно разумны, чтобы официально подтвердить мое положение. Торговцев пряностями всегда больше интересовали доходы, нежели общепринятые нормы. – Она под-

няла глаза и устремила взгляд на Глокту. – Я также не хочу показаться бесцеремонной, но как случилось, что герой войны стал палачом?

На этот раз выдержал паузу он.

«Хороший вопрос. И правда, как это произошло?»

– Для калек открывается не так уж много возможностей.

Эйдер медленно кивнула, не отводя зора от его лица.

– Должно быть, это было тяжело. Вернуться домой после долгого пребывания во тьме и понять, что друзьям ты совершенно не нужен. Увидеть в их глазах лишь чувство вины, жалость и отвращение. Обнаружить, что остался один.

У Глокты задержалось веко, и он осторожно потер его. Он никогда прежде ни с кем не обсуждал это.

«И вот, пожалуйста, говорю с совершенно незнакомым человеком».

– Не может быть никаких сомнений, я фигура трагическая. Раньше был полным дерьмом, теперь – пустая скорлупа. Выбирайте на вкус.

– Представляю, какую боль вы чувствуете, когда вас воспринимают вот таким образом. Много боли и много гнева.

«О, если бы ты только знала!»

– И все же мне это кажется странным решением: тот, кто подвергся мучениям, сам стал мучителем.

– Наоборот, нет ничего более естественного. По моему опыту, люди поступают с другими так, как другие поступили с ними. Вас продал отец и купил муж, а вы всю свою жизнь покупаете и продаете.

Эйдер нахмурилась.

«Теперь и ей будет над чем подумать».

– Мне казалось, боль могла научить вас состраданию.

– Сострадание? А что это такое? – Глокта сморщился, потирая ноющую ногу. – Печально, но факт: боль не дает ничего, кроме жалости к самому себе.

Костровая политика

Логен поерзал на жестком седле и прищурился, глядя вверх на нескольких птиц, круживших над огромной плоской равниной. Проклятье, как болит задница! Его ляжки были стертые, он задыхался от лошадиного запаха. Никак не мог найти удобное положение, чтобы не прищемить яйца: они все время оказывались стиснутыми. Он постоянно запускал руку за пояс штанов, чтобы их поправить. Чертовски неприятное путешествие, во всех отношениях.

На Севере он привык к дорожным разговорам. В детстве он говорил с отцом. В юности говорил со своими друзьями. Когда он ездил вместе с Бетодом, он разговаривал с ним – целыми днями, потому что тогда они были очень близки, почти как братья. Разговоры помогали не думать о волдырях на ногах, о голодном урчании в брюхе, о бесконечном треклятом холоде или о тех, кто вчера нашел свою смерть.

Логен хохотал над рассказами Ищейки, когда они вместе пробирались сквозь снежные заносы. Он ломал голову над тактическими задачами на пару с Тридубой, когда они тряслись верхом по грязи. Препирался с Черным Доу, когда они брели по болотам, и им годился любой повод для спора. В свое время он даже обменялся парой шуток с Хардингом Молчуном, а на свете найдется немного людей, которые могут сказать то же самое.

Он тихо вздохнул. Это был тяжкий вздох, застрявший в горле и не вырвавшийся наружу. Хорошие были времена, что и говорить, но теперь они остались далеко позади, в залитых солнцем долинах прошлого. Те парни давно вернулись в грязь. Умолкли навечно. И что еще хуже, бросили Логена здесь, у черта на куличках, с этой вот компанией.

Великого Джезала дан Луфара не интересовали ничьи истории, кроме его собственных. Он сидел в седле, прямой как палка и надменный, задрав вверх подбородок и демонстрируя свое высокомерие, превосходство и презрение ко всему, что его окружало, – как юноша, который хвастается первым в жизни мечом, пока не узнает, что гордиться тут нечем.

Байяза не интересовала тактика. Если он открывал рот, то лишь отрывисто рывкал несколько слов, вроде «да» и «нет», и продолжал хмуро взирать поверх бесконечной травы, словно человек, совершивший страшную ошибку и не знающий, как выйти из положения. Его ученик тоже изменился с тех пор, как они покинули Адую: стал молчаливым, напряженным, настороженным.

Брат Длинноногий ушел далеко вперед, разведывал дорогу посреди равнины. Может, оно и к лучшему. Все остальные не произносили ни слова, но навигатор, надо признать, разговаривал слишком много.

Ферро ехала сбоку, на некотором расстоянии от общей группы: плечи сгорблены, брови сдвинуты в постоянной суровой гримасе, на щеке длинный багрово-серый шрам. Всем своим видом она старалась показать, что остальные – просто банда придурков. Она наклонилась вперед, навстречу ветру, и как будто толкала его, желая причинить ему боль своим лицом. Лучше уж с чумой шутки шутить, чем с ней, подумал Логен.

Вот и вся развеселая команда. Его плечи опустились.

– Долго ли еще мы будем добираться до края мира? – спросил он Байяза без особой надежды на ответ.

– Некоторое время, – буркнул маг сквозь зубы.

И Логен поехал дальше, усталый, разбитый и тоскующий. Ему на глаза попало несколько птиц, медленно скользивших над бесконечной равниной. Хорошие, большие, жирные птицы. Логен облизнулся.

– Пара хороших кусков мяса нам бы не помешала, – пробормотал он.

Давненько уже он не пробовал свежего мяса. С тех самых пор, как они покинули Халдис. Логен погладил живот. Жирок, который он нагулял в городе, уже почти исчез.

Ферро взглянула на него, нахмурилась, потом подняла глаза вверх, на кружащих над головой птиц. Резко дернула плечом, скидывая лук.

– Ха! – усмехнулся Логен. – Ну, удачи тебе!

Он наблюдал, как она плавным, отточенным движением достает стрелу из колчана. Напрасные усилия. Даже Хардинг Молчун не сумел бы поразить такую цель, а Молчун управлялся с луком лучше всех, кого знал Логен. Он смотрел, как Ферро накладывает стрелу на тетиву: спина изогнута дугой, желтые глаза пристально следят за скользящими в небе силуэтами.

– Ты никогда не собьешь ее с такого расстояния, стреляй хоть тысячу раз!

Она натянула тетиву.

– Только стрелу зря потеряешь! – крикнул Логен. – Надо смотреть правде в глаза!

А вдруг, когда стрела будет падать вниз, она вонзится ему в лицо? Или попадет в шею лошади, и та рухнет на землю и задавит его? Подходящий конец для этого кошмарного путешествия.

В следующий миг одна из птиц, кувыркаясь, свалилась в траву. Стрела Ферро торчала из пробитого насквозь туловища.

– Ну и дела, – изумленно прошептал Логен.

Он смотрел, как Ферро снова натягивает лук. Вторая стрела взмыла вверх, в серое небо. Еще одна птица шлепнулась на землю, недалеко от первой. Логен уставился на них, не веря глазам.

– Не может быть!

– Только не надо говорить, что тебе не доводилось видеть и более странные вещи, – сказал Байяз. – Человек, который разговаривает с духами, путешествует с магами и внушает ужас всему Северу!

Логен натянул повод и спрыгнул с седла. На нетвердых, ноющих ногах прошагал через высокую траву, наклонился и поднял с земли одну из птиц: стрела торчала прямо из середины груди.

Если бы Логен стрелял в нее с расстояния в один фут, он едва ли смог бы сделать это точнее.

– Так не бывает.

Байяз, усмехаясь, смотрел на него сверху, сложив руки на луке седла перед собой.

– Легенды говорят, что в стародавние времена, еще до начала истории, наш мир и другая сторона были одним целым. Единый мир. Демоны разгуливали по земле, вольные творить все, что вздумается. Царил хаос, какой не приснится во сне. Демоны сходились с людьми, и от них рождались дети-полукровки – наполовину люди, наполовину демоны. Монстры. Демонова кровь. Один из них взял себе имя Эус. Он освободил человечество от тирании демонов, и ярость его битвы с ними изменила форму земли. Он отделил верхний мир от нижнего и запечатал врата между ними. Чтобы ужас никогда не вернулся, он изрек Первый закон: запрещено напрямую касаться Другой стороны, запрещено говорить с демонами.

Логен наблюдал за тем, как другие спутники мага смотрят на Ферро. Демонстрация столь невероятного искусства стрельбы из лука заставила нахмуриться и Луфара, и Ки. Ферро снова отклонилась в седле и до предела натянула тетиву. Она держала сверкающий наконечник стрелы совершенно неподвижно и в то же время ухитрялась пятками направлять лошадь в нужную сторону. Сам Логен с грехом пополам управлял своим скакуном при помощи поводьев; но он не постигал, какое отношение имеет ко всему этому бредовый рассказ Байяза.

– Демоны, Первый закон и все такое. – Логен взмахнул рукой. – И что с того?

– С самого начала Первый закон был полон противоречий. Любая магия исходит с Другой стороны, она омывает землю, как солнечный свет. Сам Эус отчасти был демоном, такими же были его сыновья Иувин, Канедиас, Гластрод и многие другие помимо них. Кровь демонов наделила их особыми дарами и особыми проклятиями. Она дала им могущество, долголетие, остроту зрения, недоступные для обычных людей. Их кровь перешла к детям, затем, постепенно разжижаясь, к детям детей и так далее, через многие столетия. Сначала дары проявлялись через поколение, потом через несколько, потом совсем редко. Кровь демонов истощилась и окончательно ушла из мира. Теперь, когда наш мир и нижний мир так отделились друг от друга, мало кому удастся увидеть проявление этих даров во плоти. Нам выпала редчайшая возможность стать этому свидетелями.

Логен поднял брови.

– Она наполовину демон?

– Гораздо меньше, чем наполовину, друг мой, – улыбнулся Байяз. – Сам Эус был наполовину демоном, а его мощи хватало, чтобы воздвигать горы и выкапывать ложа морей. Половина вселила бы в тебя такой ужас и такое вожеление, что твое сердце бы остановилось! Половина ослепила бы тебя с одного взгляда! Нет, здесь не половина. Самая малая крупница, не больше. Тем не менее в ней есть след Другой стороны.

– След Другой стороны, вот как? – Логен посмотрел на мертвую птицу в своей руке. – Значит, если бы я коснулся ее, нарушил бы Первый закон?

Байяз рассмеялся.

– Да, это тонкий вопрос! Ты не перестаешь меня удивлять, мастер Девятипалый. Интересно, что ответил бы на это Эус? – Маг поджал губы. – Полагаю, я в таком случае смог бы простить тебя. Но она... – Байяз кивнул лысой головой на Ферро. – Она, скорее всего, отрежет тебе руку.

Логен лежал на животе, разглядывая сквозь высокие стебли травы плоскую долину, по дну которой бежал мелкий ручеек. На ближнем берегу у воды стояло несколько домишек, а точнее, остовов. Крыш не было, лишь низкие полуразрушенные стены. Обломки валялись россыпью на косогоре, среди качающейся травы. Такая картина была привычной на Севере – множество деревень стояли покинутыми после всех прошедших войн. Людей выгоняли, вытаскивали, выкуривали из их жилищ. Логен частенько видел подобное и не единожды участвовал в деле. Он не гордился этим; он вообще мало чем гордился из того, что было с ним в те времена. Да и в любое другое время, если подумать.

– Да, здесь уже негде жить, – прошептал Луфар.

Ферро мрачно взглянула на него.

– Зато здесь можно хорошо спрятаться.

Наступал вечер, солнце садилось, и разрушенная деревня наполнилась тенями. Не было никаких следов человеческого присутствия. Никаких звуков, только вода журчала да легкий ветерок шелестел в траве. Никаких признаков людей, но Ферро была права: если нет признаков, это еще не значит, что нет опасности.

– Наверное, тебе стоит спуститься туда и осмотреть место, – вполголоса сказал Длинноногий.

– Мне? – Логен искоса взглянул на него. – А ты, значит, останешься здесь?

– Талантами, необходимыми для драки, я не обладаю. Ты это хорошо знаешь.

– Хм, – пробурчал Логен. – Драться ты не умеешь, но драку всегда найдешь.

– Находить – мое основное занятие. Я ведь навигатор, для этого я здесь.

– Тогда, может, ты найдешь для меня хорошую еду и постель? – вставил Луфар со своим ноющим союзным выговором.

Ферро с отвращением втянула в себя воздух сквозь зубы.

– Кому-то надо идти, – буркнула она, соскальзывая на животе со склона. – Я осмотрю левую сторону.

Никто не двинулся.

– Мы тоже идем, – бросил Логен Луфару.

– Что, и я?

– А кто еще? Три – хорошее число. Давай, пошли, и постарайся не шуметь.

Луфар поглядел вниз сквозь стебли травы, облизнул губы, потер ладони. Нервничает, понял Логен. Нервничает, но слишком горд, чтобы признаться в этом. Словно неопытный юнец перед боем, который притворяется, что ему не страшно. Но Логена не обманешь. Он видел это уже сотни раз.

– Будешь ждать до утра? – резко спросил он.

– Подумай лучше о собственных изъянах, северянин! – прошипел Луфар и пополз вниз по косогору. – У тебя их более чем хватает!

Он перевалился через гребень холма громоздко и неумело, оттопырив кверху зад, и колесики его больших сияющих шпор громко задребезжали. Логен ухватил его за куртку прежде, чем Луфар успел отползти хотя бы на шаг.

– А ты не собираешься снять это?

– Что?

– Твои долбаные шпоры, вот что! Я же сказал, не шуметь! Еще бы повесил колокольчик на свой торчок!

Луфар насупился, однако сел и снял шпоры.

– И не высовывайся! – прошипел Логен, толкая его назад, спиной в траву. – Ты хочешь, чтобы нас прикончили?

– Отстань от меня!

Логен снова пихнул напарника вниз и ткнул пальцем, чтобы тот как следует все уяснил:

– Я не собираюсь подышать из-за твоих чертовых шпор! Если не умеешь двигаться тихо, оставайся с навигатором. – Он сердито кивнул на Длинного. – Может, вы вместе с его навигацией сумеете добраться до деревни, когда мы проверим, опасно ли там.

Логен покачал головой и пополз вниз по склону следом за Ферро.

Та была уже на полпути к ручью – скользила над обвалившимися стенами, ныряла в промежутки между ними, пригибаясь к земле и сжимая эфес изогнутого меча. Быстрая и беззвучная, как ветер над равниной.

Впечатляюще, кто спорит, но по части умения подкрадываться Логен ей не уступал. В молодости он этим славился. Не сосчитать, сколько людей и шанка он застиг врасплох. Если к тебе подкрадывается Девять Смертей, ты услышишь только один звук – бульканье собственной крови из перерезанного горла, так гласила молва. Хочешь сказать про Логена Девятипалого – скажи, что он умеет подкрадываться.

Он приблизился к первой стене, перенес через нее ногу, тихий как мышка. Он перемещался плавно и мягко, как по маслу, не высовываясь. Его вторая нога зацепилась за какие-то камни на верху стены и со скрежетом поволокла их за собой. Логен попытался удержать эти камни, но сдвинул локтем еще больше, и они с грохотом покатались вниз. Логен неловко ступил на больную лодыжку, подвернул ее, взвыл от боли, рухнул на землю и покатился в заросли колючек.

– Дерьмо, – проворчал он, с трудом поднимаясь и нащупывая рукоять меча, запутавшегося в полах куртки.

Хорошо еще, что сразу не вынул меч, не то мог бы проткнуть себя насквозь. С одним его приятелем однажды случилось такое: вопил во все горло и до того увлекся, что не заметил, как споткнулся о корень и снес себе здоровенный кусок черепа своей же секирой. Вернулся в грязь ускоренным маршем.

Логен съежился среди упавших камней, готовый к тому, что на него кто-нибудь прыгнет. Однако все было тихо. Только ветер свистел сквозь дыры в старых стенах да вода лопотала в ручейке. Он пополз дальше, мимо кучи каменных глыб, сквозь старый дверной проем, переметнулся через накренившуюся стену, хромя на подвернутой ноге и пыхтя. Он уже не слишком заботился о тишине. Здесь никого не было, Логен понял это сразу после того, как упал. Иначе представление, какое он тут устроил, не прошло бы незамеченным. Ищейка, наверное, рыдал бы от смеха, будь он жив. Логен помахал в сторону гребня и мгновение спустя увидел, как Длинноногий машет ему в ответ.

– Никого, – пробормотал он сам себе.

– Нам повезло, – прошипел голос Ферро в паре шагов позади него. – Ты открыл новый способ разведки, розовый: надеть столько шума, чтобы все, кто есть, на тебя набросились.

– Давно не практиковался, – буркнул Логен. – Ну, ничего страшного. Тут все равно ни одной живой души.

– Но были.

Она стояла посреди руин одного из строений и, хмурясь, смотрела себе под ноги. Выжженное пятно на траве, несколько камней вокруг. Костер.

– День или два назад, – пробормотал Логен, ткнув в золу пальцем.

Луфар подошел к ним.

– Ну вот, значит, здесь все-таки пусто!

На его лице было самодовольное хитрое выражение, словно он оказался в чем-то прав, причем с самого начала. Только Логен не мог понять, в чем именно.

– Тебе повезло, что пусто, не то мы сейчас собирали бы тебя по кусочкам!

– Это я собирала бы вас обоих! – прошипела Ферро. – Надо было сразу пришить ваши бесполезные розовые головы друг к дружке! От вас не больше пользы, чем от кучи песку посреди пустыни! Здесь есть следы. Лошади, повозки. Несколько.

– Может, купцы? – с надеждой спросил Логен. Они с Ферро поглядели друг на друга. – Пожалуй, будет лучше, если дальше мы поедем не по дороге.

– Это слишком медленно. – Байяз уже спустился в деревню, Ки и Длинноногий шли позади с повозкой и лошадьми. – Чересчур медленно. Будем держаться дороги. Если кто-нибудь появится, мы успеем увидеть его заранее.

Луфар явно сомневался.

– Если мы увидим их, то они увидят нас. И что потом?

– Потом? – Байяз поднял бровь. – Потом наш знаменитый капитан Луфар защитит нас. – Он оглядел разрушенную деревню. – Здесь есть проточная вода и какое-никакое укрытие. Кажется, неплохое место для лагеря.

– Да, неплохое, – пробормотал Логен. Он уже обернулся к повозке в поисках материала для растопки, чтобы разжечь костер. – Я хочу есть. Что там с теми птицами?

Логен сидел над своим котелком и наблюдал, как все едят.

Ферро пристроилась на корточках на самой границе колеблющегося света костра, сгорбившись и низко склонив над миской скрытое тенью лицо. Она бросала по сторонам подозрительные взгляды и засовывала еду в рот пальцами, словно боялась, что кто-то выхватит кусок. Луфар проявлял меньше энтузиазма: он изящно покусывал птичье крылышко белыми передними зубами, словно мог отравиться, если дотронется до мяса губами. Отвергнутые кусочки были аккуратно выложены на край его тарелки. Байяз жевал смачно, с удовольствием, в бороде у него блестели капли подливки.

– Вкусно, – пробурчал он с набитым ртом. – Возможно, мастер Девятипалый, тебе стоит подумать о карьере повара, если ты когда-нибудь устанешь от... – Он махнул в воздухе ложкой. – От того, чем ты занимаешься.

Логен хмыкнул. На Севере у костра дежурили все по очереди, и это почиталось за честь. Хороший повар ценился почти так же, как хороший боец. Но не здесь. Ни один из этой компании никуда не годился, если речь шла о приготовлении еды. Байяз едва-едва мог вскипятить себе чай, но дальше его умения не простирались. Ки сумел бы разве что вытащить сухарь из коробки, и то в лучшем случае. Что касается Луфара, то Логен сомневался, знает ли он, где у котелка дно, а где крышка. Ферро, судя по всему, презирала саму идею приготовления еды. Логен подозревал, что она привыкла к сырой пище. А может быть, и к живой.

На Севере, когда после тяжелого дня мужчины собирались на трапезу у больших костров, существовал строгий распорядок – кому где сидеть. Вождь восседал во главе, вокруг рассаживались его сыновья и названные клана. Дальше карлы занимали места в зависимости от заработанной славы. Трэлям разрешалось развести собственные маленькие костерки где-нибудь поодаль. Люди всегда знали свое место и меняли его, только когда приказывал вождь в знак уважения к службе, которую они ему сослужили, или за редкостную отвагу в бою. Если кто-то садился не туда, его могли здорово поколотить, а то и убить. Место у костра в каком-то смысле означало место в жизни.

Здесь, на равнине, все было по-другому. Но Логен все же видел определенную закономерность в том, кто где сидит, и это его не радовало. Он сам и Байяз расположились близко к огню, но остальные отодвинулись дальше, чем нужно в такую холодную ночь. Ветер и сырость сгоняли всех вместе, но люди как будто отталкивали друг друга. Логен взглянул на Луфара, презрительно кривившегося над миской, словно она была полна мочи. Никакого уважения. Логен взглянул на Ферро, метавшую в него желтые молнии из прищуренных глаз. Никакого доверия. Он печально покачал головой. Без доверия и уважения команда развалится в первой же стычке, как стена, сложенная без извести.

Однако когда-то Логен справился с еще более сложными людьми. Тридуба, Тул Дуру, Черный Доу, Хардинг Молчун – с каждым он дрался один на один и побил их всех. Он сохранил им жизнь и взял с них клятву следовать за собой. Каждый из них сделал все возможное, чтобы убить его – и у них имелись на то причины, – но в конце концов Логен завоевал их доверие, уважение и даже дружбу. Немного знаков внимания и очень много времени, вот что ему для этого понадобилось. «Терпение – вождь добродетелей, – говаривал его отец, и еще: – За день через горы не перевалишь». Может быть, время против них, однако спешкой тут ничего не добьешься. Надо смотреть правде в глаза.

Логен вытянул затекшие ноги, взялся за мех с водой, встал и медленно пошел к тому месту, где сидела Ферро. Ее глаза следили за ним, пока он приближался. Ферро была странной, без сомнений, и не только по виду – хотя, мертвые знают, вид у нее тоже достаточно странный. Она казалась твердой, острой и холодной, как новый клинок, и по-мужски безжалостной. Казалось, такая и соломинки утопающему не протянет, однако она спасла Логена, и не один раз. Из всех спутников мага в первую очередь он бы доверился именно Ферро. Поэтому он присел рядом с ней на корточки и протянул ей мех, бугристая тень которого подрагивала на шероховатой стене позади нее.

Ферро посмотрела на мех, нахмурилась, подняла мрачный взгляд на Логена. Потом выхватила мех у него из рук, отвернулась и снова согнулась над миской, так что он видел ее костлявые лопатки. Ни слова благодарности, ни единого жеста, но он не был в обиде. В конце концов, за день через горы не перевалишь.

Логен вернулся на свое место у огня и стал смотреть, как танцуют языки пламени, отбрасывая переменчивый свет на угрюмые лица его спутников.

– Кто-нибудь знает какие-нибудь истории? – спросил он с надеждой.

Ки вздохнул, Луфар скривил губу, глядя на Логена сквозь пламя. Ферро ничем не показала, что вообще его услышала. М-да, не очень обнадеживающее начало.

– Никто?

Молчание.

– Ну ладно, я вообще-то знаю пару песен... Если вспомню слова. – Логен прочистил горло.

– Ну хорошо! – вмешался Байяз. – Если это спасет нас от песен, то я знаю сотни историй. Что бы вы желали услышать? Любовную историю? Смешную? Рассказ о мужестве, преодолевающем все препятствия?

– Об этих краях, – предложил Луфар. – О Старой империи. Если это был такой великий народ, как он дошел до такого? – Он кивнул головой на обвалившиеся стены и все то, что лежало за ними: многие мили пустого пространства. – Это же пустоши!

Байяз вздохнул.

– Я мог бы рассказать, однако нам посчастливилось – мы путешествуем в компании с уроженцем Старой империи, и он, к тому же, ревностно изучает историю. Мастер Ки! – Ученик неохотно оторвался от созерцания огня. – Не согласишься ли ты просветить нас? Каким образом империя, некогда блистательный центр мира, пришла к такому упадку?

– Это долгая история, – пробормотал ученик. – Должен ли я начать с самого начала?

– А откуда же еще следует начинать?

Ки пожал тощими плечами и заговорил:

– У всемогущего Эуса – отца мира, победителя демонов, закрывшего врата, – было четверо сыновей. И каждого Эус наделил особым талантом. Старшему сыну, Иувину, он передал высокое искусство – умение изменять мир при помощи магии, укрощенной знанием. Ко второму сыну, Канедиасу, перешел дар делания – умение придавать нужную форму камню и металлу. Третьему сыну, Бедешу, Эус подарил способность разговаривать с духами и подчинять их своей воле. – Ки широко зевнул и, моргая, уставился в огонь. – Так были рождены три чистых направления магии.

– Мне послышалось, что у него было четыре сына, – буркнул Луфар.

Взгляд Ки скользнул вбок.

– Так и есть, и здесь лежит исток разрушения империи. Гластроуд был младшим сыном Эуса. К нему должен был перейти дар общения с Другой стороной, тайное искусство призывать демонов из нижнего мира и подчинять их воле призвавшего. Однако это было запрещено Первым законом. Поэтому Эус не дал младшему сыну ничего, кроме своего благословения, а мы знаем, чего это стоит. Он открыл троим сыновьям их долю секретов и ушел, наказав детям нести в мир порядок.

– Порядок! – Луфар швырнул свою тарелку в траву и окинул презрительным взглядом сумрачные развалины. – Не слишком они преуспели!

– Вначале у них все получалось. Иувин взялся за дело с охотой, использовал все свое могущество и все свои знания. На берегах Аоса он нашел народ, который ему понравился. Научил этих людей наукам и ремеслам, дал им правительство и законы. Обретенные знания помогли им покорить всех соседей, и Иувин сделал их вождем императором. Шли года, сменялись поколения, нация росла и процветала. Земли империи простерлись на юг до Испарды, на север до Анконуса, на восток до самого Круглого моря и еще дальше. Император следовал за императором, но Иувин всегда был рядом – направлял, советовал, придавал форму событиям в соответствии со своим великим замыслом. Все было цивилизованно, мирно и благополучно.

– Почти все, – вставил Байяз, вороша палочкой угли угасающего костра.

Ки усмехнулся.

– Мы забыли о Гластроде – как и его отец. Обойденный сын. Отвергнутый сын. Обманутый сын. Он вымаливал у братьев хотя бы толику их секретов, но те ревниво относились к отцовским дарам и все трое отказали ему. Он видел, чего достиг Иувин, и преисполнился невыразимой горечью. Он нашел темные места мира и там втайне принялся изучать науки,

запрещенные Первым законом. Он нашел эти темные места и прикоснулся к Другой стороне. Он нашел эти темные места и заговорил на языке демонов, и услышал в ответ их голоса. – Голос Ки упал до шепота. – И голоса сказали Гластроде, где нужно копать...

– Очень хорошо, мастер Ки, – жестко перебил Байяз. – Я вижу, теперь ты изучил тему весьма глубоко. Однако не стоит задерживаться на деталях. О раскопках Гластрода мы поговорим в другой раз.

– Конечно, – пробормотал Ки. Его темные глаза поблескивали в свете костра, на изможденном лице лежали мрачные тени. – Вам виднее, учитель. Итак, Гластрод строил планы. Он наблюдал из тени. Он собирал тайные знания. Он льстил, угрожал и лгал. У него ушло не много времени, чтобы направить слабовольных на исполнение его замыслов, а сильных обратить друг против друга, ибо он был ловок, обаятелен и обладал прекрасной внешностью. Теперь он постоянно слышал голоса – голоса из нижнего мира. Они внушали ему, что нужно повсюду сеять раздоры, и он слушался. Они побуждали его поедать человеческую плоть, чтобы овладеть силой жертв, и он соглашался. Они велели ему разыскать потомков демонов, еще остававшихся в нашем мире, отвергнутых, ненавидимых, изгнанных, и собрать из них армию; и он повиновался.

Кто-то коснулся Логенова плеча, и тот чуть не подпрыгнул на месте. Над ним стояла Ферро и протягивала ему мех с водой.

– Спасибо, – пробурчал он и взял мех у нее из рук.

Логен старательно делал вид, что спокоен, но сердце его безумно колотилось. Он отхлебнул небольшой глоток, ударом ладони загнал обратно пробку и положил мех рядом с собой. Когда он поднял голову, Ферро не ушла. Она по-прежнему стояла над ним, глядя вниз на пляшущие языки пламени. Логен подвинулся, освобождая место. Ферро насупилась, потопталась на месте, потом медленно опустилась на землю и села, поджав ноги, на достаточном расстоянии от Логена. Протянула ладони к огню и оскалила блеснувшие зубы.

– Там холодно.

– Эти стены не очень-то защищают от ветра, – кивнул Логен.

– Да.

Ферро перевела взгляд на Ки.

– Не останавливайся из-за меня, – резко произнесла она.

Ученик усмехнулся и продолжил:

– Станным и зловещим было воинство, собранное Гластродам. Он дождался момента, когда Иувин покинул империю, пробрался в Аулкус, который тогда был столицей, и начал действовать по заранее подготовленному плану. Это было так, словно весь город охватило безумие. Сын восставал на отца, жена на мужа, сосед на соседа. Император был убит на ступенях дворца собственными сыновьями, а затем они, обезумев от алчности и зависти, обратились друг против друга. Извращенная армия Гластрода проскользнула в сточные трубы под городом и поднялась оттуда, превратив улицы в могильные ямы, а площади – в бойни. Некоторые демоны могли принимать чужой облик, похищая лица у людей.

Байяз покачал головой.

– Принятие облика... жуткая и коварная вещь.

Логен вспомнил женщину, которая говорила с ним среди холода и тьмы голосом его умершей жены. Он нахмурился и расправил плечи.

– Да, вещь поистине жуткая, – отозвался Ки, и его болезненная усмешка стала еще шире. – Ибо кому можно доверять, если нельзя верить собственным глазам и ушам, невозможно отличить друга от врага? Но самое худшее было впереди. Гластрод призвал демонов с Другой стороны, подчинил их своей воле и послал уничтожить тех, кто еще мог ему противиться.

– Призыв и подчинение, – прошептал Байяз. – Проклятые искусства! Страшный риск. Чудовищное нарушение Первого закона.

– Гластрод не признавал никаких законов, помимо собственной силы. Вскоре он уже восседал в императорском тронном зале на куче черепов, жадно пожирая человеческую плоть, как дитя сосет материнское молоко, и купаясь в лучах своей ужасной победы. Империя растворилась в хаосе, напоминавшем, хоть и весьма отдаленно, хаос древних дней до пришествия Эуса, когда наш мир и мир нижний были единым целым.

Порыв ветра ворвался в щели между древних камней, и Логен, поевшись, плотнее закутался в одеяло. Эта чертова история действовала ему на нервы – похищение чужих лиц, насылание демонов, пожирание людей. Однако Ки не собирался останавливаться.

– Когда Иувин узнал о том, что сотворил Гластрод, он пришел в страшную ярость и обратился за помощью к братьям. Канедиас не захотел прийти. Он сидел взаперти, возился со своими машинами и ничего не хотел знать о внешнем мире. Иувин и Бедеш без него собрали армию и пошли войной на своего брата.

– Ужасная война, – пробормотал Байяз. – С ужасным оружием и ужасными потерями.

– Война охватила весь континент от края до края, в нее влились все мелкие распри, она породила неисчислимое множество междоусобиц и преступлений, чьи последствия до сих пор отравляют мир. Однако в итоге Иувин одержал победу. Гластрод был осажден в Аулке, его подменыши были раскрыты, его армия была рассеяна. И тогда, в самый отчаянный момент, голоса из нижнего мира нашептали ему план. «Открой ворота на Другую сторону, – сказали они. – Сорви засовы, сломай печати и распахни двери, затворенные твоим отцом. Преступи Первый закон в последний раз –пусти нас обратно в мир, и тебя больше никогда никто не обойдет, не отвергнет и не обманет».

Первый из магов медленно кивнул сам себе.

– Однако его снова обманули.

– Несчастный глупец! Создания Другой стороны сделаны из лжи. Иметь с ними дело значит подвергать себя самой страшной опасности. Гластрод подготовился к ритуалу, но в спешке допустил какую-то незначительную ошибку. Возможно, всего лишь уронил крупицу соли, но результат оказался поистине кошмарным. Великая сила, которой хватило бы, чтобы прорвать ткань мироздания, вышла на волю без всякой формы и без всякого смысла. Гластрод уничтожил сам себя. Аулкус, великая и прекрасная столица империи, превратился в пустыню, земли вокруг него были навеки отравлены. Теперь никто не решается приближаться к этому месту, все обходят его за многие мили. Город похож на разоренное кладбище, там нет ничего, кроме развалин. Достойный памятник глупости и гордыне Гластрода и его братьев. – Ученик поднял глаза на Байяза. – Я рассказал верно, мастер?

– Все верно, – пробормотал мат. – Я знаю. Я видел это. Молодой глупец с пышной блестящей шевелюрой... – Он провел рукой по своему голому черепу. – Молодой глупец, столь же невежественный в магии, науке и путях силы, как ты сейчас, мастер Ки.

Ученик склонил голову.

– Я живу лишь для того, чтобы учиться.

– И в этом отношении ты весьма продвинулся... Как тебе понравился рассказ, мастер Девятипалый?

Логен поджал губы.

– Вообще-то я рассчитывал на что-то более веселое, но надо брать то, что предлагают.

– Сплошная чепуха, если хотите знать мое мнение, – презрительно вставил Луфар.

Байяз хмыкнул.

– Как удачно, что никто не хочет его знать. Может быть, вам стоило бы помыть котелки, капитан, пока еще не слишком стемнело?

– Что? Я?

– Один из нас добыл пищу, другой ее приготовил. Третий развлекал историей. Вы единственный, кто до сих пор не внес своей лепты.

– За исключением вас!

– О, я чересчур стар, чтобы плескаться в воде в это время суток. – Лицо Байяза стало суровым. – Великий человек должен прежде всего научиться смирению. Посуда ждет вас!

Луфар открыл было рот, чтобы возразить, потом передумал и сердито вскочил с места, швырнув свое одеяло на траву.

– Чертовы котелки! – прошипел он, подбирая посуду с земли возле костра, и затопал в сторону ручья.

Ферро наблюдала за его удаляющейся спиной со странным выражением лица, которое могло бы сойти за улыбку. Затем она снова перевела взгляд на огонь и облизнула губы. Логен откупорил мех с водой и протянул ей.

– Угу, – буркнула она, выхватила мех и сделала быстрый глоток. Потом, вытирая рот рукавом, покосилась на него и сдвинула брови. – Что?

– Ничего, – поспешно ответил Логен, отводя взгляд и поднимая вверх пустые ладони. – Ровным счетом ничего.

Однако про себя он улыбался. Знаки внимания и время, вот как он этого добился.

Небольшие преступления

– Холодно, полковник Вест?

– Да, ваше высочество, зима уже на подходе.

Ночью выпало что-то вроде снега – холодная слякоть превратилась в скользкую ледяную корку. Теперь, в бледном свете утра, весь мир казался подмороженным. Копыта лошадей хрустели и чавкали в подмороженной грязи. Вода печально капала с подмороженных деревьев. Вест не был исключением. Его дыхание облачками пара вырывалось из хлюпающего носа, онемевшие от холода кончики ушей неприятно пощипывало.

Принц Ладислав почти не замечал этих неудобств. Правда, он был закутан в огромную шубу, к которой прилагались шапка и рукавицы из блестящего черного меха; наряд, без сомнений, стоил не одну сотню марок. Принц широко улыбнулся, обернувшись через плечо:

– Однако люди, кажется, здоровы и бодры несмотря ни на что!

Вест едва мог поверить своим ушам. Собственный Королевский полк, находившийся под командованием Ладислава, выглядел вполне счастливо, это верно. Просторные палатки располагались стройными рядами в центре лагеря: разведены костры, рядом привязаны лошади, все как полагается. Но положение рекрутов, составлявших добрых три четверти их сил, было менее веселым. Они были подготовлены из рук вон плохо. Необученные, без оружия, одни слишком больные, другие слишком старые для похода, не говоря уже о битве. Некоторые не имели ничего, кроме собственной одежды, да и та была в плачевном состоянии.

Вест видел людей, сбившихся вместе под деревьями в поиске тепла, и от дождя их защищала лишь половина одеяла. Просто позор.

– Собственные Королевские обеспечены хорошо, но я беспокоюсь о положении рекрутов, ваше...

– Да, – продолжал Ладислав одновременно с ним, словно Вест ничего и не говорил, – здоровы, бодры и грызут удила! Должно быть, огонь в груди не дает им замерзнуть, а, Вест? Не могут дожидаться, пока увидят неприятеля! Черт подери, какая жалость, что мы должны томиться без толку здесь, за этой чертовой рекой!

Вест закусил губу. Невероятные способности принца Ладислава к самообману день ото дня становились все поразительнее. Умом его высочества прочно овладела идея стать прославленным полководцем, под чьим командованием находится несравненное войско идеальных солдат. Одержат великую победу и вернуться в Адуу, где его встретят как героя. Однако вместо того, чтобы приложить хоть малую толику усилий для осуществления своего желания, он вел себя так, будто это уже свершилось, не обращая внимания на истинное положение дел. Ничего неприятного, нежелательного или противоречащего его нелепым представлениям принц попросту не замечал. Тем временем хлыщи из штаба принца, все вместе не набравшие и месяца боевого опыта, восхваляли его тонкие суждения, хлопали друг друга по плечам и соглашались со всеми его высказываниями, какими бы идиотскими они ни были.

Человек, который никогда ни в чем не нуждался, никогда ни к чему не стремился и никогда ни в чем себя не ограничивал, имеет очень странный взгляд на мир, думал Вест. И вот тому доказательство: едет рядом, сияя улыбкой, словно забота о десяти тысячах человек – легкое бремя. Кронпринц, как справедливо заметил лорд-маршал Берр, абсолютно не знаком с реальным миром.

– Холодно, – пробурчал Ладислав. – Это не очень-то похоже на пустыни Гуркхула, да, полковник Вест?

– Да уж, ваше высочество.

– Однако некоторые вещи остаются неизменными. Я говорю о войне, Вест, о войне в целом! Она везде одинакова! Беззаветная отвага! И честь! И слава! Вы ведь сражались вместе с полковником Глоктой, я не ошибаюсь?

– Вы правы, ваше высочество.

– Я всегда любил слушать рассказы о подвигах этого человека! В детстве он был одним из моих героев. Как он обходил врага кавалерийским налетом, перекрывал пути снабжения, нападал на обозы и все такое прочее! – Стек в руке принца описал в воздухе петлю и пал на воображаемый обоз. – Превосходно! Я полагаю, вы это видели?

– Кое-что видел, ваше высочество.

Кроме того, Вест видел немало солнечных ожогов и натертых седлом ссадин, грабежей, пьянства и тщеславных выходов, чтобы порисоваться перед другими.

– Полковник Глокта, клянусь головой! Нам здесь не помешала бы его отвага, как повашему, Вест? Его напор! Его решительность! Чертовски жаль, что он погиб.

Вест поднял голову.

– Он не погиб, ваше высочество.

– Не погиб?

– Он был захвачен в плен гурками, а затем вернулся в Союз, когда война закончилась. Он... э-э... поступил на службу в инквизицию.

– В инквизицию? – ужаснулся принц. – Что может заставить человека отказаться от солдатской жизни ради этого?

Вест поискал подходящие слова и решил, что лучше не отвечать.

– Не могу себе представить, ваше высочество.

– Поступил на службу в инквизицию! Кто бы мог подумать?!

Некоторое время они ехали в молчании. Постепенно улыбка вернулась на лицо принца.

– Однако мы говорили о воинской славе, верно?

Вест поморщился.

– Совершенно верно, ваше высочество.

– Вы ведь были первым, кто прошел сквозь брешь при Ульриохе? Первым, так мне докладывали! Вот это честь! Вот это слава! Должно быть, это незабываемое ощущение, правда, полковник? Незабываемое!

Пробиваться сквозь гущу расколотых камней и бревен вперемешку с искореженными трупами. Слепнуть от дыма, задыхаться в пыли. Крики, стоны, металлический лязг наполняют воздух, трудно дышать от страха. Люди теснят со всех сторон, падают, вопят, истекают кровью и потом, черным от грязи и копоти; едва различимые лица искажены болью и гневом. Демоны в аду.

Вест помнил, как он кричал «Вперед!» снова и снова, пока не сорвал голос, хотя сам потерял всякое представление о направлении. Помнил, как ткнул кого-то мечом – друга или врага, он тогда не знал, как не знал и теперь. Помнил, как упал, разбил себе голову о камень и разорвал куртку о торчащий обломок доски. Мгновения в памяти – словно фрагменты истории, которую ему когда-то кто-то рассказал.

Вест поежился, чувствуя озноб в своей легкой шинели.

– Да, незабываемое ощущение, ваше высочество.

– Черт побери, как жаль, что этого мерзавца Бетода встретим не мы! – Принц Ладислав раздраженно рассек воздух стеклом. – Это ненамного лучше, чем стоять в каком-нибудь треклятом карауле! Похоже, Берр держит меня за дурака! Вам так не кажется, майор?

Вест глубоко вздохнул.

– Право, не могу сказать, ваше высочество.

Но переменчивый ум принца уже обратился к другой теме:

– А что там с вашими ручными северянами? У них такие забавные имена! Как зовут этого неумытого? Борзой, что ли?

– Ищейка.

– Да-да, точно, Ищейка! Превосходно! – Принц рассмеялся. – А другой – черт возьми, такого здорового парня я в жизни не видел! Потрясающе! И чем же они занимаются?

– Я послал их в разведку на северный берег реки, ваше высочество. – Вест был бы не прочь сам пойти вместе с ними. – Даже если враг далеко, мы должны точно знать обстановку на случай внезапного нападения.

– Ну разумеется, должны! Отличная идея. Чтобы тотчас же подготовить атаку!

Вообще-то Вест скорее имел в виду возможность своевременно отступить и послать на самой быстрой лошади гонца к маршалу Берру, но не было смысла упоминать об этом. В представлении принца все военные действия сводились к приказам о победоносном наступлении, после чего можно спокойно возвращаться в постель. Таких слов, как «стратегия» и «отступление», в его словаре не было.

– Точно, – бормотал принц себе под нос, пристально глядя на деревья за рекой. – Подготовить атаку и смести их обратно к границе...

Граница была в сотне лиг отсюда. Вест воспользовался моментом.

– Ваше высочество, если позволите, у меня еще очень много дел.

И это была истинная правда. Лагерь был организован – вернее, совершенно не организован – без малейшей мысли об удобстве или обороне. Дикий лабиринт палаток из ветхой холстины на большом лугу у реки, где почва была слишком мягкой и грозила превратиться в болото, размолотая в липкую грязь колесами обозных телег. Вначале там не было отхожих мест, потом их вырыли, но слишком неглубоко и слишком близко к лагерю, недалеко от того места, где складировалась провизия. Провизию, кстати сказать, недостаточно тщательно подготовили и плохо упаковали, она вот-вот начнет портиться, привлекая к себе крыс со всей Инглии. Вест не сомневался, что, если бы не холод, лагерь уже сейчас охватила бы эпидемия.

Принц Ладислав взмахнул рукой.

– Конечно, я понимаю, много дел... Но ведь завтра вы расскажете мне еще что-нибудь, Вест? Про полковника Глокту и так далее... Черт, как все-таки жаль, что он погиб! – прокричал принц, уже пускаясь легким галопом в направлении своего громадного пурпурного шатра, воздвигнутого высоко на холме, над всеобщей вонью и сумятицей.

Вест с некоторым облегчением развернул свою лошадь и поскакал вниз по склону, к лагерю. Он видел, как люди пробираются через подмерзшую слякоть, замотанные в грязное тряпье, дрожащие, с облачками пара от дыхания. Другие сидели понурыми группами возле расставленных палаток – в разномастной одежде, они жались к еле тлеющим кострам, возились с едой, играли отсыревшими картами в свои жалкие игры или пили и глядели перед собой в холодное пространство.

Подготовленные рекруты отправились с Поулдером и Кроем навстречу неприятелю, а Ладиславу оставили отребье – тех, кто слишком слаб для серьезного марша, слишком плохо снаряжен для настоящего сражения, слишком измучен даже для того, чтобы найти себе праздное занятие. Эти люди, возможно, за всю жизнь ни разу не покидали свои дома, но были вынуждены отправиться в заморскую землю, о которой они ничего не знали, чтобы сражаться с врагом, с которым они не ссорились, по причинам, которых они не понимали.

Если в начале пути кто-то из них и испытывал нечто вроде патриотического подъема, то к настоящему времени тяжелые переходы, плохое питание и холодная погода окончательно истощили и выморозили весь их энтузиазм. Принц Ладислав отнюдь не был вдохновенным вождем, способным его возродить, и не предпринимал для этого никаких усилий.

Вест глядел с высоты седла на эти угрюмые, усталые, измученные лица, и они смотрели ему вслед. Они уже побеждены. Все, чего они хотели, это вернуться домой, и Вест едва ли мог их осуждать. Он и сам хотел того же.

– Полковник Вест!

Ему улыбался какой-то здоровяк в мундире офицера Собственных Королевских, заросший густой бородой. Вест с изумлением понял, что это Челенгорм. Он спрыгнул с седла и обеими руками сжал руку старого приятеля. Радостно было видеть его – крепкого, честного, надежного. Он напоминал о прошлой жизни, когда Вест не имел дела с великими мира сего и все было во много раз проще.

– Как дела, Челенгорм?

– Хорошо, спасибо, сэр. Вот решил пройтись по лагерю, пока мы ждем неприятеля. – Здоровяк Челенгорм сложил руки лодочкой и подышал в них, потом потер ладонь о ладонь. – Пытаюсь согреться.

– По моему опыту, это и есть война. Бесконечное ожидание в неблагоприятных условиях. Ожидание, время от времени сменяющееся моментами глубочайшего ужаса.

Челенгорм невесело ухмыльнулся.

– Ну, значит, у нас все впереди. Как дела в штабе принца?

Вест покачал головой.

– Соревнуются, кто из них самый заносчивый, невежественный и никчемный. А как насчет вас? Как вам лагерная жизнь?

– Ну, у нас-то все не так плохо. А вот кое-кому из рекрутов я не завидую – они уже не годятся для сражений. Я слышал, двое или трое самых старых прошлой ночью замерзли.

– Такое случается. Будем надеяться, что их хотя бы заруют поглубже и подальше от лагеря.

Вест видел, что Челенгорм считал его бессердечным, но тут уж ничего не поделаешь. Из погибших в Гуркхуле лишь немногие пали на поле боя. Несчастные случаи, болезни, загноившиеся легкие ранения – в конце концов ты привыкаешь и начинаешь ждать этого. А когда солдаты так плохо экипированы, как эти рекруты? Да им придется ежедневно хоронить людей!

– Вам что-нибудь нужно? – спросил он Челенгорма.

– Только одну вещь. Моя лошадь потеряла подкову в этой грязище; я попытался отыскать кого-то, кто сможет подковать коня... – Челенгорм развел руками. – Хорошо, если я ошибаюсь, но, по-моему, в лагере нет ни одного кузнеца!

Вест воззрился на него.

– Ни одного?

– По крайней мере, я так никого и не нашел. Горны есть, наковальни, кувалды и все прочее имеется, но работать некому.

Я тут поговорил с одним из квартирмейстеров, и он сказал, что генерал Поулдер отказался отпустить к нам хотя бы одного из своих кузнецов, и генерал Крой тоже, так что... – Челенгорм пожал плечами. – У нас их не оказалось.

– И никто не догадался проверить?

– А кто?

Вест ощутил знакомую боль, набухающую позади глазных яблок. Стрелам нужны наконечники, клинки необходимо точить, доспехи, седла и телеги, везущие припасы, ломаются и нуждаются в починке. Армия, в которой нет кузнецов, немногим лучше армии, у которой нет оружия. А они торчат посреди этого насквозь промерзшего края, во многих милях от ближайшего поселения. Хотя...

– Помнится, мы по пути видели штрафную колонию?

Челенгорм сощурил глаза, пытаясь припомнить:

– Да, кажется, там была литейная. Я видел дымок над деревьями...

– У них там должны быть опытные работники по металлу.

Брови здоровяка приподнялись.

– Но они же преступники!

– Ну, какие есть. Сегодня у вас неподкованная лошадь, а завтра нам будет нечем сражаться! Соберите дюжину людей и найдите повозку. Мы отправляемся сейчас же.

Тюрьма возвышалась над зарослями деревьев, за холодной пеленой дождя виднелась ограда – стена из огромных замшелых бревен, увенчанная погнутыми ржавыми штырями. Мрачный вид, да и само место мрачное. Не дожидаясь, пока Челенгорм и его люди подтянутся, Вест соскочил с седла, перешел слякотную разбитую дорогу, приблизился к воротам и замолотил рукоятью шпaga по потемневшему дереву.

Пришлось какое-то время подождать, пока маленькое смотровое окошко открылось. Оттуда на Веста угрюмо глянули серые глаза над черной маской. Практик инквизиции.

– Я полковник Вест.

– И что? – Глаза холодно рассматривали его.

– Я из штаба кронпринца Ладислава, мне нужно поговорить с комендантом этого лагеря.

– Зачем?

Вест нахмурился, изо всех сил стараясь сохранять важный вид, несмотря на облепившие голову мокрые волосы и капли дождя, стекавшие с подбородка.

– Идет война, и у меня нет времени объяснять вам, что к чему! Мне необходимо поговорить с комендантом, это очень срочно!

Глаза прищурились. Некоторое время практик смотрел на Веста, затем перевел взгляд на дюжину замызганных солдат за его спиной.

– Хорошо, – проговорил практик. – Вы можете войти, но только вы один. Остальным придется подождать снаружи.

Главная улица колонии представляла собой полосу размешанной ногами глины между хлипкими лачугами. С карнизов стекали струи воды, расплескиваясь по грязи. Посреди дороги, насквозь мокрые, двое мужчин и женщина тяжело толкали нагруженную камнями повозку, увязавшую выше осей в жидкой грязи. Лодыжки всех троих сковывали тяжелые цепи. Измученные, исхудалые, пустые лица, позабывшие о надежде так же, как они позабыли о пище.

– Давайте толкайте, мать вашу! – рявкнул на них практик, и они снова склонились над своей незавидной участью.

Вест через грязь двинулся к каменному зданию в дальнем конце лагеря, без особого успеха пытаясь перепрыгивать с одного сухого клочка земли на другой. Еще один хмурый практик стоял на пороге, вода текла ручьем с куска грязной непромокаемой ткани, брошенного на его плечи, суровый взгляд следил за Вестом внимательно и бесстрастно. Вест со своим провожатым прошли мимо него без единого слова и вступили в темное помещение, наполненное барабанным стуком дождевых капель. Практик постучал в расшатанную дверь.

– Войдите.

Небольшая скромная комната с серыми стенами, холодная и пахнущая сыростью. Неяркий огонек мигал за решеткой очага, полка прогибалась от книг. С портрета на стене царственно взирал король Союза. За простым столом сидел худой человек, одетый в черное, и что-то писал. Несколько секунд он разглядывал Веста, потом аккуратно отложил перо и потер переносицу большим и указательным пальцами, испачканными в чернилах.

– У нас посетитель, – произнес практик.

– Вижу. Я инквизитор Лорсен, комендант этого маленького лагеря.

Вест весьма формально пожал костлявую руку.

– Полковник Вест. Я нахожусь здесь вместе с армией принца Ладислава. Мы разбили лагерь в дюжине миль к северу отсюда.

– Да, конечно. И чем я могу быть полезен его высочеству?

– Нам отчаянно нужны работники по металлу. У вас ведь здесь литейная, правильно?

– Рудник, литейная и кузница для изготовления сельскохозяйственного инвентаря, но я все же не понимаю, каким...

– Превосходно. Я возьму у вас десяток людей. Самых опытных, какие у вас есть.

Комендант нахмурился.

– И речи быть не может. Здешние заключенные повинны в самых серьезных преступлениях. Они не могут быть отпущены без ордера, подписанного архилектором самолично.

– Тогда у нас проблема, инквизитор Лорсен. У меня десять тысяч человек – их оружие нужно точить, их доспехи нужно чинить, а их лошадей необходимо подковывать. Мы должны быть готовы к действию в любой момент. У нас нет времени ждать, пока архилектор или кто-либо еще пришлет вам ордер. Я должен уйти отсюда с кузнецами, и точка.

– Но вы должны понять, что я не могу позволить...

– Вы не осознаете серьезности положения! – рявкнул Вест, теряя терпение. – Отправьте письмо архилектору, на здоровье! А я пошлю человека в лагерь, чтобы он привел сюда роту солдат! Посмотрим, кто из нас успеет первым!

Комендант некоторое время раздумывал.

– Ну, хорошо, – произнес он наконец. – Следуйте за мной.

Два грязных ребенка уставились на Веста с крыльца одной из лачуг, когда он вышел из комендантского дома обратно под нескончаемый дождь.

– Вы держите здесь детей?

– Мы держим здесь целые семьи, если они признаны опасными для государства. – Лорсен искоса взглянул на него. – Кое-кто говорит, что это позор, но, чтобы сохранить Союз единым, нужны жесткие меры. По вашему молчанию я догадываюсь, что вы не согласны.

Вест поглядел на одного из жалких ребятишек, ковыляющего по грязи и обреченного, возможно, провести здесь всю жизнь.

– Я думаю, что это преступление.

Комендант пожал плечами.

– Не обманывайтесь. Каждый в чем-нибудь да виновен, и даже невинные могут представлять собой угрозу. Порой приходится идти на небольшие преступления, чтобы предотвратить более крупные, полковник Вест; но в любом случае это решать более значительным людям, чем мы с вами. Я лишь слежу за тем, чтобы они хорошо работали, не грабили друг друга и не устраивали побегов.

– Вы всего лишь выполняете свою работу, да? Проторенный путь, чтобы избежать ответственности!

– Кто из нас живет вместе с этими людьми в заброшенной дыре, вы или я? Кто из нас смотрит за ними, одевает, кормит, моет, ведет бесконечную бессмысленную войну с проклятыми вшами? Может быть, это вы следите за тем, чтобы они не дрались, не насиловали и не убивали друг друга? Вы ведь офицер Собственных Королевских, правда, полковник? Значит, вы живете в Адуе? В отличной квартире в Агрионте, среди богатых лощеных господ?

Вест нахмурился, и Лорсен рассмеялся ему в лицо.

– Так кто из нас на самом деле «избегает ответственности», как вы выразились? Моя совесть чиста как никогда. Можете ненавидеть нас, если хотите, мы к этому привыкли. Никто не хочет пожимать руку человеку, выгребавшему отхожие места, однако кому-то все-таки нужно их выгребать, иначе мир потонет в собственном дерьме. Можете забирать вашу

дюжину кузнецов, но не пытайтесь смотреть на меня свысока! Смотреть свысока здесь неоткуда.

Весту это все не понравилось, однако он не мог не признать, что его собеседник неплохо защищался. Поэтому он лишь стиснул зубы, склонил голову и продолжал молча брести вперед. Они прошлепали по грязи к длинному каменному сараю без окон. Из высоких труб на каждом углу сарая в туманный воздух поднимался густой дым. Практик отодвинул засов на массивной двери и с усилием распахнул ее. Вест шагнул в темноту следом за Лорсеном.

После морозного воздуха улицы жар ударил в лицо как пощечина. Едкий дым щипал глаза, от него першило в горле. В тесном пространстве стоял ужасающий шум. Мехи скрипели и хрипели, молоты лязгали по наковальням и вздымали снопы сердитых искр, раскаленный докрасна металл яростно шипел в бочках с водой. Повсюду были люди, притиснутые друг к другу, потеющие, стонущие, кашляющие; на их изможденных лицах играли отсветы оранжевого сияния горнов. Демоны в аду.

– Остановить работу! – проревел Лорсен. – Всем построиться!

Люди медленно опустили инструменты. Шатаясь, спотыкаясь и грохоча, они вышли вперед и построились в шеренгу; четверо или пятеро практиков присматривали за ними из тени. Жалкий, неровный, сгорбленный, унылый строй. У нескольких мужчин кандалы были не только на ногах, но и на руках. Судя по виду этих людей, они едва ли могли помочь Весту справиться со всеми затруднениями, но у него не было выбора. Ничего другого ему не предложат.

– У нас гость снаружи. Давайте, полковник, говорите.

– Меня зовут полковник Вест, – прохрипел он голосом, осипшим от едкого дыма. – В дюжине миль отсюда по дороге стоят лагерем десять тысяч человек под командованием кронпринца Ладислава. Нам нужны кузнецы. – Вест закашлялся, пытаясь прочистить горло и говорить громче. – Кто из вас умеет работать по металлу?

Никто не отозвался. Люди уставились на свои изношенные до дыр башмаки или босые ноги, украдкой бросая непонятные взгляды на мрачных практиков.

– Не бойтесь. Повторяю, кто может работать по металлу?

– Я могу, сэр.

Человек выступил вперед из шеренги, громыхнув кандалами на лодыжках. Он был худой и жилистый, слегка сутулился. Свет лампы упал на него, и Вест невольно вздрогнул: узник был обезображен ужасными ожогами. Одна сторона его лица являла сплошную массу сизо-багровых, как будто слегка оплывших шрамов, бровь отсутствовала, череп усеивали розовые проплешины. Другая сторона была немногим лучше. Можно сказать, что лица у него почти не было.

– Я могу работать с горном, – повторил арестант. – И в солдатах я тоже походил, в Гуркхуле.

– Хорошо, – пробормотал Вест, прилагая все усилия, чтобы не ужасаться его внешности. – Твое имя?

– Пайк.

– Скажи, Пайк, здесь есть еще хорошие работники по металлу?

Волоча ноги и лязгая кандалами, обгоревший пошел вдоль шеренги. Он за плечи вытаскивал людей вперед, а наблюдавший за ним комендант становился все мрачнее.

Вест облизнул сухие губы. Трудно поверить, что совсем недавно он страдал от холода; теперь он мучился от жары, но чувствовал себя еще хуже, чем прежде.

– Мне понадобятся ключи от их кандалов, инквизитор.

– Ключей нет. Кандалы заварены наглухо. Их никогда не предполагалось снимать, и я настоятельно рекомендую не делать этого. Многие из этих арестантов чрезвычайно опасны,

а кроме того, не забывайте, что вы должны будете вернуть их сюда сразу после того, как вам удастся найти какую-либо альтернативу. Отпускать преступников досрочно не в правилах инквизиции.

Он надменно отошел в сторону, чтобы поговорить с одним из практиков. Пайк бочком приблизился к Весту, придерживая за локоть еще одного из заключенных.

– Простите, сэр, – пробормотал он, понижая свой раскатистый голос, – но не могли бы вы найти местечко и для моей дочери?

Вест пожал плечами, чувствуя неловкость. Он с радостью забрал бы всех до единого и спалил дотла это проклятое место, но сегодня он и без того немало искал судьбу.

– Женщина среди кучи солдат – не лучшее, что можно придумать. Нет, это не годится.

– Всяко лучше, чем здесь, сэр. Я не могу оставить ее здесь одну. Она может помогать мне у горна, а может и сама взяться за молот, если на то пошло. Она сильная.

На вид она не была сильной. Она была тощей и измученной, ее изможденное лицо покрывали пятна сажи и копоты. Вест мог бы принять ее за мальчишку.

– Прости, Пайк, но мы отправимся не на прогулку.

Девушка схватила Веста за руку, когда он уже отворачивался.

– Здесь у нас тоже не прогулка. – Тон ее голоса удивил полковника: мягкий, нежный. – Мое имя – Катиль. Я могу работать.

Вест посмотрел на нее сверху вниз, готовый высвободить руку, однако выражение ее лица кое-что напомнило ему. Никакой боли. Никакого страха. Пустые глаза, безжизненные, словно мертвые.

Арди. Кровь на ее щеке.

Вест сморщился. Воспоминание было подобно ране, которая никогда не залечится. Жара становилась невыносимой, все тело изнывало от неудобства, мундир наждаком терся о липкую кожу. Надо поскорее выбираться из этого кошмарного места.

Вест отвел глаза, покрасневшие от дыма.

– Ее тоже, – хрипло приказал он.

Лорсен хмыкнул.

– Вы шутите, полковник?

– Поверьте, я совершенно не в настроении шутить.

– Умелые работники – это одно дело; понимаю, что вы в них нуждаетесь. Но я не могу позволить вам просто взять и забрать тех, на кого упадет ваш взгляд...

Взбешенный Вест повернулся к нему. Его терпение лопнуло.

– Я сказал: ее тоже!

Если ярость Веста и произвела впечатление на коменданта, он не показал этого. Долгое время они стояли, уставившись друг на друга, а пот все стекал по лицу Веста и кровь громко стучала в висках.

Наконец Лорсен медленно кивнул.

– Ее тоже. Очень хорошо. Я не могу вам помешать. – Он наклонился ближе. – Но архитектор узнает об этом. Он, конечно, далеко, и может пройти некоторое время, прежде чем он узнает, но рано или поздно он узнает, даю вам слово. – И еще ближе, к самому уху Веста: – Возможно, в один прекрасный день вы неожиданно для себя вновь посетите нас, но уже для того, чтобы здесь остаться. Возможно, к тому времени вы подготовите для нас небольшую лекцию о плюсах и минусах штрафных колоний. У нас будет уйма времени, чтобы вас выслушать – Лорсен отвернулся. – А теперь забирайте моих арестантов и уходите. Мне надо написать письмо.

Дождь

Джезаль всегда считал, что хорошая гроза – это отличное развлечение. Капли дождя хлестали по улицам, стенам и крышам Агрионта, шумели в водостоках. Он радовался ливню, глядя в залитое дождем окно, когда сам сидел в тепле и сухости у себя дома. Дождь заставлял врасплох молодых леди в парке, заставлял их визжать и волнующе облеплял мокрыми платьями их тела. Под дождем можно было бежать с друзьями, хохоча во все горло, из одной таверны в другую, а после обсыхать перед ревущим камином с кружкой горячего, приправленного пряностями вина. Дождь всегда нравился Джезалю не меньше, чем солнце. Но то было прежде.

Здесь, на равнинах, грозы были совсем иного рода. Они уже не походили на истерику капризного ребенка, на которую лучше всего просто не обращать внимания, и тогда она быстро кончается. Теперь это была холодная и убийственная, безжалостная и беспощадная, жестокая и неутомимая ярость бури; особенно если помнить, что ближайшая крыша – не говоря уж о ближайшей таверне – находилась в сотне миль пути отсюда. Дождь лил стеной, затопляя ледяной водой бескрайнюю долину. Крупные капли, словно камни из пращи, били по черепу Джезаль, падали на его открытые руки, уши, затылок. Вода струилась сквозь волосы и брови, ручейками стекала вниз по лицу, впитывалась в насквозь промокший воротник. Дождь сплошной серой пеленой скрывал от взгляда все, что находилось больше чем в сотне шагов впереди – хотя ни впереди, ни в любом другом направлении рассматривать было нечего.

Джезаль поежился и постарался пальцами выжать воду из углов воротника. В этом не было смысла, он уже промок насквозь. Чертов лавочник в Адуе заверял, что плащ абсолютно водонепроницаем. Стоил этот плащ немало, и Джезаль в нем очень хорошо смотрелся – как настоящий матерый путешественник. Но ткань начала пропускать воду почти сразу, едва упали первые капли, и уже несколько часов Джезаль ехал насквозь мокрый, словно забрался в ванну в одежде. Причем в очень холодную ванну.

В сапоги просачивалась ледяная вода, голени до крови стерлись о мокрые штаны, промокшее седло скрипело и хлюпало при каждом шаге его несчастной лошади. Из носа текло, ноздри и губы саднили, и даже повод терзал мокрые ладони. В особенности болели соски, как два островка мучительной боли в море неприятных ощущений. Все было невыносимо.

– Когда же это кончится? – мрачно пробормотал Джезаль, сутулясь и поднимая умоляющее лицо к угрюмым небесам. Дождь барабанил по его лицу, губам, глазам, и ему казалось, что для счастья не нужно ничего, кроме сухой рубашки. – Неужели вы не можете ничего сделать? – простонал он, обращаясь к Байязу.

– Что, например? – резко отозвался маг. По его лицу тоже текли струи дождя, вода капала с грязной бороды. – Вы думаете, мне все это доставляет удовольствие? Посреди великой равнины в черт знает какую грозу, в моем-то возрасте? Дожди не делают послаблений для магов, мой мальчик, они проливаются на всех одинаково. Я бы советовал вам привыкнуть к этой мысли и не стонать! Великий вождь должен разделять тяготы своих соратников, своих солдат, своих подданных, без этого он не завоюет их уважения. Великий вождь не жалуется. Никогда!

– Да чтоб они все провалились! – буркнул Джезаль вполголоса. – И этот дождь вместе с ними!

– Ты называешь это дождем? – По безобразному, изуродованному лицу Десятипалого расплывалась широкая улыбка.

Северянин ехал рядом с Джезалем. Когда сверху посыпались крупные капли, он, к немалому удивлению молодого человека, стащил с себя сначала заношенную куртку, а затем

и рубашку, завернул их в непромокаемую ткань и поехал дальше полуголым, не обращая внимания на воду, сбегавшую потоками с его могучей спины, иссеченной шрамами. Он выглядел счастливым, как огромный боров в грязной луже.

Джезаль вначале счел такое поведение еще одной возмутительной демонстрацией дикости. Нам еще повезло, что абориген соблаговолит остаться в штанах, подумал он. Однако когда холодный дождь стал просачиваться сквозь плащ, Джезаль засомневался. Вряд ли без одежды он бы замерз и промок еще больше, чем сейчас, зато точно избавился бы от мучительного трения влажной ткани. Девятипалый ухмыльнулся, словно прочел его мысли:

– Моросит немного, только и всего. Солнце не всегда светит. Надо смотреть правде в глаза!

Джезаль скрипнул зубами. Если он еще раз услышит, что надо смотреть правде в глаза, он проткнет Девятипалого своим коротким клинком. Чертов полуголый дикарь! Достаточно того, что приходилось ехать, есть и спать на расстоянии сотни шагов от этого пещерного жителя, но выслушивать его идиотские советы – такое оскорбление почти невыносимо.

– Черт бы побрал эту безмозглую скотину! – пробормотал Джезаль.

– Если дело дойдет до драки, ты будешь счастлив, что он рядом с тобой.

На Джезалья искоса смотрел Ки, покачиваясь взад-вперед на сиденье поскрипывающей повозки. Дождь прилепил его длинные волосы к исхудалым щекам, белая кожа блестела от влаги, отчего ученик мага казался еще более бледным и болезненным.

– Кто спрашивал твоего мнения?

– Тому, кто не хочет слушать чужих мнений, лучше держать свой собственный рот на замке. – Ки указал кивком на спину Девятипалого. – Это же Девять Смертей! На Севере его боятся, как никого другого. Он убил людей больше, чем чума.

Джезаль угрюмо посмотрел на северянина, мешковато сидевшего в седле, немного подумал и презрительно хмыкнул.

– Меня он нисколько не пугает, – ответил он громко, но все же так, чтобы Девятипалый не мог его услышать.

– Готов спорить, ты ни разу не обнажал клинка по-настоящему, – фыркнул Ки.

– Могу сделать это прямо сейчас! – прорычал Джезаль с самым грозным видом.

– Ого, какой свирепый! – усмехнулся ученик, ничуть не впечатленный этой свирепостью, что разочаровывало. – Однако если ты меня спросишь, кто здесь самый бесполезный, – что ж, я знаю, от кого бы я в первую очередь избавился.

– Ах ты...

Джезаль подпрыгнул в седле: небо осветила яркая вспышка, за ней другая, пугающе близко. Длинные пальцы молнии с огненными когтями проскревели по вздутым подбрюшьям туч, зазмеились во тьме у них над головами. Раскат грома прокатился по сумрачной равнине, он рокотал и грохотал под порывами ветра. Когда гром смолк, повозка уже укатилась вперед, не дав разгневанному Джезалю возможности ответить.

– Черт бы подрал этого идиота! – пробормотал он, мрачно уставившись в затылок ученику.

Вначале, при первых вспышках, он пытался утешить себя, воображая, как его спутников поразит молния. Ведь было бы по-своему справедливо, если бы гром с небес спалил Байяза. Однако вскоре Джезаль перестал мечтать о таком избавлении. Вряд ли молния убьет больше чем одного человека за день, и он начал надеяться, что этим человеком будет он сам. Одно мгновение блистающего света – и сладкое забытие. Самый безболезненный выход из этого кошмара.

Струйка воды пробежала по спине Джезалья, щекоча натертую кожу. Ему страстно хотелось почесаться, но он знал: стоит поддаться искушению, и зуд распространится и на лопатки, и на шею, и на все те места, куда невозможно сейчас дотянуться. Он закрыл глаза,

его голова поникла под тяжестью этой безысходности, и он уткнулся мокрым подбородком в мокрую грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.